

A detailed illustration of Alexander the Great on a dark horse, wearing a golden helmet with a red plume and a red cape. He holds a sword aloft in his right hand. The background shows a cloudy sky with birds and spears in the distance.

ВАЛЕРИО МАССИМО
МАНФРЕДИ

АЛЕКСАНДР
МАКЕДОНСКИЙ

СЫН СНОВИДЕНИЯ • ПЕСКИ АМОНА
ПРЕДЕЛЫ МИРА

The Big Book. Исторический роман

Валерио Массимо Манфреди

**Александр Македонский:
Сын сновидения. Пески
Амона. Пределы мира**

«Азбука-Аттикус»

1998

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Манфреди В.

Александр Македонский: Сын сновидения. Пески Амона. Пределы мира / В. Манфреди — «Азбука-Аттикус», 1998 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-23864-0

Идея покорения мира стара, как и сам мир. К счастью, никто не сумел осуществить ее, но один из великих завоевателей был близок к ее воплощению. Возможно, даже ближе, чем другие, пришедшие после него. История сохранила для нас его черты, запечатленные древнегреческим скульптором Лисиппом, и письменные свидетельства его подвигов. Можем ли мы прикоснуться к далекому прошлому и представить, каким на самом деле был Александр, молодой царь маленькой Македонии, который в IV веке до нашей эры задумал объединить народы земли под своей властью? Среди лучших жизнеописаний великого полководца со времен Плутарха можно назвать трилогию Валерио Массимо Манфреди (р. 1943), известного итальянского историка, археолога, писателя, сценариста и журналиста, участника знаменитой экспедиции «Анабасис». Его романы об Александре Македонском переведены на 36 языков и изданы в 55 странах. Автор художественных произведений на историческую тему, Манфреди удостоен таких престижных наград, как премия «Человек года» Американского биографического института, премия Хемингуэя и премия Банкареллы.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-23864-0

© Манфреди В., 1998
© Азбука-Аттикус, 1998

Содержание

Сын сновидения	10
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Валерио Массимо Манфреди

Александр Македонский: Сын сновидения. Пески Амона. Пределы мира (сборник)

Valerio Massimo Manfredi

IL FIGLIO DEL SOGNO

LE SABBIE DI AMON

IL CONFINE DEL MONDO

Copyright © 1998 Mondadori Libri S.p.A., Milano

All rights reserved

Карты выполнены Юлией Каташинской

© М. В. Кононов, перевод, 2003

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Он жил на пределе возможностей; этого человека современники считали богом... Его жизнь протекала в мире легенд.

Goodreads.com

Эта трилогия переносит нас в самый центр потрясающих событий... от предзнаменований великой судьбы Александра до завоевания Азии – немыслимого подвига для македонского грека, жившего в IV веке до нашей эры.

Qlibri.it

Короткая, но очень напряженная жизнь... Жизнь, посвященная созданию мифа...

Leggereacolori.com

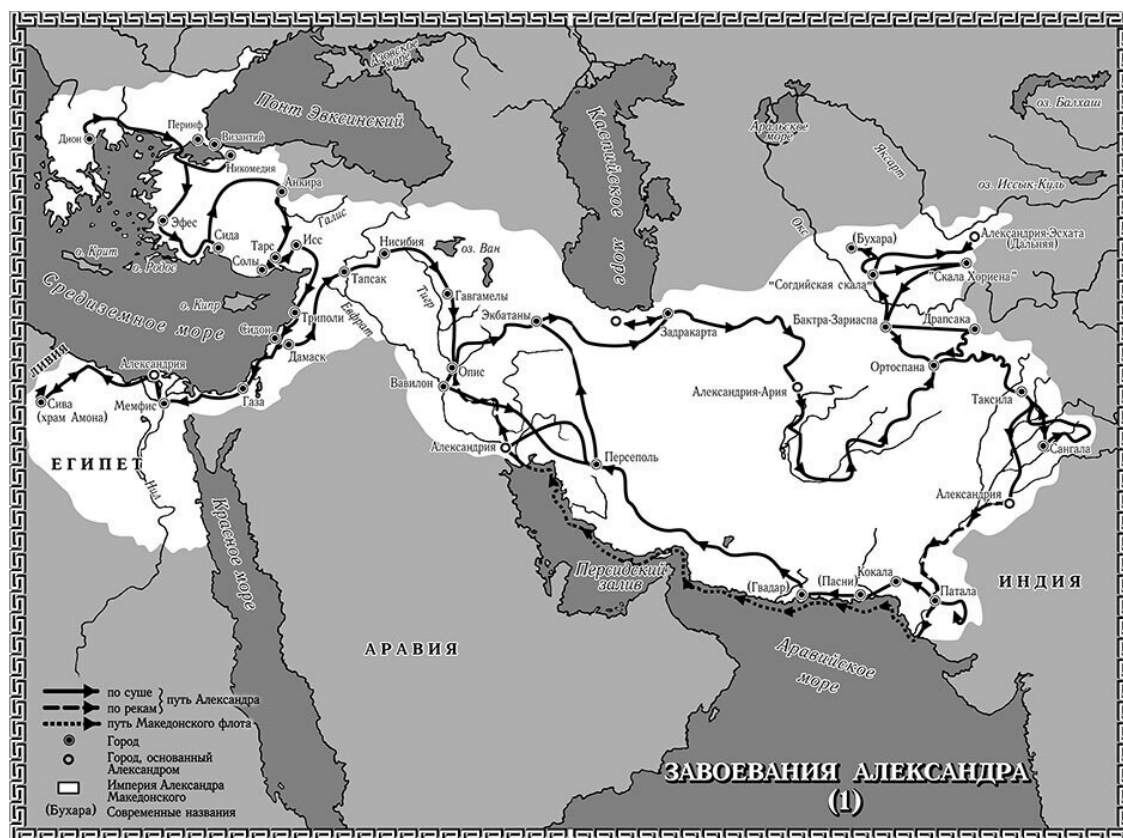
Пока существуют границы и барьеры, различные языки и обычаи... мира не будет.

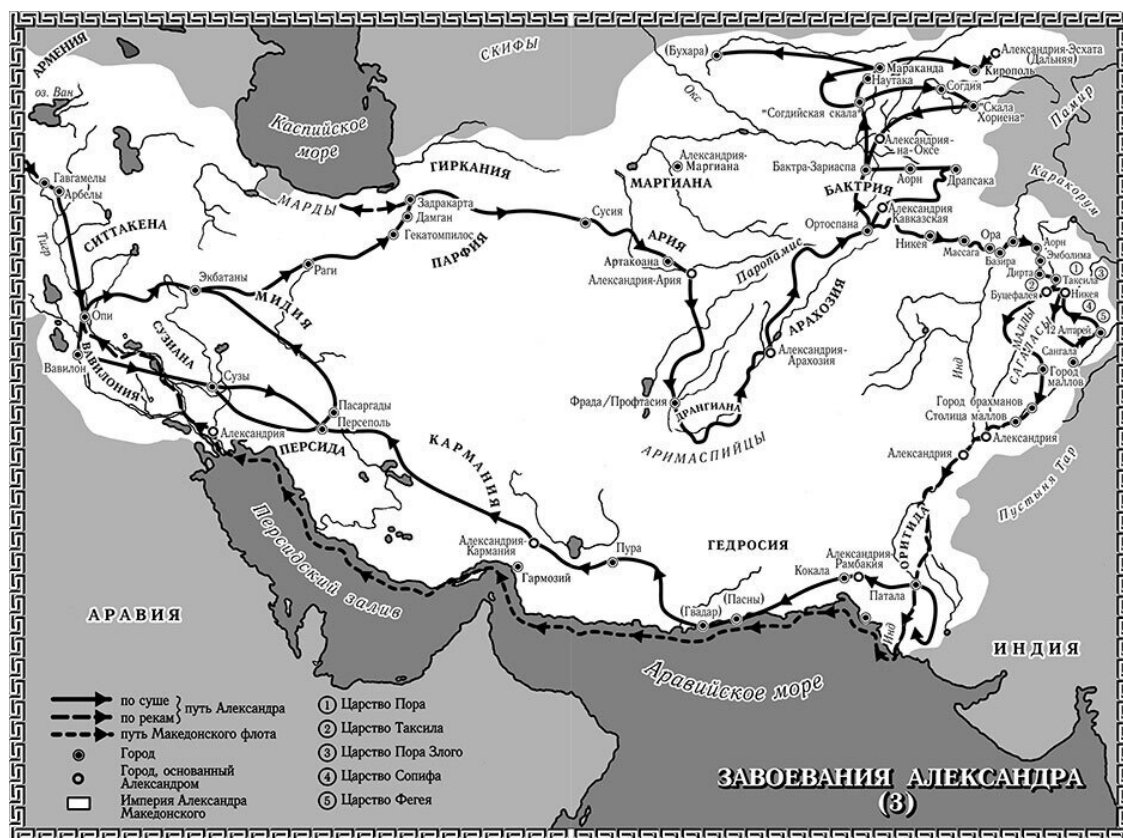
Валерио Массимо Манфреди

* * *

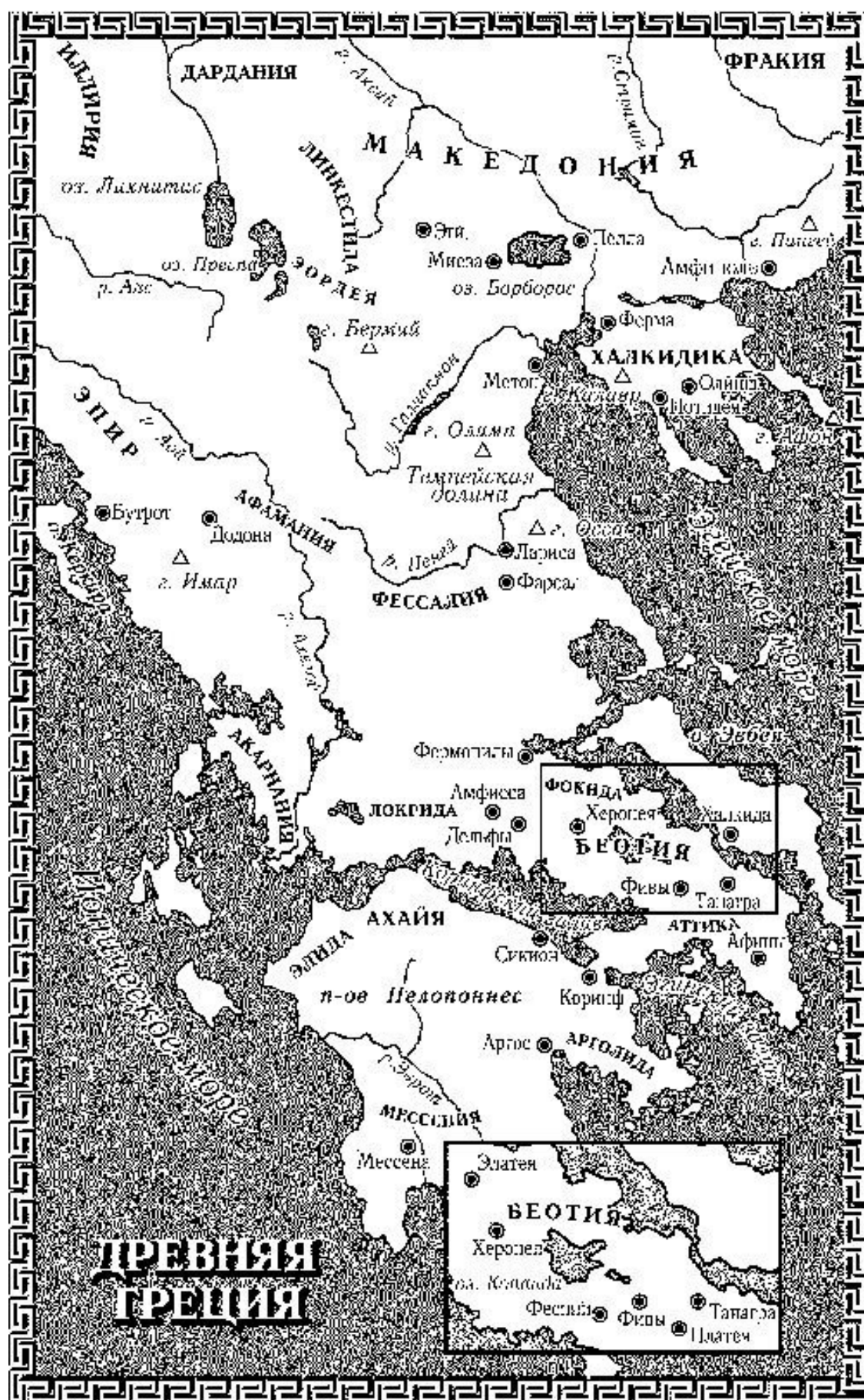
Кристине

* * *

Сын сновидения

Пролог

По четырем дорогам, ведущим на вершину Горы Света, медленно поднимались четверо волхвов: они сходились с четырех сторон горизонта, и каждый нес переметную суму с благовонным деревом, предназначенным для огненного ритуала.

На волхве Утренней Зари были плащ розового шелка с голубым отливом и сандалии оленьей кожи. Волхв Вечерней Зари закутался в алый плащ, пестревший золотом; с плеч его ниспадала длинная хламида из тонкого полотна с вышивкой.

Волхв Полудня избрал пурпурную рубаху с узором из золотых крапинок и туфли змеиной кожи. А последний из четверых, волхв Полуночи, облачился в черные одежды из шерсти еще не рожденных ягнят, осыпанные серебряными звездами.

Они шли так, словно ритм их движения задавался некоей музыкой, слышной лишь им одним. Ровными шагами с одинаковой скоростью приближались они к храму, хотя один поднимался по каменистой круче, другой шел по ровной дороге, а двое остальных пробирались по песчаным руслам пересохших рек.

Они одновременно подошли к четырем входам каменной башни – в тот миг, когда рассвет вдруг облил жемчужным светом безграничные просторы плоскогорья. Поклонившись перед четырьмя входами, волхвы взглянули в лицо друг другу и приблизились к алтарю, что находился внутри храма. Начал ритуал волхв Утренней Зари – ровным квадратом он разложил сучья сандалового дерева. Потом волхв Полудня по диагоналям положил связки веток акации. Волхв Вечерней Зари водрузил сверху очищенные прутья кедра, срубленного в горах Ливана. А последний из них, волхв Полуночи, принес высушенные на высокогорном солнце ветви поваленного молнией кавказского дуба. Потом все четверо вытащили из переметных сум священные кремни и начали, ударяя в такт, высекать голубоватые искры и пускать их в основание маленькой пирамидки, пока не разгорелся огонь, сначала слабый и робкий; он становился все сильнее и смелее; червячки пламени посинели, а под конец стали почти белыми, подобно небесному огню, всевышнему дыханию Ахурамазды, бога истины и славы, господ времени и жизни.

В большой каменной башне лишь чистый голос огня вышептывал слова сокровенной поэзии; не слышалось даже дыхания четверых волхвов, которые замерли в самом центре своей безграничной родины.

Захваченные видом священного огня, принявшего форму примитивного архитектурного сооружения из разложенных на каменном алтаре сучьев, не отрывая глаз от этого чистейшего света, они вознесли свою молитву за народ и царя – Великого Царя, Царя Царей, сидящего на своем далеком-далеком престоле, в великолепных чертогах своего дворца, в бессмертном Персеполисе, среди леса расписанных пурпуром и золотом колонн, в окружении крылатых быков и вставших на задние лапы львов.

В этот утренний час в этом магическом, уединенном месте воздух был совершенно недвижим, и потому в конце концов небесный огонь должен был отдаться своему естеству, своей божественной природе и просто устремиться вверх, чтобы воссоединиться с Эмпиреем, своим исконным началом.

Но внезапно какая-то мощная сила дохнула на пламя и задула его. Под ошеломленным взглядом волхвов даже горячие угли вдруг превратились в черную золу.

Не было никакого другого знамения, не раздалось ни звука – лишь клекот сокола донесся из вышины безоблачного неба. Четверо магов изумленно стояли у алтаря, пораженные зловещим предчувствием, безмолвно проливая слезы.

В этот самый момент в далекой западной стране молодая женщина в трепете подошла к дубам древнего святилища, чтобы испросить благословения своему сыну, шевеление которого она впервые ощутила в своем лоне. Женщину звали Олимпиада. И ветер, бушевавший в тысячетлетних ветвях и сбрасывавший к ногам гигантских стволов мертвую листву, открыл ей имя ребенка. И это имя было:

АлександрОС¹

Глава 1

Олимпиада уже давно хотела отправиться в святилище Додоны из-за некоего странного внушения, из-за одного предсказания, посетившего ее в видении, когда она спала рядом со своим супругом Филиппом, царем македонян, который храпел, до отвала наевшись и напившись вина.

Ей приснилось, что по коридору медленно ползет змей, а потом в тиши заползает в спальню. Олимпиада видит его, но не может пошевелиться, не может ни закричать, ни убежать, а петли огромной рептилии скользят по каменным плитам, и чешуя в лунном свете, льющемся в окно, сверкает медью и бронзой.

На одно мгновение Олимпиаде захотелось, чтобы Филипп проснулся и обнял ее, согрел на своей сильной, мускулистой груди, приласкал могучими руками воина, но тут ее взгляд упал на этого дракона, на этого чудесного зверя,двигающегося словно призрак, словно волшебное создание – из тех, что боги по своему желанию вызывают из чрева земли.

И теперь, как ни странно, страх прошел и не осталось никакого отвращения; наоборот, ощущалось все более сильное влечение к змею. Олимпиаду прямо-таки околдовали эти извивы, эта грациозная и молчаливая мощь.

Змей заполз под одеяло, скользнул меж ног и грудей, и Олимпиада ощутила, как он, легкий и холодный, овладел ею, не причинив никакой боли, не совершив никакого насилия.

И ей приснилось, что его семя смешалось с тем семенем, которое с силой быка и пылом хрюка впихнул в нее муж, после чего рухнул, истомленный усталостью и вином.

Наутро царь облачился в доспехи и, вместе со своими военачальниками подкрепившись мясом дикого кабана и овечьим сыром, отправился на войну. На войну с народом еще более диким, чем его собственные македоняне, – с трибаллами, жившими вдоль Истра² – величайшей реки в Европе, которые одевались в медвежьи шкуры и носили лисьи шапки.

Жене Филипп сказал лишь такие слова:

– Не забывай все время приносить жертвы богам, чтобы соблаговолили и ты родила мне сына, мужчину, наследника, подобного мне.

После чего сел на гнедого коня и пустил его в галоп. За царем поскакали его военачальники, и земля во дворе задрожала под копытами боевых скакунов, а в такт топоту загремели доспехи.

После отъезда мужа Олимпиада приняла холодную ванну и, пока служанки терли ей спину мочалкой, смоченной маслом жасмина и пиерской розы, послала за Артемизией, своей кормилицей, статной, грудастой пожилой женщиной из благородной семьи. Кормилицу при-

---

¹ Александрос – греческая форма имени Александр. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Истр – река Дунай.

везли из Эпира вместе с Олимпиадой, когда та прибыла в Македонию для бракосочетания с Филиппом.

Рассказав ей свой сон, царица спросила:

– Моя добрая Артемизия, что может он означать?

Кормилица помогла госпоже выйти из ванны и стала вытирать ее египетским льняным полотном.

– Девочка моя, сны – это всегда послания богов, но не многие умеют толковать их. Думаю, тебе следует отправиться в самое древнее наше святилище и посоветоваться с Додонским оракулом на нашей родине, в Эпире. Там с незапамятных времен жрецы передают друг другу умение различать голос великого Зевса, отца богов и людей, который слышен в ветвях тысячелетнего дуба, когда в святилище дует ветер, тот ветер, что весной и летом заставляет ветви шептать, а осенью и зимой – сбрасывать к корням сухие листья.

И вот, спустя несколько дней, Олимпиада пустилась в путь к святилищу, воздвигнутому в месте, полном величественной мощи, в зеленой долине, укрытой лесистыми склонами гор.

Об этом храме говорили, что он один из самых древних на земле. Вскоре после того, как Зевс изгнал с небес своего отца Кроноса, из его руки вылетели две голубки. Одна голубка села на додонский дуб, а другая – на пальму в оазисе Сива в жгучих песках Ливии, и с тех пор в этих двух местах можно слышать голос отца богов.

– Что означает мое сновидение? – спросила Олимпиада у жрецов святилища.

Они сидели кругом на каменных скамьях среди зеленого-зеленого луга, заросшего ромашками и лютиками, и слушали, как ветер шевелит листву дуба. Казалось, их всецело поглотило это занятие.

Наконец один из жрецов сказал:

– Твой сон означает, что рожденный тобою будет из рода Зевса и смертного человека. Он означает, что в твоём лоне кровь бога смешалась с кровью человека. Сын, которого ты произведешь на свет, будет сиять чудесной силой, но как яркое пламя выжигает нутро лампы и быстро пожирает питающее его масло, так его душа может выжечь грудь, в которой заключена. Помни, царица, историю Ахилла, предка твоего славного рода: ему было дано выбрать между жизнью короткой, но славной или долгой, но неприметной. Он выбрал первую: пожертвовал жизнью за один ослепительный миг.

– Такова судьба, предначертанная ему? – в трепете спросила Олимпиада.

– Это возможная судьба, – ответил другой жрец. – Человек может пройти много дорог, но все люди рождаются с разной силой, которая исходит от богов и стремится вернуться к богам. Храни эту тайну в своем сердце, пока не наступит момент, когда природа твоего сына проявится в полной мере. А тогда будь готова ко всему. Будь готова даже потерять его, ибо, что бы ты ни делала, тебе не удастся воспрепятствовать предначертанию судьбы, гласящему, что слава твоего сына распространится до пределов мира.

Не успел он договорить, как ветерок, шелестевший листвой дуба, внезапно усилился холодным порывом с юга и за короткое время набрал такую силу, что пригнул кроны деревьев и вынудил жрецов накрыть головы плащами.

Ветер принес с собой густую рыжеватую дымку, которая заволокла всю долину, и Олимпиада тоже закуталась в плащ с головой и осталась неподвижно стоять посреди вихря, как статуя безликого божества.

Вихрь пронесся так же внезапно, как налетел, и, когда дымка рассеялась, статуи, стелы и алтари, украшавшие священное место, оказались покрыты тонким слоем красной пыли.

Тот жрец, что заговорил последним, кончиком пальца коснулся пыли и поднес его к губам.

– Эту пыль принесло дыхание ливийского ветра, поднятого Зевсом-Амоном, у которого есть оракул среди пальм Сивы. Это чудесное знамение, поскольку два самых древних оракула

на земле, разделенные огромным расстоянием, в один и тот же момент позволили услышать голос бога. Твой сын уловил исходящие издалека призывы и, возможно, внял их посланию. Когда-нибудь он услышит их снова – в великом святилище, окруженном песками пустыни.

Выслушав эти слова, царица вернулась в Пеллу, столицу Македонии, и среди пыльных летом и грязных зимой улиц с робостью и тревогой стала ожидать того дня, когда у нее родится сын.

Схватки начались весенним вечером, после захода солнца. Женщины зажгли светильники, и кормилица Артемизия послала за повитухой и врачом Никомахом, который оказывал помощь еще старому царю Аминте и присутствовал при рождении немалого числа царских отпрысков, как законных, так и побочных.

Никомах знал, что время подошло, и был наготове. Он повязал передник, нагрел воду и велел принести еще свечей, чтобы было светлее.

Но первой приблизиться к царице он предоставил повитухе, так как в тот момент, когда женщина производит на свет сына, она предпочитает, чтобы к ней прикасалась другая женщина: ведь только женщина способна понять муки и одиночество, в которых рождается новая жизнь.

А царь Филипп в это время вел осаду города Потидея и ни за что на свете не покинул бы своих боевых порядков.

Роды были долгими и трудными, потому что Олимпиада отличалась стройным и хрупким сложением.

Кормилица то и дело вытирала пот:

– Наберись сил, девочка, напрягись! Вид твоего сына сотрет память о всех тех страданиях, которые ты сейчас испытываешь.

Она смочила царице губы ключевой водой, которую служанки постоянно сменяли в серебряной чаше.

Но когда наконец боль достигла такой силы, что Олимпиада едва не лишилась чувств, вмешался Никомах: он направил руки повитухи и велел Артемизии надавить на живот царицы, потому что у той самой уже не оставалось сил.

Врач приложил ухо к паху Олимпиады и услышал замедляющиеся удары маленького сердечка.

– Дави изо всей силы, – велел он кормилице. – Ребенок должен родиться сейчас же.

Артемизия навалилась всем своим весом на царицу, и та с громким криком наконец разрешилась от бремени.

Перевязав пуповину льняной нитью, Никомах быстро перерезал ее бронзовыми ножницами и протер ранку неразбавленным вином. Артемизия первая посмотрела в личико ребенка и пришла в восторг.

– Разве это не чудо? – приговаривала она, проводя по личику комочком шерсти, смоченной оливковым маслом.

Повитуха омыла головку младенца, а вытерев ее, не смогла сдержать удивленного возгласа:

– У него волосы, как у полугодовалого ребенка, и они золотятся. Он похож на маленького Эрота.

Артемизия между тем надела на него крохотную льняную рубашонку, поскольку Никомах не велел туго пеленать младенцев, как это принято в большинстве семей.

– Какого цвета, по-твоему, у него глаза? – спросил он у повитухи.

Женщина принесла светильник, и глазки младенца засветились всеми цветами радуги.

– Не знаю, трудно сказать. То кажутся голубыми, а то темными, почти черными. Возможно, сказывается столь различная натура родителей...

Никомах тем временем занялся царицей, у которой, как это часто случается при первых родах, продолжалось сильное кровотечение. Опасаясь этого, он предусмотрительно набрал снега со склонов горного хребта Бермий.

Сделав холодные примочки, врач приложил их к животу Олимпиады. Царица содрогнулась, обессиленная и измученная, но он продолжал держать ледяной компресс, пока кровотечение полностью не прекратилось.

А потом, сняв передник и вымыв руки, поручил царицу заботам женщин. Он позволил сменить ей простыню, вытереть с нее пот губкой, смоченной розовой водой, надеть на нее свежую рубашку из ее сундука и дал ей попить.

Потом Никомах показал матери малыша:

– Вот сын Филиппа, царица. Ты родила прекрасного ребенка.

И наконец вышел в коридор, где дожидался один из царских конников, готовый тут же отправиться в путь.

– Отправляйся, скажи к царю и скажи, что у него родился сын. Скажи, что это красивый, здоровый и крепкий мальчик.

Конник накинул на плечи плащ, перекинул через плечо переметную суму и бросился к выходу. Прежде чем он исчез из виду, Никомах крикнул вдогонку:

– Скажи также, что царица чувствует себя хорошо.

Воин не остановился, и вскоре во дворе послышалось ржание, а потом бешеный топот копыт, вскоре затерявшийся в улицах спящего города.

Глава 2

Артемизия взяла ребенка и положила на постель рядом с царицей. Олимпиада чуть приподнялась на локтях, опершись спиной на подушки, и посмотрела на него.

Он был прекрасен, с пухлыми губками и розовым, нежным личиком. Его светло-каштановые волосики блестели золотом, а точно посередине лба виднелось то, что повитухи называют «телячий лизок»: выдающийся мысик волос, разделенный надвое.

Глаза ребенка показались матери голубыми, но в глубине левого глаза виднелась какая-то тень, отчего при смене света он становился темнее.

Олимпиада подняла ребенка, прижала к себе и начала баюкать, пока он не перестал плакать. Потом обнажила грудь и хотела покормить его, но Артемизия, подойдя, сказала:

– Девочка, для этого есть кормилица. Не порти грудь. Скоро вернется с войны царь, и тебе нужно быть красивой и желанной как никогда.

И протянула руки, чтобы взять младенца, но царица не отдала его, а приложила к груди и кормила своим молоком, пока он спокойно не заснул.

В это время гонец во весь опор скакал в темноте, чтобы как можно скорее добраться до царя. Среди ночи он прискакал к реке Аксий и погнал коня по мосту из составленных рядом лодок. В Ферме, еще затемно, он сменил коня и продолжил свой путь вглубь Халкидики.

Над морем прорезался рассвет, и обширный залив зажегся от восхода солнца, став как зеркало, поставленное перед огнем. Над Калаврскими горами поднялось светило, осветив суровые скалы, многие из которых отвесно обрывались в море, яростно кипящее внизу пеной прибоя.

Филипп кольцом окружил древний город Потидея, почти полвека находившийся под властью афинян. Царь начал эту войну не потому, что хотел досадить Афинам, а потому, что считал эти земли македонскими и собирался утвердить свою власть над всем регионом, от Фермского залива до пролива Босфор. В этот момент, укрывшись со своими воинами в штурмовой башне, Филипп, в доспехах, покрытый пылью, потом и кровью, готовился к решительной атаке.

– Мужчины! – кричал он. – Если вы чего-то стоите, пришел час показать это! Первого, у кого хватит духу броситься вместе со мной на вражескую стену, награжу лучшим конем из царских конюшен! Но клянусь Зевсом, если увижу хотя бы одного, кто в решительный момент заколеблется, буду сечь, пока не спущу всю шкуру. Сам! Вы хорошо меня слышите?

– Слышим, владыка!

– Тогда вперед! – приказал Филипп и кивнул подручным, чтобы поднимали на канатах раму.

На полуразрушенную ударами стенобитной машины стену перебросился мост, и царь, крича, разя мечом, бросился вперед – так быстро, что было трудно не отстать. Но его воины хорошо знали, что государь всегда держит свое слово, и повалили следом всей массой, толкаясь щитами и разбрасывая в стороны защитников города, изможденных недосыпанием и усталостью. За Филиппом и его личной гвардией хлынуло остальное войско, вступая в ожесточенные схватки с последними защитниками Потидеи, которые забаррикадировали улицы и входы в каждый дом.

К заходу солнца Потидея на коленях попросила мира.

Когда прибыл гонец, наступила ночь. Загнав еще двух коней, с возвышавшихся над городом холмов он увидел внизу вокруг стен толчею огней и услышал торжествующие крики македонян.

Гонец прищепил коня и вскоре уже был в лагере, где попросил отвести его в шатер к царю.

– Чего тебе нужно? – спросил его начальник стражи, судя по акценту северянин. – Царь занят. Город пал, и царь ведет переговоры с послами.

– Родился царевич, – ответил гонец.

Начальник стражи даже подскочил:

– Следуй за мной.

Государь в боевых доспехах находился в шатре, окруженный своими военачальниками. Чуть позади него сидел начальник штаба Антипатр. Прочие были представителями павшей Потидеи, которые не столько говорили, сколько слушали Филиппа – македонский царь диктовал свои условия.

Начальник стражи, понимая, что его вмешательство в данный момент недопустимо, но в то же время осознавая, что промедление с оглашением известия будет еще более непристительным, выпалил одним духом:

– Царь! Весть из дворца: царица родила тебе сына!

Потидейские послы, бледные и истощенные, переглянулись и привстали со своих скамеечек. Антипатр поднялся на ноги и прижал руки к груди, ожидая распоряжения или какого-либо слова от царя.

Филипп осекся на полуслове.

– Ваш город должен выдать нам... – говорил он как раз в этот момент и закончил изменившимся голосом: – Сына.

Послы не поняли и снова переглянулись, на этот раз побледнев от ужаса, но Филипп уже опрокинул свое кресло, оттолкнул начальника стражи и схватил за плечи гонца.

Огонь светильников отбрасывал на его лицо резкие тени, горел в диких глазах.

– Скажи мне, какой он, – велел царь тем же тоном, каким посылал своих воинов на смерть во имя величия Македонии.

Гонец в ужасе осознал, что не сможет удовлетворительно ответить на вопрос, и вспомнил лишь четыре слова, которые было велено передать. Он прокашлялся и громогласно объявил:

– Царь, твой сын – красивый, здоровый и крепкий мальчик.

– Откуда ты знаешь? Ты видел его?

– Я бы ни за что не посмел, государь. Я стоял в коридоре, как мне было велено, с плащом, переметной сумой на плече и оружием. Вышел Никомех и сказал... буквально такие слова: «Отправляйся, скачи к царю и скажи ему, что у него родился сын. Скажи, что это красивый, здоровый и крепкий мальчик».

– Тебе сказали, похож он на меня?

Чуть замаявшись, гонец ответил:

– Этого мне не сказали, но я уверен, что похож.

Филипп повернулся к Антипатру, который подошел обнять его, и в это мгновение гонец вспомнил, что, пока бежал к лестнице, услышал еще кое-что:

– Врач сказал еще, что...

Филипп резко обернулся:

– Что?

– Что царица чувствует себя хорошо, – одним духом закончил вестник.

– Когда это произошло?

– Прошлой ночью, вскоре после захода солнца. Я бросился вниз и поскакал. Я не останавливался ни на минуту, даже чтобы поесть, и только пил из своей фляги, не слезая с коня. Я слезал, лишь чтобы пересесть на другого... Я не видел, сколько было времени.

Филипп хлопнул его по плечу:

– Дайте поесть и выпить этому нашему другу. Всего, что он пожелает. И дайте ему поспать в хорошей постели за то, что доставил мне лучшую из вестей.

Послы в свою очередь поздравили царя и попытались воспользоваться благоприятным моментом, чтобы завершить переговоры с наибольшей выгодой для себя, но тот заявил:

– Не сейчас, – и ушел в сопровождении своего начальника штаба.

Филипп тут же созвал всех командиров своего войска, велел принести вина и пожелал, чтобы они выпили с ним, а потом приказал:

– Трубите сбор. Хочу, чтобы мое войско построилось в безупречном порядке, как пехота, так и конница. Хочу, чтобы собрались все.

В лагере зазвучали трубы, и люди, уже слегка пьяные или полуголые в шатрах проституток, начали вставать на ноги, облачаться в доспехи, хватать копья и в спешке бросились строиться, поскольку сигнал трубы был равносителен голосу самого царя, кричавшего в ночи.

Филипп уже стоял на возвышении, окруженный своими военачальниками, и, когда все выстроились, самый старый воин, как обычно, выкрикнул:

– Зачем позвал нас, царь? Чего ты хочешь от своих солдат?

Филипп вышел вперед. Он был в парадных доспехах из железа и золота и длинном белоснежном плаще; на ногах сверкали поножи с серебряной чеканкой.

Тишину нарушало лишь фыркание коней и крики ночных зверей, привлеченных огнями лагеря. Полководцы, стоявшие по бокам от государя, видели, что его лицо покраснело, как бывало, когда он сидел у бивака, а глаза горят.

– Македонские мужи! – крикнул царь. – У меня дома, в Пелле, царица родила мне сына. В вашем присутствии я объявляю, что это мой законный наследник, чтобы вы запомнили. Его имя

АЛЕКСАНДРОС!

Командиры приказали салютовать оружием, и пехотинцы взметнули вверх сарисы, огромные двенадцатифутовые боевые копья, конники подняли к небу лес дротов, а кони забили копытами и заржали, кусая удила.

Потом все начали ритмично выкрикивать имя царевича «Александрос! Александрос! Александрос!» и стучать наконечниками копий по щитам, поднимая шум к самым звездам.

Они думали, что и слава Филиппова сына вместе с их голосами и шумом их оружия взметнется к обиталищу богов среди небесных созвездий.

В это время другой македонский военачальник – Парменион – со своим войском стоял лагерем в горах Иллирии неподалеку от озера Лихнитис, чтобы обезопасить также и этот участок македонской границы. Позже говорили, что в тот самый день, когда было объявлено о рождении у Филиппа сына, царь взял город Потидея и получил известие еще о двух победах: Пармениона над иллирийцами и своей квадриги на Олимпийских состязаниях. Прорицатели объявили, что царственный младенец, рожденный в день трех побед, будет непобедим.

На самом деле Парменион разбил иллирийцев в начале лета, вскоре после празднования Олимпийских игр и гонки колесниц, но тем не менее можно сказать, что Александр родился в год чудесных предзнаменований, и оставалось ожидать, что все его последующие деяния будут сродни скорее божественным, нежели человеческим.

Потидейские послы попытались продолжить свои переговоры с того места, на котором остановились, но Филипп кивнул своему начальнику штаба:

– Антипатр прекрасно знает мои соображения на этот счет, говорите с ним.

– Но, государь, – возразил Антипатр, – совершенно необходимо, чтобы царь...

Не дав ему закончить фразу, Филипп накинул плащ и свистом кликнул своего коня. Антипатр последовал за ним:

– Государь, ради этого момента потребовались месяцы осады и жестоких боев, и не можешь же ты...

– Еще как могу! – воскликнул царь, вскочив на коня и пришпорив его.

Покачив головой, Антипатр вернулся было в царский шатер, когда услышал оклик Филиппа.

– Возьми! – крикнул тот, сняв с пальца перстень с печаткой и бросая его своему соратнику. – Пригодится. Заключи для меня договор получше, Антипатр; ведь эта война и впрямь недешево нам обошлась!

Полководец на лету поймал царский перстень и несколько мгновений стоял, глядя, как царь скачет через лагерь и вылетает из северных ворот, а потом крикнул страже:

– За ним, идиоты! Неужели вы оставите его одного? Шевелитесь, гром на вашу голову!

Стража помчалась вслед, когда плащ Филиппа еще белел в лунном свете на склоне горы, а спустя несколько мгновений все исчезло. Антипатр вернулся в шатер, усадил ошеломленных потидейских послов и, усевшись сам, спросил:

– Ну, так на чем мы остановились?

Филипп скакал всю ночь, останавливаясь только ради того, чтобы сменить коня или попить вместе с ним из ручья или родника. Пелла показалась вдали после наступления сумерек, когда последний луч заходящего солнца окрасил пурпуром отдаленные, заснеженные вершины Бермия. По равнине, как морские волны, прокатывались табуны скачущих галопом лошадей, а на спокойную гладь озера Борборос тысячами опускались на ночевку птицы.

Начинала сверкать вечерняя звезда, такая яркая, что бросала вызов великолепию луны, постепенно клонящейся к поверхности моря. То была звезда Аргеадов, династии, что правила на этой земле со времен Геракла, бессмертная звезда, самая прекрасная из всех, что сияют на небесах.

Филипп остановил коня, чтобы посмотреть на нее и воззвать к ней.

– Помоги моему сыну, – от всей души проговорил он. – Пусть он царствует после меня, и пусть после него царствуют его сыновья и сыновья его сыновей.

Потом, изнуренный и покрытый потом, неожиданно для всех поднялся в царский дворец. Послышался шум, шорох одежды суетящихся в коридоре женщин, звон оружия стражников.

Когда царь вошел в двери спальни, царица сидела в кресле, и ее тело едва прикрывала собранная в тончайшие складки ионийская сорочка. В комнате пахло пиерской розой, а кормилица Артемизия держала на руках ребенка.

Двое оруженосцев развязали ремни панциря и отцепили меч, чтобы царь мог ощутить кожу малыша. Он взял ребенка на руки и долго держал, прижав головку меж шеей и плечом, чувствуя губы малыша на жестком от рубцов плече, ощущая тепло и запах лилейной детской кожи.

Закрыв глаза, Филипп прямо и неподвижно стоял посреди тихой комнаты. В это мгновение он забыл шум битвы, треск осадных машин, неистовый галоп коней. Он прислушивался к дыханию своего сына.

Глава 3

Через год царица Олимпиада родила дочку, которой дали имя Клеопатра. Девочка напоминала мать и была такой хорошенькой, что служанки развлекались, постоянно меняя ей наряды, как кукле.

Александра, который начал ходить уже три месяца назад, пустили в ее комнату лишь через несколько дней после рождения девочки с маленьким подарочком, приготовленным кормилицей. Мальчик осторожно приблизился к колыбели и стал с любопытством рассматривать сестренку, широко раскрыв глаза и склонив голову набок. Подошла служанка, боясь, что малыш из ревности причинит новорожденной какой-нибудь вред, но мальчик взял ее ручку и сжал в своей, словно понимая, что это существо соединено с ним глубокими узами и что надолго она станет его единственной подругой.

Клеопатра тихонько пролепетала что-то, и Артемизия сказала:

– Видишь? Она очень рада знакомству с тобой. Отдай же ей подарочки!

Александр вытащил из-за пояса металлическое колечко с серебряными бубенчиками и начал трясти перед малышкой, которая протянула ручки, чтобы схватить забавку. Олимпиада с умилением смотрела на эту сценку.

– Какая жалость, что нельзя остановить время, – заметила она, словно размышляя вслух.

Долгое время после рождения детей Филипп постоянно вел кровавые войны. Он укрепил границы на севере, где Парменион разбил иллирийцев; на западе находилось дружественное царство Эпир, где правил Аррибас, дядя царицы Олимпиады; на востоке, совершив множество походов, македонский царь усмирил воинственные фракийские племена и распространил свои владения до реки Истр. После этого он завладел почти всеми городами, что греки построили на побережье: Амфиполе, Метонем, Потидеей – и ввязался в братоубийственную борьбу, терзавшую эллинский полуостров.

Парменион стремился предостеречь его против подобной политики и однажды, когда в дворцовой оружейной палате Филипп собрал военный совет, решил взять слово:

– Ты построил могучее и сплоченное царство, государь, и позволил македонянам гордиться собой; зачем же ты хочешь впутаться во внутренние усобицы греков?

– Парменион прав, – присоединился Антипатр. – В их борьбе нет никакого смысла. Все против всех. Вчерашние союзники сегодня ожесточенно воюют друг против друга, и проигравший вступает в союз с самым лютым своим врагом, чтобы противостоять победившему.

– Верно, – согласился Филипп, – но у греков есть все, чего недостает нам: искусство, философия, поэзия, театр, медицина, музыка, архитектура, а кроме того, еще и наука политики – искусство управлять государством.

– Ты царь, – возразил Парменион, – и тебе не нужна никакая наука. Тебе достаточно повелевать, и все слушаются тебя.

– Пока у меня есть сила, – сказал Филипп. – Пока кто-нибудь не всадит мне клинок меж ребер.

Парменион ничего не ответил. Он хорошо помнил о том, что ни один македонский царь не умер в своей постели.

Тишину, ставшую тяжелой, как скала, нарушил Антипатр:

– Если ты действительно сам хочешь засунуть руку в пасть льва, я не могу отговорить тебя, но посоветовал бы тебе действовать единственным образом, какой может дать надежду на успех.

– Как?

– В Греции есть лишь одна сила, превосходящая всех, лишь одна сила, которая может установить мир...

– Святилище Аполлона в Дельфах, – сказал царь.

– Или, лучше сказать, тамошние жрецы и правящий ими совет.

– Я знаю, – согласился Филипп. – Кто контролирует святилище, тот в большой степени контролирует политику греков. Сейчас совет попал в трудное положение: он объявил священную войну против фокийцев, обвинив их в обработке земель, принадлежащих Аполлону, но фокийцы мановением руки завладели сокровищами храма и с этим богатством нанесли тысячи наемников. Теперь Македония – единственная сила, способная разобраться с этим конфликтом...

– И ты решил ввязаться в войну, – закончил Парменион.

– При условии: если победа будет за мной, я получаю место фокийцев и таким образом стану председательствовать в совете святилища.

Антипатр и Парменион поняли: у царя не просто имеется план – он исполнит задуманное любой ценой. И потому военачальники Филиппа даже не стали пытаться отговорить его.

Конфликт продолжался долго и бурно, с переменным успехом. Когда Александру исполнилось три года, Филипп потерпел первое серьезное поражение и был вынужден отступить. Его враги говорили, что он бежал, но царь отвечал:

– Я не бежал – просто отошел, чтобы боднуть противника с разбегу, как разъяренный баран.

Таков был Филипп. Человек невероятной решительности и силы духа, неукротимой жизненной силы, с острым и пылким умом. Но люди такого склада всегда оказываются в одиночестве, поскольку им трудно посвятить себя окружающим.

Когда Александр начал догадываться, что происходит вокруг, и отдавать себе отчет, кто такие его отец и мать, ему было около семи лет. Он уверенно говорил и вполне понимал сложные рассуждения.

Узнав, что отец во дворце, мальчик оставлял царицыны комнаты и шел в зал собраний, где Филипп устраивал совет со своими военачальниками. Отмеченные следами бесчисленных битв, они казались стариками, хотя всем было чуть больше тридцати, за исключением изрядно поседевшего Пармениона, который приближался к пятидесяти. Увидев его, Александр принимался распевать детскую считалочку, которой его научила Артемизия:

Старый солдат на войну торопился,
А сам-то на землю, на землю свалился!

А потом под улыбки присутствующих сам падал на землю.

Но больше всего он наблюдал за отцом, изучал его поведение, его обыкновение двигать руками и обводить всех глазами, тон и тембр его голоса, манеру, с которой он одной силой взгляда подавлял самых сильных и властных людей в своем царстве.

Шаг за шагом мальчик потихоньку приближался к председательствующему на совете царю и, когда тот особенно увлекался беседой или спорами, пытался залезть к отцу на колени, словно думая, что в этот момент никто его не увидит.

Филипп будто бы только теперь замечал сына и прижимал его к груди, не отвлекаясь от дела и не теряя нити разговора. Конечно, он прекрасно видел, что поведение военачальников менялось, их глаза не отрывались от мальчика, и на лице македонского владыки начинала появляться улыбка, какой бы вопрос он ни обсуждал. И даже Парменион улыбался, вспоминая о считалочке Александра.

Порой мальчик удалялся в свою комнату, надеясь, что отец придет к нему. Иногда, после долгого ожидания, Александр выходил и усаживался на каком-нибудь балконе дворца, уставившись на горизонт, и так сидел, безмолвно и неподвижно, зачарованный безграничностью неба и земли.

Если в это время легкими шагами подходила мать, она видела, что тень, зачернявшая его левый глаз, медленно сгущается, как будто на душу маленького царевича опускается какая-то таинственная ночь.

Его зачаровывало оружие, и не раз служанки заставляли его в царской оружейной палате, когда он пытался вынуть из ножен какой-нибудь из тяжелых мечей царя.

Однажды, благоговейно взирая на гигантскую бронзовую паноплию³, принадлежавшую его деду Аминте III, Александр ощутил на спине чей-то взгляд. Он обернулся и увидел перед собой высокого сухопарого мужчину с козлиной бородкой и глубокими живыми глазами, который назвался Леонидом и сказал, что будет его учителем.

– Почему? – спросил мальчик.

И на первый же вопрос своего ученика учитель не нашелся что ответить.

С тех пор жизнь Александра коренным образом переменялась. Он все меньше стал видиться с матерью и сестрой и все больше с учителем. Леонид начал с изучения алфавита и уже через день увидел, как мальчик кончиком стилоса правильно выводит на золе очага свое имя.

Он учил его читать и считать, чему Александр научился быстро и легко, но без особого интереса. Когда же Леонид стал рассказывать ему истории о богах и героях, о рождении мира, о борьбе с гигантами и титанами, то увидел, как лицо мальчика просветлело. Царевич слушал, затаив дыхание.

Душу Александра неодолимо влекло к таинствам и религии. Однажды Леонид отвел его в возвышавшийся близ Фермы храм Аполлона и позволил окурить статую бога фимиамом. Мальчик набрал полные руки благовония и бросил на курительницу, подняв целое облако дыма, но учитель выбранил его:

– Этот фимиам стоит целое состояние! Ты сможешь расточать его таким образом, когда завоеешь те страны, где он растет.

– И где же они находятся, эти страны? – поинтересовался мальчик, которому показалось странно, что можно проявлять скупость по отношению к богу. Потом он спросил: – А правда, что мой отец – большой друг бога Аполлона?

– Твой отец победил в священной войне и стал главой совета в Дельфийском святилище, где находится оракул Аполлона.

– А правда, что оракул говорит всем, что должно произойти?

– Не совсем так, – ответил Леонид, взяв Александра за руку и направившись вместе с ним к выходу. – Видишь ли, люди, когда собираются сделать что-то важное, просят у бога совета и спрашивают: «Должен я это делать или нет? А если сделаю, что будет?» Что-то в этом роде. И есть жрица, которая называется пифией, и бог отвечает через нее – он пользуется ее голосом. Понимаешь? Но она всегда произносит загадочные слова, которые трудно растолковать. Для этого существуют жрецы – чтобы объяснять слова пифии простым людям.

---

³ *Паноплия* – доспехи и вооружение гоплита, тяжеловооруженного пешего воина.

Александр оглянулся на бога Аполлона, выпрямившегося на постаменте, сурового и неподвижного, со странной улыбкой на губах, и понял, зачем богам нужны люди – чтобы говорить.

– Видишь ли, – попытался объяснить Леонид, – боги – это не статуи, которым ты поклоняешься в храмах. Настоящие боги живут в вышине, в невидимом чертоге. Там бессмертные сидят на пиру, пьют нектар и вкушают амброзию. А молнии мечет Зевс собственной рукой. Он может поразить кого угодно и что угодно – где угодно на земле.

Александр, разинув рот, смотрел вдаль, на величественную вершину.

На следующий день один из стражников обнаружил мальчика далеко за городом, на дороге, ведущей в горы.

– Куда идешь, Александр? – спросил он, соскочив с коня.

– Туда, – ответил мальчик, указывая на Олимп.

Стражник взял его на руки и отвез к Леониду, который позеленел от страха и уже представлял, какие страшные наказания наложит на него царица, случись что-нибудь с его воспитанником.

В тот год у Филиппа возникли большие проблемы со здоровьем из-за страшных лишений, что он выносил в походах, и из-за беспорядочной жизни, которую вел в остальное время.

Александр был доволен этим, потому что чаще видел отца и проводил с ним больше времени. Здоровьем государя занимался Никомах. Он привез из своей клиники в Стагире двух помощников, которые помогали лекарю собирать лекарственные травы и корни в лесах и на окрестных горных лугах.

Царя посадили на строжайшую диету и почти совсем лишили вина, отчего он пребывал в лютом настроении, и только Никомах осмеливался приближаться к царю, пока тот находился в таком состоянии духа.

Одним из двоих помощников врача был двадцатилетний юноша, которого тоже звали Филиппом.

– Избавь меня от этого, – велел царь. – Не хочу, чтобы у меня перед глазами торчал еще один Филипп. Лучше уж я назначу его врачом моего сына – под твоим присмотром, естественно.

Никомах подчинился, уже привыкший к капризам своего царя.

– Чем занимается твой сын Аристотель? – как-то раз, поглощая отвар из одуванчиков и кривя при этом губы, поинтересовался у своего врача царь Филипп.

– Живет в Афинах и посещает уроки Платона, – ответил лекарь. – Более того, насколько могу судить, он считается лучшим из его учеников.

– Интересно. И в чем же заключаются их исследования?

– Мой сын – как я. Наблюдения за природными феноменами его привлекают больше, чем мир чистых рассуждений.

– А политика его интересует?

– Да, конечно. К тому же он больше проявляет склонность к различным видам политических организаций, чем к собственно политической науке. Он собирает сведения об общественных устройствах и сопоставляет их между собой.

– И что же он думает о монархии?

– Вряд ли он берется судить о достоинствах и недостатках политических систем. Для него монархия – просто одна из форм правления, подходящая для одного общества лучше, для другого хуже. Видишь ли, государь, я думаю, что моего сына больше интересует сам мир, нежели установление принципов, которым мир должен соответствовать.

Под бдительным взглядом своего врача, который словно говорил: «Все-все, до конца», Филипп проглотил остатки отвара, вытер рот рукавом хламиды и сказал:

– Держи меня в курсе новостей об этом парне, Никомах, потому что у меня есть для него дело.

– Хорошо. Мне тоже есть дело до него: ведь я его отец.

В этот период Александр заходил к Никомаху чаще, чем полагается, потому что лекарь был человеком приветливым и полным неожиданностей, в то время как Леонид имел характер строптивый и был ужасно строг.

Как-то раз мальчик, войдя в палату врача, увидел, как тот прослушивает спину отца, а потом, держа пациента за запястье, считает удары сердца.

– Что ты делаешь? – спросил Александр.

– Проверяю биение сердца твоего отца.

– А чем движет сердце?

– Жизненной энергией.

– А где находится жизненная энергия?

Никомах посмотрел в глаза мальчику и прочел там ненасытную жадность к знаниям, чудесное напряжение чувств. Под неотрывным зачарованным взглядом Филиппа он прикоснулся пальцем ко лбу Александра и сказал:

– Здесь.

Глава 4

Вскоре Филипп полностью выздоровел и снова возник на политической сцене, полный энергии, крепко огорчив всех тех, кто уже похоронил его.

Александру это не понравилось, поскольку он больше не мог так часто видаться с отцом, но зато он познакомился с другими ребятами, своими ровесниками или чуть постарше, сыновьями знатных македонян, которые часто появлялись при дворе или жили во дворце по воле царя. Это был один из способов сохранить единство царства – привязать наиболее влиятельные семьи к дому государя.

Некоторые из мальчиков – Пердикка, Лисимах, Селевк, Леоннат и Филота, сын полководца Пармениона, – вместе с царевичем посещали уроки Леонида. Другие, постарше, такие как Птолемей и Кратер, уже имели звание «пажей».

Селевк в то время был довольно маленьким и слабым, но вызывал симпатию Леонида своими успехами в учебе. Он имел особенную склонность к истории и математике и для своего возраста был на удивление рассудителен и уравновешен. Селевк мог производить сложные вычисления быстрее всех и развлекался тем, что соревновался в этом искусстве со своими товарищами, регулярно их посрамляя.

Темные глубокие глаза придавали его взгляду пронзительность и силу, а растрепанные волосы еще более подчеркивали твердость и независимость характера. Во время уроков этот мальчик часто старался выделиться своими замечаниями, но в стычках с учителем никогда не мог быть обвинен в подхалимстве и ничуть не пытался понравиться старшим.

Лисимах и Леоннат были самыми недисциплинированными. Они прибыли из внутренних областей страны, где возрастали в вольности лесов и лугов, пася табуны коней и проводя большую часть времени под открытым небом. Жизнь в четырех стенах казалась им заточением.

Лисимах, бывший чуть постарше, первым привык к новому образу жизни, но Леоннат, которому было всего семь лет, со своей колючей внешностью, с рыжими волосами и веснушками на носу и скулах, оставался сущим волчонком. Когда его наказывали, он пинался ногами и кусался, и Леонид сначала пытался приручить его, лишая еды или запирая в комнате, пока другие дети играли, а потом стал щедро употреблять ивовую розгу. Но в отместку Леоннат каждый раз при появлении учителя в конце коридора начинал во все горло распевать:

Эк кори кори короне!
Эк кори кори короне!

Вон идет, идет ворона!
Вон идет, идет ворона!

И все остальные, включая Александра, присоединялись к нему, пока бедный Леонид, покраснев от бешенства, не принимался гоняться за детьми с ивовой розгой.

В спорах с товарищами Леоннат никогда не хотел уступать и дрался даже со старшими, в результате чего был весь покрыт синяками и ссадинами и совершенно перестал годиться для официальных приемов и придворных церемоний.

Полную противоположность ему представлял собой Пердикка, всегда отличавшийся прилежанием как на уроках, так и на игровых и гимнастических площадках. Он был всего на год старше Александра и вместе с Филотой часто играл с ним.

– Я стану еще более великим полководцем, чем твой отец, – часто говорил царевичу Филота, который среди друзей был больше всех на него похож.

Птолемею уже почти исполнилось четырнадцать. Он был очень силен и рано созрел. У него начали выскакивать первые прыщи и пробиваться борода, волосы вечно взъерошены, а на комичной физиономии господствовал внушительный нос. Товарищи говорили, что он растет, начиная с носа, на что Птолемей страшно обижался. Он задира хитон и хвастался другими отростками своего тела, не менее великими, чем нос.

В общем, это был хороший мальчик, чрезвычайно приверженный к чтению и письму. Однажды он пригласил Александра к себе в комнату и показал ему свои книги. Их было не меньше двух десятков.

– Сколько их! – воскликнул царевич. Он тотчас захотел их потрогать.

– Стой! – заслонил свитки Птолемей. – Это вещи очень нежные. Папирус хрупкий, ты можешь повредить его. Разворачивать и сворачивать свитки нужно умеючи. Папирус следует держать в проветриваемом сухом помещении. Необходимо где-нибудь рядом припрятать капкан, потому что мыши грызут папирус и, если придут сюда, все погубят. За одну ночь они сгрызли две «Илиады» и закусил трагедией Софокла. Погоди, – добавил он, – я сам тебе дам, – и достал свиток, помеченный красным ярлыком. – Вот, видишь? Это комедия Аристофана. Называется «Лисистрата», моя любимая. В ней говорится, как однажды женщины Афин и Спарты устали от войны, которая держала их мужчин вдали от дома, а им очень хотелось... – Он запнулся, взглянув на мальчика, который слушал разинув рот. – Ну, пожалуй, замнем, ты еще маленький для таких вещей. Расскажу в другой раз, ладно?

– А что такое комедия? – спросил Александр.

– Как, ты ни разу не был в театре?

– Маленьких туда не пускают. Но я знаю, что это как будто слушать рассказ, только рассказывают люди в масках и притворяются, будто они Геракл или Тезей. Некоторые даже прикидываются женщинами.

– Да, более или менее правильно, – ответил Птолемей. – Скажи, чему тебя учит твой учитель?

– Я умею складывать и вычитать, знаю геометрические фигуры и различаю на небе Большую Медведицу и Малую Медведицу и еще двадцать других созвездий. Еще умею читать и писать, я читал басни Эзопа.

– Ну... – задумчиво промычал Птолемей, осторожно положив свиток на место. – Это для детей.

– Еще я знаю весь перечень моих предков, как со стороны отца, так и матери. Я происхожу от Геракла и Ахилла, ты это знаешь?

– А кто это такие, Геракл и Ахилл?

– Геракл был самый сильный герой на земле, и он совершил двенадцать подвигов. Хочешь расскажу? Немейский лев, киринийская... керинейская лань... – начал перечислять мальчуган.

– Знаю, знаю. Молодец. Но если хочешь, иногда я буду тебе читать прекраснейшие вещи, которые у меня есть, хорошо? А теперь, может быть, поиграем? Ты знаешь, что к нам приехал один мальчик примерно твоего возраста?

Александр весь засветился:

– И где же он?

– Я видел его во дворце. Здоровый такой! Он пинал мяч.

Александр бросился со всех ног и остановился только в портике, чтобы посмотреть на вновь прибывшего, не смея заговорить с ним.

Вдруг от одного пинка посильнее мяч подкатился к самым его ногам. Мальчик подбежал и оказался лицом к лицу с Александром:

– Хочешь поиграть со мной в мяч? Вдвоем играть лучше. Давай, я буду бросать, а ты лови.

– Как тебя зовут? – спросил Александр.

– Гефестион. А тебя?

– Александр.

– Значит так, бросаем мяч об стену. Я бросаю первый, и если поймашь, тебе очко – и бросаешь ты. А если не поймашь, очко мне – и я бросаю дальше. Понятно?

Александр кивнул, и они принялись играть, наполнив двор своими криками. Устав до смерти и взмокнув от пота, ребята остановились.

– Ты здесь живешь? – спросил Гефестион, опускаясь на землю.

Александр уселся рядом:

– Конечно. Это же мой дворец.

– Рассказывай! Ты слишком маленький, чтобы владеть таким огромным дворцом.

– Ну и мой тоже, потому что принадлежит моему отцу, царю Филиппу.

– Зевс-громовержец! – воскликнул Гефестион, взмахнув рукой от изумления.

– Хочешь дружить?

– Конечно, но, чтобы стать друзьями, нужно обменяться залогами.

– Залогами? Что это такое?

– Я тебе что-то даю, а ты мне что-то даешь взамен.

Он вытащил какую-то маленькую белую штучку.

– Ой, это же зуб!

– Да, – сказал Гефестион и присвистнул через щербину на месте резца. – Он выпал у меня вчера ночью, и я чуть его не проглотил. Держи, он твой.

Александр взял зуб и оказался в затруднительном положении, так как ничего не мог дать взамен. Он начал искать, а Гефестион стоял перед ним с протянутой рукой.

Не имея никакого подарка, Александр глубоко вздохнул, глотнул, потом засунул руку в рот и стал тащить зуб, который уже несколько дней шатался, но держался еще довольно крепко.

Мальчик принялся с силой расшатывать его туда-сюда, подавляя выступившие от боли слезы, пока не вытащил, потом выплюнул кровь, помыл зуб в фонтане и протянул его Гефестиону.

– Вот, – пробормотал он. – Теперь мы друзья.

– До смерти? – спросил Гефестион, пряча зуб в карман.

– До смерти, – ответил Александр.

Лето уже шло к концу, когда Олимпиада объявила сыну о визите его дяди, Александра Эпирского.

Александр знал, что у него есть дядя, младший брат матери, которого звали так же, как и его самого, и хотя он видел дядю несколько раз, но не слишком хорошо помнил, потому что был тогда совсем маленьким.

Вечером, перед заходом солнца, царевич увидел, как царь Эпира верхом на коне прибыл в сопровождении свиты и своих телохранителей.

Это был красивый мальчик лет двенадцати с темными волосами и ярко-синими глазами, исполненный достоинства; его волосы перехватывала золотистая лента, на плечах был пурпурный плащ, а в левой руке он держал скипетр из слоновой кости, потому что был монархом – невзирая на свою молодость и то, что страна его представляла собою одни бесплодные горы.

– Смотри! – воскликнул Александр, повернувшись к Гефестиону, который сидел рядом, свесив ноги с галереи. – Это мой дядя Александр. Его зовут так же, как меня, и он тоже царь, ты знаешь?

– Чей царь? – спросил друг, болтая ногами.

– Царь молоссов.

Они все болтали, когда их схватила подкрававшаяся сзади Артемизия:

– Иди! Тебе нужно подготовиться ко встрече со своим дядей.

Она отнесла царевича на руках, поскольку он брыкался, не желая покидать Гефестиона, до самой ванной комнаты матери, где раздела его, умыла ему лицо, одела в хитон и македонскую хламиду с золотой каемкой, повязала на голову серебристую ленту, а потом поставила на скамейку, чтобы повосхищаться.

– Иди, маленький царь. Тебя ждет мама.

Он направился в комнату пред царской спальней, где его уже дожидалась царица Олимпиада, одетая, причесанная и надушенная благовониями. Она выглядела ошеломительно: черные-черные глаза контрастировали с огненными волосами, а под длинной голубой накидкой, вышитой по краю золотой пальметтой⁴, был надет скроенный по-афински хитон с глубоким вырезом, скрепленный на плечах шнурком того же цвета, что и накидка.

Место меж грудей, которое хитон оставлял открытым, украшала большая, с голубинное яйцо, капля янтаря, вставленная в золотую капсулу наподобие желудка, – свадебный подарок Филиппа.

Взяв Александра за руку, мать подошла к трону и уселась рядом с мужем, который уже дожидался шурина.

Молодой царь молоссов вошел через дверь в дальнем конце зала и, соблюдая протокол, поклонился монарху, а потом царице, своей сестре.

Филипп, упоенный своими успехами, разбогатевший за счет захваченных золотых приисков на горе Пангей, осознавал, что является самым могущественным владыкой во всей Элладе, а возможно, даже во всем мире – после Великого Царя Персидской державы, и поражал гостей богатством своего наряда и роскошью украшений.

После ритуальных приветствий юношу проводили в его апартаменты, чтобы приготовиться к пиру.

Александр тоже хотел принять участие в пиршестве, но мать сказала, что он еще маленький. Зато он может поиграть с Гефестионом в керамических солдатиков, которых для него изготовил один ваятель из Алора.

В тот вечер, после ужина, Филипп пригласил своего шурина в отдельную комнату, чтобы поговорить о политике, и Олимпиада очень обиделась, поскольку все-таки была царицей Македонии, а эпирский царь – ее братом.

На самом деле Александр лишь назывался царем, а Эпирское царство находилось в руках его дяди Аррибаса, который не имел ни малейшего намерения отречься от власти, и только

---

⁴ *Пальметта* – орнамент из стилизованных цветочных гирлянд, характерный для античного греческого искусства.

Филипп со своим могуществом, своим войском и своим золотом мог крепко утвердить мальчика на троне.

Сделать это было в его же интересах, потому что таким образом он привязал бы к себе молодого царя и удовлетворил амбиции Олимпиады, которая, видя нередкое пренебрежение со стороны мужа, находила удовлетворение в закулисном влиянии. В остальном ее жизнь была серой и монотонной.

– Нужно потерпеть еще несколько лет, – объяснял Филипп молодому монарху. – Мне понадобится время, чтобы вразумить независимые города побережья и дать афинянам понять, кто здесь самый сильный. Дело не в афинянах, просто я хочу, чтобы они не мешались под ногами у Македонии. И хочу взять под контроль все земли от Проливов⁵ до Фракии и до Азии.

– Меня бы это устроило, мой дорогой зять, – отвечал Александр, которому очень льстило, что в его возрасте с ним разговаривают как с мужчиной и настоящим царем. – Я отдаю себе отчет в том, что для тебя существуют вещи поважнее, чем мои эпирские горы, но, если когда-нибудь ты захочешь помочь мне, я буду благодарен тебе до конца моих дней.

Для своих юных лет Александр был весьма рассудителен. Он произвел на Филиппа самое лучшее впечатление.

– Почему бы тебе не остаться у нас? – спросил он. – В Эпире куда опаснее, а я предпочитаю быть уверенным в том, что с тобой ничего не случится. Здесь твоя сестра, царица, которая тебе очень рада. В твоём распоряжении апартаменты и неплохое содержание. Тебе будут оказывать внимание, соответствующее твоему рангу. Когда наступит нужный момент, я лично доставлю тебя на трон твоих предков.

Юный царь с радостью согласился и остался в Пелле в ожидании, пока Филипп доведет до конца свою военную и политическую программу, рассчитанную на то, чтобы сделать Македонию самым богатым, сильным и грозным государством в Европе.

Царица Олимпиада вернулась в свои палаты раздраженная. Она ждала, что брат перед отъездом придет попрощаться и почтит ее своим присутствием. Из соседней комнаты доносились голоса Гефестиона и Александра, которые играли в солдатики и кричали:

– Ты убит!

– Нет, это ты убит!

Потом шум ослаб и прекратился совсем. С появлением на небосклоне луны вся энергия этих маленьких вояк быстро угасла.

Глава 5

Александр исполнилось семь лет, а его дяде, царю Эпира, двенадцать, когда Филипп напал на город Олинф и Халкидскую лигу, что господствовали над огромным полуостровом, имевшим форму трезубца. Афиняне, союзники Олинфа, пытались вести переговоры, но без особого успеха.

Как только разъяренные афинские послы вышли из зала советов, Антипатр заметил:

– Это понравится твоим недругам в Афинах, особенно Демосфену.

– Меня он не пугает, – пожав плечами, ответил царь.

– Да, но кроме того, что он прекрасный оратор, он еще и политик. Демосфен единственный понимает твою стратегию. Он заметил, что ты не пользуешься наемниками, а формируешь национальные войска, сплоченные и целеустремленные, и на них основал опору своему трону. И эти достижения делают тебя грозным противником. Умного врага нельзя сбрасывать со счетов.

Филипп не сразу нашелся что ответить, лишь сказал:

---

⁵ Имеются в виду Босфор и Дарданеллы.

– Пусть наши сторонники в городе не спускают с него глаз. Хочу знать все, что он говорит обо мне.

– Хорошо, государь, – ответил Антипатр и немедленно привел в готовность своих осведомителей в Афинах, чтобы своевременно быть в курсе всех действий Демосфена. Но каждый раз при получении текста великого оратора возникала неловкость. Прежде всего царь спрашивал о заглавии.

– «Против Филиппа», – неизменно отвечал секретарь.

– Опять? – кричал тот в ярости, и у него так разливалась желчь, что, если в этот момент он обедал или ужинал, пища превращалась в яд. Бегаючи туда-сюда по комнате, как лев в клетке, пока секретарь зачитывал текст, царь то и дело останавливался и кричал: – Что он сказал? Повтори! Повтори, будь я проклят!

И у бедняги появлялось такое чувство, будто это он сам по своей инициативе выговаривает эти слова.

Больше всего Филиппа выводило из себя упрямство Демосфена в определении Македонии как «варварского и второстепенного государства».

– Варварское? – рычал он, швыряя на землю все, что было на столе. – Второстепенное? Я ему покажу второстепенное!

– Нужно отметить, государь, – успокаивал его секретарь, – что, судя по всему, народ реагирует на эти выпады Демосфена довольно вяло. Народ Афин больше интересуется, как решатся проблемы землевладения и раздела земли между жителями Аттики, чем политические притязания Демосфена на власть.

За страстными речами против Филиппа следовали другие – в защиту Олинфа, чтобы убедить народ голосовать за военную помощь осажденному городу, – но даже таким способом Демосфен не смог добиться существенных результатов.

Город пал на следующий год, и Филипп сровнял его с землей, чтобы преподать наглядный урок всем, кто имел намерение бросить ему вызов.

– Теперь у него будет хороший повод назвать меня варваром, – воскликнул македонский царь, когда Антипатр предложил ему обдумать последствия такого радикального жеста для Афин и вообще для Греции.

Это жестокое решение обострило противоречия на греческом полуострове: во всей Греции не осталось ни одного города или деревни, где население не разделилось бы на промакедонскую и антимакедонскую фракции.

Филипп же, со своей стороны, все больше ощущал себя Зевсом-громовержцем, отцом богов в своем могуществе и славе. Однако конфликты, которые он продолжал сеять с упорством, говоря его же словами, «разъяренного барана», похоже, начинали оказывать на него свое воздействие. В перерывах между войнами царь много пил и предавался всевозможным излишествах на продолжавшихся всю ночь оргиях.

А царица Олимпиада, напротив, все больше замыкалась, посвятив себя заботе о детях и религиозным обрядам. Филипп все реже посещал супружеское ложе, и его нечастые визиты не приносили удовлетворения ни ему, ни ей. Царица оставалась холодной и отстраненной, и он уходил, униженный таким приемом, отдавая себе отчет в том, что его пыл не возбудил в царице никакого трепета, никакого ответного чувства.

Олимпиада была женщина с характером не менее сильным, чем у мужа, она ревностно относилась к своему достоинству. Царица возлагала надежды на молодого брата, а еще больше – на сына. Когда-нибудь они станут ее нестигаемыми защитниками, возвратят ей престиж и могущество, которых она заслуживала и которых день за днем лишало ее высокомерие Филиппа.

Официальные религиозные церемонии входили в царские обязанности Олимпиады, но определенно не имели ни малейшего смысла. Царица убедилась, что олимпийских богов, если

таковые когда-либо существовали, ничуть не интересуют человеческие дела. Но существовали другие культы, вызывавшие в ней страсть, особенно – культ Диониса, таинственного могущественного бога, который вселялся в человека и преображал его, затягивая в воронку неистовых страстей и первобытных чувств.

Олимпиада начала выполнять тайные ритуалы и участвовать в ночных оргиях, посвященных этому богу, на которых пили вино с примесью сильных снадобий. Она танцевала там до изнеможения и галлюцинаций под ритм варварских инструментов.

В этом состоянии ей казалось, что она бежит ночью по лесам, оставляя на ветвях разорванные в клочья великолепные царские одежды, гоняется за лесными зверьми, чтобы убивать их и питаться их сырой, еще трепещущей плотью. А потом в изнеможении она падала на ложе из пахучего мускуса, становясь добычей тяжелого сна.

И в этом состоянии царица Олимпиада полубессознательно видела, как из своих убежищ робко выходят божества и лесные создания: нимфы с зеленой, как древесная листва, кожей, покрытые жесткой шерстью сатиры, полулюди-полукозлы, которые приближались к гигантскому изображению божественного фаллоса, украшали его венками из плюща и виноградных лоз, окропляли вином, а потом устраивали оргию с питьем неразбавленного вина, забывая себя в животных совокуплениях, чтобы в этом безумном экстазе достичь близости с Дионисом, чтобы отдаться его духу.

Некоторые тайком приближались к ней с огромными раздутыми фаллосами, жадно поглядывая на ее наготу и возбуждая свою животную похоть...

В тайных местах царицу видели только посвященные, и она погружалась в глубину своей дикой природы в ритуалах, которые высвобождали самую агрессивную и буйную часть ее души и тела. Вне этих таинств ее жизнь была в точности такой, как требовали традиции от женщины и супруги, и сама она входила в эту жизнь, словно скрывая внутри себя некую тяжелую ношу, которая отменяла все воспоминания и переживания.

И так, в тишине своей комнаты, она учила Александра тому, чему в этих культах можно было научить юношу, рассказывала ему о приключениях и подвигах бога Диониса, который, увидев себя плющом, доходил вместе со своей свитой сатиров и силенов до страны тигров и пантер – Индии.

Но если влияние матери имело огромное влияние на формирование души Александра, еще большую важность имела громада всех тех знаний, что входили в него по воле его отца.

Филипп велел Леониду, ответственному за воспитание юноши, организовать обучение, ничего не упуская, чтобы Александр постепенно продвигался во всех предметах. Ко двору вызывали других преподавателей, учителей и инструкторов.

Как только царевич достиг такого возраста, когда уже мог понимать поэзию, Леонид начал читать ему поэмы Гомера, особенно «Илиаду», в которой говорилось о чести, о поведении, подобающем царевичу из рода Аргеадов. Таким образом старый учитель начал завоевывать внимание Александра и его товарищей. Тем не менее считалочка, возвещавшая о его прибытии в класс, продолжала звучать в царских палатах:

Эк кори кори короне!
Эк кори кори короне!

Вон идет, идет ворона!
Вон идет, идет ворона!

Гефестион тоже вместе с Александром слушал стихи Гомера, и двое юношей, затаив дыхание, воображали себе эти необычайные приключения, эту захватывающую историю о

великой войне, в которой участвовали самые сильные в мире мужчины, самые прекрасные на свете женщины и даже боги, вставшие на ту или другую сторону.

Александр уже прекрасно сознавал, кто он такой, и не сомневался, что вселенная вертится вокруг него. Он хорошо знал, к какой судьбе следует себя готовить.

Ему приводили примеры героизма и преодоления трудностей, чести и уважения к данному однажды слову, к самоотверженности вплоть до отвержения жизни. И мальчик изо дня в день все больше погружался в это – не вследствие усердия и прилежания, а по своей природной склонности.

Постепенно он становился сильнее. Та часть его натуры, что была унаследована от воинственной агрессивности отца, заставляла Александра вдруг вспыхивать, как молния. И в то же самое время царевича, как и его мать, очаровывало все двусмысленное и мистическое, в нем жило ее любопытство к неведомому, ее жадность к таинственному.

К матери он питал глубокое пристрастие, почти нездоровую привязанность; к отцу же испытывал безграничное восхищение, которое, однако, с течением времени постепенно сменялось духом соперничества, и этот дух становился все сильнее.

Приходившие изо дня в день известия о победах Филиппа словно бы даже огорчали Александра, а не радовали. Он начинал думать, что, если отец все завоюет, ему самому не останется места, где можно проявить свою доблесть и мужество.

Он был еще слишком молод, чтобы представлять, как велик мир.

Иногда, вместе с товарищами приходя на урок к Леониду, Александр случайно встречал мальчика лет тринадцати-четырнадцати меланхолической наружности, который быстро удалялся, не задерживаясь, чтобы поговорить.

– Кто этот мальчик? – спросил он как-то раз у учителя.

– Это тебя не касается, – ответил Леонид и поскорее перевел разговор на другую тему.

Глава 6

Самым горячим желанием Филиппа с тех пор, как он стал царем, было ввести Македонию в эллинский мир, но он прекрасно понимал, что достичь этой цели можно только силой. Ради этого он сначала направил всю энергию на то, чтобы превратить свою страну из территории, где живут пастухи и скотоводы, в современную державу, вывести ее из племенного состояния.

Царь велел распахать равнины, пригласил искусных земледельцев с островов и из греческих городов Малой Азии, усилил добывающую активность на горе Пангей, извлекая из тамошних копей до тысячи талантов⁶ золота и серебра в год.

Он установил свою власть над племенными вождями и привязал их к себе силой брачных союзов. Кроме того, он создал войско, какого еще не видели, состоящее из частей необычайно мощной тяжелой пехоты, а также чрезвычайно подвижной легкой пехоты и конницы, и это войско не имело себе равных в эгейском мире.

Но всего этого было недостаточно, чтобы считаться эллином. И Демосфен, да и многие другие ораторы и политики в Афинах, Коринфе, Мегарах и Сикионе продолжали называть Филиппа варваром.

Объектом их насмешек было его македонское произношение, в котором чувствовалось влияние диких народов, бродивших у северных пределов Македонии, его варварская чудовищная неводержанность в вине, обжорство и разврат во время пиршеств, которые, как правило, переходили в оргии. И еще греки считали варварским государство, основанное на кровных обязательствах, а не на гражданских правах, они называли варварством зависимость людей от монарха, который мог распоряжаться всем и ставить себя выше любых законов.

---

⁶ *Талант* – античная мера веса. Аттический талант равен 26,2 кг.

Филипп приблизился к своей цели, когда ему наконец удалось победить фокийцев в священной войне и добиться их исключения из совета святилища, самого благородного и авторитетного совета во всей Элладе. Два голоса, которыми располагали их представители, перешли к македонскому царю. Ему также присвоили высокую почетную должность председателя на Пифийских играх, самых престижных после Олимпийских.

Это был венец его десятилетних усилий, и он совпал с десятилетием его сына Александра.

В это самое время великий афинский оратор по имени Исократ произнес речь, где восхвалял Филиппа как защитника греков и единственного человека, имеющего шанс усмирить персов, которые уже не один век угрожали эллинской свободе.

От своих учителей Александр прекрасно знал обо всем этом, и подобные известия наполняли его тоской. Он уже ощущал в себе достаточно величия, чтобы сыграть собственную роль в истории страны, но также отдавал себе отчет и в том, что еще слишком мал для самостоятельных действий.

Его отец по мере роста своего могущества все меньше времени уделял сыну, и хотя уже считал его мужчиной, но пока не позволял участвовать в своих дерзких проектах. На самом деле господство над городами Эллады на полуострове не являлось его целью – оно было лишь средством. Филипп смотрел дальше, за море, на безграничные территории материковой Азии.

Как-то раз, в один из периодов отдыха во дворце в Пелле, Филипп взял сына с собой после ужина на самую высокую башню и показал на горизонт на востоке, где над морскими волнами взошла луна:

– Ты знаешь, Александр, что там находится?

– Там Азия, отец. Страна, где рождается солнце.

– А ты знаешь, как велика Азия?

– Мой учитель географии Кратипп говорит, что она простирается больше чем на десять тысяч стадиев⁷.

– Это не так, сын мой. Азия во сто раз больше. Когда я сражался на реке Истр, то случайно повстречался с одним воином-скифом, говорившим по-македонски. Он рассказал мне о другой реке, что, подобно морю, простерлась на широкой равнине, и о горах, таких высоких, что протыкают небо своими вершинами. Он рассказывал про пустыни, такие обширные, что нужны месяцы, чтобы пересечь их, и про другие горы, сплошь усыпанные драгоценными камнями – ляпис-лазурью, рубинами, сердоликами. Он рассказывал, что по той равнине бегают многотысячные табуны огненно-красных коней, неутомимых, способных целыми днями летать над бескрайними просторами. «Там есть места, – говорил он, – сдавленные льдами и половину года сжатые тисками ночи. Есть и другие, в любое время года опаляемые солнцем, и там не пробивается из-под земли ни одна былинка; все змеи там ядовиты, а укус скорпиона убивает человека за несколько мгновений». Такова Азия, сын мой.

Александр посмотрел на отца, увидел его мечтательно горящие глаза и понял, что заставляло пылать душу македонского царя.

Однажды, спустя год после этого разговора, Филипп неожиданно вошел к сыну в комнату:

– Надень фракийские штаны и плащ из грубой шерсти. Никаких знаков достоинства, никаких украшений. Пошли.

– Куда?

– Я уже приготовил лошадей и еды, несколько дней мы пробудем под открытым небом. Хочу, чтобы ты кое-что увидел.

---

⁷ Стадий – греко-римская мера длины. Аттический стадий равен 176,6 м.

Александр не стал задавать вопросов. Он оделся, как было велено, попрощался с матерью, заглянув на мгновение в ее комнату, и спустился во двор, где его ждал небольшой эскорт царской конницы и две верховые лошади.

Филипп был уже верхом, Александр вскочил на своего вороного, и они галопом вылетели через распахнутые ворота.

Несколько дней всадники скакали на восток, сначала по побережью, потом углубились в материк, а потом опять по побережью. Они миновали Ферму, Аполлонию и Амфиполь, останавливаясь на ночь в маленьких деревенских харчевнях, питаясь традиционной македонской пищей – жареной козлятиной, дичью, зрелым овечьим сыром и выпеченным в углях хлебом.

Оставив Амфиполь, царь с сыном и охраной начали подниматься по крутой дороге. Внезапно их взору предстала пустынная картина. Горы здесь были лишены своего лесного покрова, и, куда ни посмотри, всюду виднелись покалеченные стволы и обуглившиеся пни. В нескольких местах этой оголенной местности зияли черные входы, а у входа в каждую пещеру, как гигантские муравейники, скопились огромные кучи каменных обломков.

С неба начал капать мелкий дождик, заставив всадников накрыть головы капюшонами и пустить коней шагом. Главная дорога превратилась в лабиринт тропинок, по которым двигалось множество людей, ободранных и изможденных, с почерневшей и морщинистой кожей. Они несли за спиной тяжелые корзины с камнями.

Поодаль ленивыми клубами поднимался до неба столб черного густого дыма, разнося повсюду едкую копоть, отчего было трудно дышать.

– Закрой рот плащом, – велел Филипп сыну, ничего больше не добавив.

Над всей местностью висела зловещая тишина, только слышалось шарканье ног, приглушенное густой грязью, в которую начавшийся дождь превратил пыль.

Александр тревожно осмотрелся вокруг: вот таким ему представлялось царство Аида, страна мертвых, и на ум пришли стихи Гомера:

Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих⁸.

Потом в одно мгновение тишину нарушили глухие ритмичные удары, как будто кулак циклопа с чудовищной силой колотил по истерзанным бокам горы. Александр ударил пятками коня, желая понять, откуда исходит этот шум, заставляющий землю дрожать, как от грома.

Обогнув скалистый выступ, он увидел, куда сходились все дороги. Там стояла гигантская машина – нечто вроде башни из огромных бревен, на вершине которой был укреплен блок. Один конец каната поддерживал колоссальный железный молот, а другой был привязан к вороту, который толкала сотня этих несчастных, заставляя его крутиться и наматывать канат на барабан, так что тяжелый молот поднимался внутрь деревянной башни.

Когда он достигал вершины, один из надсмотрщиков вынимал из рамы чеку, освобождая барабан, который разматывался под весом молота, и молот, устремившись к земле, дробил камни, непрерывно засыпаемые из принесенных за плечами на гору корзин.

Люди собирали дробленый камень, наполняли им другие корзины и несли по другим протоптанным тропам на площадку, где другие рабочие толкли их в ступках, чтобы потом про-

---

⁸ Одиссея. Песнь одиннадцатая. Перевод В. Жуковского.

мыть в воде из ручья, отведенного в каскад желобов и откосов, и выделить крупницы содержавшегося в пыли золота.

– Это Пангейские копи, – объяснил Филипп. – На это золото я вооружил и экипировал наше войско, построил наши дворцы, воздвиг мощь Македонии.

– Зачем ты привел меня сюда? – спросил Александр, глубоко потрясенный увиденным.

В это время один из носильщиков рухнул на землю под копыта его коня. Надсмотрщик убедился, что раб мертв, и кивнул двоим другим несчастным, которые поставили свои корзины на землю, взяли умершего за ноги и отволокли прочь.

– Зачем ты привел меня сюда? – повторил Александр, и Филипп заметил, что в помрачневшем взгляде сына отразилось свинцовое небо.

– Ты еще не видел самого худшего, – ответил царь. – У тебя хватит духу спуститься под землю?

– Я ничего не боюсь, – заверил его юноша.

– Тогда следуй за мной.

Царь соскочил с коня и пешком подошел ко входу в одну из пещер. Встретивший его надсмотрщик сперва было схватился за плетъ, но вдруг ошеломленно замер, рассмотрев на груди золотую звезду Аргеадов.

Филипп ограничился одним жестом, и надсмотрщик вернулся назад, взял светильник и проводил посетителей под землю.

Александр последовал за отцом, но, едва войдя, почувствовал, что задыхается от невыносимого запаха мочи, пота и человеческих экскрементов. В этой тесной кишке, где постоянно отдавались удары железной бабы и слышалось тяжелое дыхание рабов, их кашель и предсмертные хрипы, приходилось сгибаться – в некоторых местах почти пополам.

Надсмотрщик то и дело останавливался в местах, где толпились люди с кирками, добывая ценный минерал, или же у глубокой, как колодец, ямы. На дне каждой такой ямы неуверенно дрожал слабый свет лампы, освещая костистую спину и руки копошащегося там скелета.

Иногда, услышав приближающиеся шаги и голоса, раб поднимал голову, и тогда Александр видел перед собой искаженную маску усталости, болезней и ужаса перед жизнью.

На дне одного из таких колодцев он увидел труп.

– Многие кончают с собой, – объяснил надсмотрщик. – Бросаются на кирку или вгоняют в себя зубило.

Филипп обернулся, чтобы посмотреть на Александра. Тот молчал и не выражал никаких чувств, но на его глаза опустилась смертная ночь.

Пройдя сквозь гору, они вышли из противоположного склона и нашли там ожидавших их коней и эскорт.

Александр не отрывал глаз от отца.

– В чем их вина? – спросил он, и его лицо побледнело, как воск.

– Ни в чем, – ответил царь. – Разве что в своем рождении.

Глава 7

Под вновь начавшимся дождем они снова сели на коней и пустили их шагом вниз. Александр молча ехал рядом с отцом.

– Я хотел, чтобы ты знал, что всему есть своя цена. И чтобы ты узнал, какова она. Наше величие, наши завоевания, наши дворцы, наши наряды... За все приходится платить.

– Но почему именно они?

– Никаких «почему». Миром правит судьба. Когда они родились, уже было предрешиено, что их ждет вот такая смерть, так же как с самого рождения было определено и наше назначение, которое до последнего мгновения сокрыто от нас. Из всех живущих только человек может

возвыситься, чтобы прикоснуться к чертогам богов или опуститься ниже животных. Ты уже видел чертоги богов, ты жил в царских палатах, однако было бы правильно увидеть и иное, что может уготовить человеку судьба. Среди этих несчастных есть люди, которые в свое время были вождями или вельможами и которых судьба повергла в ничтожество.

– Но если такая судьба может коснуться каждого из нас, почему не быть милостивым, пока фортуна нам улыбается?

– Вот это я и хотел от тебя услышать. Ты должен быть милостивым при каждой возможности. Но при этом помни: природу вещей не изменить никому.

В этот момент Александр увидел маленькую девочку, еще меньше его, которая поднималась по дороге, неся две тяжелые корзины, полные бобов и гороха, предназначенных, вероятно, на обед надсмотрщикам.

Царевич соскочил с коня и встал перед ней; девочка была худая, босая, с грязными волосами, а ее огромные глаза переполняла печаль.

– Как тебя зовут? – спросил он.

Девочка не ответила.

– Наверное, не умеет говорить, – предположил Филипп.

Александр повернулся к отцу:

– Я могу изменить ее судьбу. И хочу ее изменить.

Филипп кивнул:

– Ты можешь это сделать, если хочешь, но помни, что мир от этого не изменится.

Александр посадил девочку на коня позади себя и накрыл своим плащом.

К исходу дня они снова добрались до Амфиполя и остановились в доме одного царского друга. Александр велел помыть и переодеть девочку и, пока она ела, пришел посмотреть на нее.

Он попробовал заговорить с ней, но она отвечала односложно, и он не понял ничего из сказанного ею.

– Она говорит на каком-то варварском языке, – объяснил ему Филипп. – Если хочешь поговорить с ней, нужно подождать, пока она выучит македонский.

– Я подожду, – ответил Александр.

Через день после этого погода улучшилась, и они снова пустились в путь назад, пересекли понтонный мост через Стримон, но, прибыв в Бромиск, свернули на юг и двинулись вдоль полуострова, направляясь к горе Афон. Всю дорогу они скакали и к заходу солнца добрались до точки, с которой виднелся огромный, не до конца вырытый ров, разделяющий полуостров на две части. Александр натянул поводья своего скакуна и в восхищении остановился посмотреть на циклопическую работу.

– Видишь этот ров? – спросил отец. – Его вырыл почти сто пятьдесят лет назад Ксеркс, Великий Царь Персии, чтобы проделать проход для своего флота и таким образом избежать риска кораблекрушения на рифах Афона. Здесь работало десять тысяч человек, постоянно сменяясь, день и ночь. А до того Великий Царь велел построить из лодок мост через пролив Босфор, соединив Азию и Европу. Через несколько дней к нам прибудет посольство от Великого Царя. И мне хотелось, чтобы ты осознал всю мощь той державы, с которой мы будем вести переговоры.

Александр кивнул и, ничего не говоря, надолго задумался об этой колоссальной работе, потом, увидев, что отец снова пустился в путь, ударил коня пятками и поскакал вдогонку.

– Я бы хотел кое-что у тебя спросить, – сказал он, снова поравнявшись с царем.

– Слушаю тебя.

– В Пелле есть один мальчик, который тоже посещает уроки Леонида, но никогда не остается с нами. В те редкие случаи, когда мы встречались, он избегал говорить со мной, и у него был такой грустный вид. Леонид не захотел объяснить мне, кто он, но я уверен, что ты его знаешь.

– Это твой двоюродный брат Аминта, – не оборачиваясь, ответил Филипп. – Сын моего брата, погибшего в бою против фессалийцев. До твоего рождения Аминта был наследником трона, а я правил страной как регент.

– Ты хочешь сказать, что монархом должен быть он?

– Трон принадлежит тому, кто способен его отстоять, – ответил Филипп. – Запомни это. И потому в нашей стране всякий, кто захватывал власть, уничтожал всех, кто мог бы строить козни.

– Но ты сохранил жизнь Аминте.

– Он сын моего брата и не может причинить мне вреда.

– Ты проявил... мягкосердечие.

– Если хочешь, да.

– Отец мой!

Филипп обернулся: Александр называл его «отец мой», когда злился на него или когда хотел спросить о чем-то очень серьезном.

– Если бы тебе тоже пришлось погибнуть в бою, кто из нас стал бы наследником: я или Аминта?

– Более достойный.

Александр не стал больше задавать вопросов, но этот ответ глубоко поразил его и не выходил у него из головы.

Вернувшись через три дня в Пеллу, Александр рассказал Артемизии про девочку, испытывавшую ужасы горы Пангей.

– Отныне, – провозгласил он с типично детской важностью, – она будет предназначена служить мне. И ты научи ее всему, что она должна знать.

– Но хотя бы как ее зовут? – спросила Артемизия.

– Не знаю. Но я, во всяком случае, буду звать ее Лептиной.

– Прекрасное имя для девочки.

В этот день пришло известие, что в преклонном возрасте умер Никомах. Царь огорчился потому, что Никомах был превосходный врач, и потому, что он принимал роды, когда появился на свет его сын.

Тем не менее его клиника не закрылась, Аристотель, сын покойного лекаря, предпочел другую стезю и в этот момент находился в Азии, в городе Атарней, где после смерти своего учителя Платона основал новую философскую школу.

В клинике умершего врача продолжал работать молодой помощник Никомаха Филипп, который владел ремеслом с большим знанием дела.

Между тем мальчики, жившие вместе с Александром при дворе, росли и развивались, как телом, так и умом и душой, и наклонности, что они проявляли малышами, по большей части упрочились: ровесники Александра, такие как Гефестион, который уже был его неразлучным другом, а также Пердикка и Селевк, стали его наперсниками и сложились в сплоченную группу, как в играх, так и в учебе. Лисимах и Леоннат со временем привыкли к жизни среди других и давали выход своему темпераменту в упражнениях в силе и ловкости.

Леоннат особенно пристрастился к борьбе и из-за этого, покрытый синяками и ссадинами, вечно имел непрезентабельный вид. Самые старшие, такие как Птолемей и Кратер, были уже молодыми людьми и прошли изрядный курс суровой военной подготовки.

В этот период к их группе присоединился один грек по имени Евмен. Он работал помощником в царской канцелярии, и его очень ценили за живой ум и образованность. Поскольку Филипп хотел, чтобы школу посещали и другие юноши, Леонид выделил Евмену место в общей спальне. Вскоре Леоннат бросил новичку вызов в борьбе.

– Если хочешь получить место, должен бороться, – заявил он, сняв хитон и оставшись с обнаженным торсом.

Евмен не удостоил его взглядом:

– Ты с ума сошел? Даже не думай. – И принялся складывать свою одежду в ящик рядом с постелью.

Лисимах начал дразнить его:

– Я же говорил. Этот грек – просто писец. Уже описался.

Александр рассмеялся вместе со всеми.

Леоннат толкнул новичка, и тот кубарем покатился по земле.

– Ну, будешь драться или нет?

Евмен с раздраженным видом поднялся, привел в порядок одежду и сказал:

– Одну минутку, я сейчас вернусь.

Он пошел к двери, а остальные, разинув рот, наблюдали за ним. Выйдя, грек подошел к стражнику в верхней галерее дворца, толстому, как медведь, фракийцу, вложил ему в руку несколько монет и сказал:

– Пошли со мной, там для тебя есть работа.

Войдя в спальню, Евмен указал на Леонната:

– Видишь этого рыжего-конопатого?

Гигант кивнул.

– Молодец. Займись им и дай мешок тумачков.

Тут Леоннат сообразил, что дело приняло нежелательный оборот, проскользнул между ног фракийца, как Улисс меж ног Полифема, и сбежал вниз по лестнице.

– Кто-нибудь еще хочет что-то сказать? – спросил Евмен, снова взявшись укладывать свои личные вещи.

– Да, я хочу, – вмешался Александр.

Евмен замер и повернулся к нему.

– Слушаю тебя, – проговорил он с очевидным почтением, – поскольку ты хозяин этого дома. Но никто из этих голубчиков не посмеет называть меня писцом.

Александр расхохотался:

– Добро пожаловать к нам, господин царский секретарь.

С этого момента Евмен полностью влился в их компанию и стал вдохновителем всевозможных проделок и шуток над тем и над сем, но особенно часто – над стариком Леонидом: ему подсовывали ящериц в постель и живых лягушек в чечевичную похлебку, в отместку за удары розгой, которые он в изобилии раздавал своим воспитанникам, когда те появлялись в классе с невыполненным заданием.

Однажды вечером Леонид, который сам отвечал за методы воспитания, с важностью сообщил юношам, что на следующий день государю нанесет визит персидское посольство и что ему, их учителю, тоже доверено принять участие в дипломатическом приеме – ввиду его знакомства с Азией и ее обычаями. Он сказал, что старшие должны будут нести службу в почетном эскорте царя, надев парадные доспехи, в то время как младшие выполняют такой же долг рядом с Александром.

Известие вызвало среди ребят большое оживление: никто из них еще не видел ни одного перса, а все свои знания о Персии они черпали в трудах Геродота, Ктезия или записках знаменитого афинянина Ксенофонта «Анабасис». Поэтому все тут же принялись начищать оружие и готовить наряды к церемонии.

– Мой отец разговаривал с одним человеком, который говорил, будто участвовал в той экспедиции десяти тысяч, – рассказывал Гефестион, – и будто видел перед собой персов во время битвы при Кунаксе.

– Представляете, ребята? – вмешался Селевк. – Миллион человек! – И он вытянул перед собой руки с расставленными веером пальцами, словно изображая безграничный строй воинов.

– А колесницы с серпами? – добавил Лисимах. – Они несутся по равнине, подобно ветру, и из-под рамы торчат клинки, а другие закреплены на оси, чтобы косить людей, как пшеничные колосья. Не хотел бы я оказаться на таком поле боя.

– Это больше сеет страх, чем приносит действительный ущерб, – прокомментировал Александр, который до этого момента молчал и только слушал рассуждения друзей. – Так говорит и Ксенофонт в своих записках. Во всяком случае, у нас будет возможность увидеть, как персы управляют с оружием. Царь, мой отец, для послезавтрашней церемонии в честь гостей организовал охоту на льва в Эордее.

– Он пустит туда и детей? – усмехнулся Птолемей.

Александр вспыхнул и встал перед ним:

– Мне тринадцать лет, и я ничего и никого не боюсь. Повтори еще раз – и я тебе все зубы вообью в глотку.

Птолемей сдержался. Другие мальчики тоже подавили улыбки. С некоторых пор они научились не провоцировать Александра, хотя он был не особенно рослым. Порой он действительно проявлял удивительную энергию и молниеносную быстроту движений.

Евмен предложил всем составить партию в кости и разыграть недельное жалованье, чем дело и закончилось. Деньги по большей части перекечевали к Евмену, поскольку грек был искусен в игре и имел слабость к деньгам.

Утихомилив гнев, Александр оставил компанию развлекаться, а сам пошел перед сном навестить мать. Олимпиада проводила жизнь в уединении, хотя сохраняла значительное влияние при дворе как мать наследника трона, но ее встречи с Филиппом ограничивались почти исключительно протокольными случаями.

Тем временем царь из политических соображений заключал браки и с другими женщинами, однако к Олимпиаде продолжал относиться с почтением, и, будь у царицы не такой строптивый и тяжелый характер, Филипп, возможно, проявлял бы к ней больше чувств.

Царица сидела в кресле, рядом стоял бронзовый канделябр на пять свечей, на коленях у нее лежал папирус. За пределами света комната терялась во мраке.

Александр тихонько подошел:

– Что читаешь, мама?

Олимпиада подняла голову.

– Сафо, – ответила она. – Ее стихи так чудесны, а ее чувство одиночества так близко мне...

Она подошла к окну, посмотрела на звездное небо и печально, с дрожью в голосе повторила только что прочтенные стихи:

Уж месяц зашел; Плеяды
Зашли... И настала полночь.
И час миновал урочный...
Одной мне уснуть на ложе⁹.

Подойдя к ней, Александр увидел в неверном свете луны, как на ресницах матери задрожала слеза, а потом медленно скатилась по бледной щеке.

---

⁹ Перевод В. Иванова.

Глава 8

Затрубили трубы, и персидские вельможи торжественно вошли в тронный зал. Главой делегации был сатрап Фригии Арзамес; отстав на несколько шагов, за ним двигались военный правитель провинции и прочие вельможи.

Их сопровождал эскорт из двенадцати Бессмертных, воинов гвардии Великого Царя, отобранных по внушительному телосложению, величественной осанке и знатности рода.

Голову сатрапа украшала мягкая тиара – самый престижный головной убор после жесткой тиары, носить которую имел право лишь Великий Царь. Халат из тонкого зеленого полотна был расшит серебряными драконами; под халатом виднелись узорчатые шаровары и туфли из кожи антилопы. Другие вельможи тоже были разодеты невероятно роскошно и изысканно.

Но что больше всего привлекло внимание присутствовавших, так это Бессмертные Великого Царя. Ростом почти в шесть футов, смуглые и нарумяненные, с черными-черными курчавыми бородами и великолепно уложенными и завитыми при помощи щипцов волосами, они носили халаты до пят из золотой парчи¹⁰ поверх голубых рубаш тонкого полотна и шаровар, украшенных шитьем в виде золотых пчел. Воины несли через плечо смертоносные луки с двойным изгибом и кедровые колчаны, инкрустированные слоновой костью и серебряными пластинами.

Они шествовали размеренным шагом, стуча по земле древками копий с золотыми набалдашниками в форме гранатов на нижнем конце. На боку у каждого висело великолепное парадное оружие, которое вышло из рук всемирно знаменитых оружейников: ослепительные акинаки, массивные золотые кинжалы в ножнах, разукрашенных вереницами вставших на задние лапы выпуклых грифонов с рубиновыми глазами.

Сами ножны тоже были из чистейшего золота. Прицепленные к поясу, они свободно болтались при каждом шаге, ритмично вспыхивая и переливаясь драгоценным металлом.

Филипп, ожидавший подобной демонстрации роскоши, подготовил соответственный прием, выстроив по бокам зала две шеренги из тридцати шести педзетеров, могучих воинов своей регулярной тяжелой пехоты. Закованные в бронзовые панцири, они держали щиты с серебряной звездой Аргеадов и сжимали в руке сарисы – копья с огромными кизиловыми древками. Сверкающие, как зеркало, бронзовые наконечники сарис касались потолка.

Александр, надевший свои первые доспехи, стоял на скамеечке у ног отца, окруженный своей личной гвардией. С другой стороны, у ног царицы Олимпиады, сидела его сестра Клеопатра, уже подросток, уже очаровательная. На ней был аттический пеплос, оставлявший открытыми руки и плечи и ниспадавший изящными складками на маленькую расцветающую грудь, а на ногах были сандалии с серебристыми лентами.

Приблизившись к трону, Арзамес поклонился царственным супругам, потом отошел в сторону, открывая дорогу сановникам с дарами: поясом золотого шитья с аквамаринами и тигровыми глазами – для царицы; индийскими доспехами, инкрустированными черепашим панцирем, – для царя.

Филипп выслал вперед придворного со своими дарами для Великого Царя и его супруги: позолоченный скифский шлем и кипрское ожерелье из оправленных в серебро кораллов.

Закончив торжественную часть, гостей отвели в соседний зал для аудиенций и усадили на удобные диваны. Александр тоже был допущен, так как Филипп хотел, чтобы сын понял, что такое ответственность государственного мужа и как подобает вести переговоры с иноземной державой.

---

¹⁰ В те годы еще не умели ткать парчу.

Предметом переговоров было установление протектората Филиппа над одним греческим городом в Азии, верховная власть над которым в этом регионе по-прежнему формально признавалась за Персией. Персы, со своей стороны, были обеспокоены продвижением Филиппа в направлении Спарты, больного места, шарнира между двумя континентами и тремя великими областями: Малой Азией, материковой Азией и Европой.

Филипп пытался привести свои доводы, не вызывая излишней тревоги у своих партнеров по переговорам:

– Я не заинтересован нарушать мир в зоне Проливов. Моя единственная забота – укрепить македонскую гегемонию между Адриатическим морем и западным побережьем Черного моря, что, несомненно, через мореплавание и жизненно важную для всех торговлю принесет стабильность во всю область Проливов.

Царь оставил толмачу время перевести. Он наблюдал за лицами гостей, пока его слова, одно за другим, переводились с греческого на персидский.

Арзамес не позволял просочиться никаким эмоциям. Он посмотрел Филиппу прямо в глаза, словно понял его без перевода, и заявил:

– Задача, которую Великий Царь хотел бы решить, – это твои переговоры с греками в Азии и с определенными династиями на восточном побережье Эгейского моря. Мы всегда благоволили к их автономии и всегда предпочитали, чтобы греческими городами правили греки... дружественные нам, разумеется. И кажется, они приняли мудрое решение, которое, с одной стороны, уважает их традиции и достоинство, а с другой – защищает как их, так и наши интересы. К несчастью... – он подождал, пока толмач закончит перевод, – мы говорим о пограничной зоне, которая всегда являлась объектом трений, если не прямого противостояния, а то и просто войны.

Спор начинал оживляться и затрагивать болезненные точки, и Филипп, чтобы разрядить атмосферу, сделал знак впустить прекрасных девушек и юношей, не очень одетых, со сладостями и вином, специально выдержанным в снегу с гор Бермия, кувшины с которым хранили в царских погребах.

Серебряные кубки слегка запотели, что придавало металлу матовый оттенок и даже на глаз вызвало приятное ощущение прохлады. Царь дал время обслужить иноземцев, а затем продолжил беседу:

– Я прекрасно понимаю, на что ты намекаешь, почтенный гость. Мне известно, что в прошлом имели место кровавые войны между греками и персами и эти войны не привели ни к какому определенному решению. Но я бы хотел напомнить, что моя страна и предшествовавшие мне монархи всегда занимались посредничеством в переговорах, и потому прошу тебя передать Великому Царю, что наша дружба с греками в Азии продиктована лишь общностью происхождения, общностью верований и древними узами гостеприимства и родства...

Арзамес слушал все с тем же загадочным, как у сфинкса, лицом, которому черные подведенные глаза придавали странную неподвижность статуи, а Александр, со своей стороны, поглядывал то на иноземного гостя, то на отца, стараясь понять, что кроется за ширмой этих общепринятых слов.

– Не стану отрицать, – чуть погодя продолжил Филипп, – что мы очень заинтересованы в торговых отношениях с этими городами, а еще больше хотели бы почерпнуть из их великого опыта во всех областях знаний. Мы хотели бы научиться строительству, мореходству, орошению наших земель...

Перс странным образом опередил толмача:

– И что вы даете им взамен?

Филипп, довольно ловко скрыв свое удивление, подождал, пока толмач переведет вопрос, и невозмутимо ответил:

– Дружбу, подарки и товары, которые производятся только в Македонии: лес, великолепных лошадей и неприхотливых рабов из долины реки Истр. Мне бы только хотелось, чтобы все греки, живущие вокруг нашего моря, смотрели на македонского царя как на их естественного друга. Ничего более.

Персов как будто удовлетворяло, как Филипп ведет беседу. Хотя они отдавали себе отчет в том, что он хитрит, но также понимали: пока еще македонский царь не может позволить себе агрессивных замыслов – а этого в данный момент достаточно.

Когда все встали и направились в пиршественный зал, Александр приблизился к отцу и шепнул ему на ухо:

– Насколько то, что ты говорил, – правда?

– Почти ничего, – ответил Филипп, идя по коридору.

– Так, значит, и они...

– Не сказали ничего поистине важного.

– Но тогда зачем нужны такие встречи?

– Чтобы принюхаться.

– Принюхаться? – переспросил Александр.

– Именно. Настоящий политик не нуждается в словах, он больше полагается на чутье.

Например, как по-твоему, кто ему нравится: девушки или мальчики?

– Кому?

– Нашему гостю, разумеется.

– Но... не знаю.

– Ему нравятся мальчики. Казалось, что он смотрит на девушек, но краем глаза исподтишка разглядывал того белокурого юношу, что подавал ледяное вино. Надо бы сделать так, чтобы гость нашел его у себя в постели. Этот юноша из Вифинии и понимает по-персидски. Может статься, нам удастся узнать кое-что о замыслах нашего гостя. А ты после пира поводи их вокруг, покажи дворец и окрестности.

Александр кивнул и, когда пришел момент, с энтузиазмом взялся за порученное задание. Он много читал о Персидской державе, почти наизусть знал «Киропедию» – сочинение афинянина Ксенофонта и с большим вниманием изучал «Персидскую историю» Ктезия, произведение, полное фантастических преувеличений, но интересное в некоторых наблюдениях, касающихся персидских обычаев и ландшафта страны. В первый раз Александру представилась возможность поговорить с живыми персами во плоти.

В сопровождении толмача он показал им дворец и помещения для благородных юношей и уже предвкушал, как устроит Лисимаху головомойку за плохо застеленную кровать. Царевич объяснил, что отпрыски македонской аристократии получают воспитание при дворе вместе с ним.

Арзамес заметил, что так же делается и в их столице Сузах. Таким образом монарх обеспечивает преданность племенных вождей и подвластных царей, а заодно воспитывает поколение аристократов, крепко привязанных к трону.

Александр показал гостям конюшни гетайров, аристократов, сражавшихся в коннице и отмеченных титулом «друзья царя», и дал им проехаться на некоторых великолепных фессалийских скакунах.

– Прекрасные животные, – заметил один из почетных гостей.

– Ваши кони так же хороши? – спросил Александр несколько простодушно.

Гость улыбнулся:

– Ты никогда не слышал, царевич, о нисейских скакунах?

Александр смущенно покачал головой.

– Это животные невероятной красоты и силы, которых пасут только на высокогорных лугах Мидии, где растет особенно сочная, питательная трава. Там есть пурпурные цветы, кото-

рые несут в себе особую энергию. Конь Великого Царя питается исключительно мидийскими цветами, сорванными за стебель по одному, свежими весной и летом и засушенными осенью и зимой.

Александр, зачарованный этим рассказом, попытался представить себе скакуна, вскормленного одними цветами.

Потом они прошли в сады, где царица Олимпиада посадила всевозможные пиерские розы, которые в это время года издавали тончайший и сильнейший запах.

– Наши садовники делают из них настои и притирания для знатных женщин, – сказал Александр, – но я читал о ваших парках, которые греки называют парадизами¹¹. Они в самом деле так прекрасны?

– Наш народ происходит из степей и сухих плоскогорий севера, и потому мы всегда мечтали о садах. На нашем языке сады называются «пайридаэца», они окружены стенами, и их охватывает сложная система ирригационных каналов, которые поддерживают травяной покров зеленым в любое время года. Наши аристократы выращивают там всевозможные местные и экзотические растения и выводят причудливых зверей, которых потом продают во всех частях страны: фазанов, павлинов, попугаев, но также и тигров, белых леопардов и черных пантер. Мы стараемся воссоздать совершенство мира, каким он вышел из рук Ахурамазды, да вознесется его имя в вечности.

Затем в закрытой повозке Александр отвез гостей в столицу – показать тамошние монументы, храмы, портики, площади.

– Но у нас есть еще одна столица, – объяснил он. – Эги, у подножия Бермия: отсюда происходит наша семья, и там покоятся наши цари. А это правда, что у вас тоже несколько столиц?

– О да, молодой царевич, – отвечал Арзамес. – У нас их четыре. Пасаргады соответствуют вашему Эгам, это резиденция первых царей. Там, на обдуваемом ветрами плоскогорье, высится гробница Кира Великого, основателя династии. Кроме того, есть еще Экбатана в Эламе, на горе Загрос, белой от снега почти круглый год, – это летняя столица. Ее крепостные стены покрыты золочеными изразцами, и на заходе солнца она горит, как драгоценность, на фоне чистейших облаков. Это захватывающее зрелище, царевич Александр. Третья столица – Сузы, где Великий Царь живет зимой, и четвертая – новогодняя столица Персеполис, благоухающий кедром и фимиамом, украшенный лесом пурпурных и золотистых колонн. Там хранятся царские сокровища, и нет слов, чтобы описать это чудо. Надеюсь, когда-нибудь ты посетишь эти места.

Александр зачарованно слушал. Он почти въяве видел перед собой эти баснословные города, эти сказочные сады, эти веками копившиеся сокровища.

По возвращении во дворец гостей усадили на каменные скамьи и поднесли им кубки с медом. Пока гости пили, Александр снова спросил:

– Скажите, а насколько обширны владения Великого Царя?

Глаза сатрапа загорелись, и в голосе послышалось вдохновение, как у поэта.

– Держава Великого Царя простирается на север до мест, где люди не могут жить из-за холода, а на юг – до мест, где невозможно жить от жары, и под его властью находится сто наций, от мохнатых эфиопов, одетых в леопардовые шкуры, до гладких эфиопов, одетых в тигровые шкуры. В этих границах лежат пустыни, которые никто не дерзал пересечь, возвышаются горы, на которые ни один человек не дерзал взобраться, такие высокие, что вершинами они касаются луны. Там протекают четыре величайшие реки на земле: Нил, Тигр, Евфрат и Инд, а также тысячи других, таких как величавый Хоасп¹², бурный Аракс, впадающий в Каспий – таинственное море, пределов которого никто не знает, но такое обширное, что в него

---

¹¹ *Парадиз* – большой сад (перс.).

¹² *Хоасп* – река Керхе.

смотрится пятая часть всего неба... А из города Сарды через провинции до самой столицы Суз проходит дорога с золотыми воротами, вся вымощенная камнем.

На мгновение Арзамес замолк и взглянул в глаза Александра. Увидев в его взгляде страстную жажду приключений и свет неодолимой жизненной силы, он понял, что в этом юноше горит воля, какой он еще не встречал в своей жизни. И сатрапу вспомнился случай, происшедший много лет назад и о котором долго говорили в Персии: как однажды в храме Огня на Горе Света внезапный, неизвестно откуда взявшийся порыв ветра задул священное пламя.

И ему стало страшно.

Глава 9

Охота началась с первыми лучами солнца, и в ней по воле царя участвовала и молодежь: Александр со своими друзьями Филотой, Селевком, Гепестионом, Пердиккой, Лисимахом и Леоннатом, а также Птолемей, Кратер и прочие.

Евмен, которого тоже пригласили, попросил освободить его из-за досадного кишечного расстройства и показал предписание врача Филиппа: пару дней оставаться в полном покое и принимать вяжущее средство из крутых яиц.

Царь Александр Эпирский привез свору специально выведенных, великолепных собак с прекрасным нюхом, которые теперь натаскивались загонщиками; предыдущей ночью их отвели в засаду на опушке горного леса. Эту породу привезли более века назад с Востока, а поскольку собаки прекрасно обвыклись в эпирском климате, земле молоссов, откуда выходили самые лучшие овчарки, то этих псов обычно называли молоссами. Благодаря своей силе, огромному росту и нечувствительности к боли они были незаменимы на большой охоте.

Пастухи уже давно говорили, что в этих местах затаился лев, который опустошал табуны и бычьи стада, и Филипп с нетерпением ждал случая завалить зверя и приобщить своего сына к единственному приличествующему знати времяпрепровождению, а также предложить персидским гостям развлечение, достойное их ранга.

Охотники отправились за три часа до рассвета из дворца в Пелле и на восходе солнца уже находились у подножия горного массива, что отделял долину Аксия от долины Лудия. Зверь залег где-то в дубово-буковой роще на горных склонах.

По знаку царя протрубили в рог. Усиленный эхом звук разнесся до горных вершин. Услышав его, загонщики выпустили собак и последовали за ними сами, стуча наконечниками пик по щитам и производя страшный шум.

Вскоре вся долина наполнилась собачьим лаем, и охотники приготовились, расположившись полукругом почти в пятнадцать стадиев.

В центре находился Филипп со своими военачальниками: Парменионом, Антипатром и Клитом по прозвищу Черный. На левом фланге расположились персы. Все были ошеломлены их преображением: никаких расшитых рубах и пестрых халатов. Сатрап со своими Бесмертными снарядились, как их степные кочевники-предки: кожаные штаны, камзолы, жесткие шапки, два перехваченных скобой дротика, лук с двойным изгибом и стрелы. Слева от македонского монарха выстроились эпирский царь Александр, Гепестион, Селевк и прочие.

Вдоль реки, как пена, стелился туман, легкой вуалью опускаясь на зеленую-зеленую, заросшую цветами равнину, еще укрытую тенью гор. И вдруг безмятежность рассвета разорвал рык, заглушая отдаленный лай собак, и лошади тревожно заржали, забили копытами и зафыркали, еле сдерживаемые поводьями.

Но никто не тронулся с места – все ждали, когда лев выйдет на открытое место. Снова рык, еще громче, и тут же, как эхо, со стороны реки донесся другой – там была еще и львица!

Наконец огромный лев вышел из леса и, увидев, что окружен, издал чудовищный рев, от которого задрожали горы и перепугались кони. Вскоре показалась и львица, но двигаться вперед обоим зверям не хотелось из-за присутствия охотников, а повернуть назад они не могли, преследуемые загонщиками. Им оставалось искать спасения в реке.

Филипп дал сигнал начать охоту, и в тот самый момент, когда все устремились вперед, долину залило светом выглянувшего из-за гор солнца.

Александр с товарищами прищипорили коней, чтобы перерезать путь львам. Их позиция находилась ближе к берегу реки, и юноши торопились проявить свою отвагу.

Царь, обеспокоенный тем, что наследнику угрожает серьезная опасность, бросился вперед с дротиком в руке, в то время как персы расширили полукруг, разгоняя своих коней все быстрее, чтобы помешать хищникам снова скрыться среди деревьев и встретиться с собаками.

Увлеченный погоней, Александр уже был близок к тому, чтобы метнуть дротик в бок льва, но в этот момент из лесу показалась свора собак, и напуганная львица одним рывком повернулась и бросилась на круп коня царевича, отчего лошадь рухнула на землю.

Львицу окружили собаки, и ей пришлось оставить добычу. Конь быстро поднялся и с ржанием бросился прочь, лягаясь копытами и роняя на траву капли крови.

Александр вскочил на ноги и оказался перед львом. Царевич был безоружен, поскольку при падении выронил дротик, но тут подоспел Гефестион со своим оружием и вскользь поразил зверя, который зарычал от боли.

Тем временем львица, оскалив зубы, рыкнула на двух собак и повернулась к своему другу, который яростно набросился на Гефестиона. Юноша мужественно выставил перед собой дротик, а лев уже напружинил свои страшные лапы, заревел и стал хлестать себя по бокам хвостом.

Филипп и Парменион уже были совсем рядом, но все решали мгновения. Александр подобрал оружие и замахнулся, не заметив, однако, что львица тоже приготовилась к прыжку.

В этот момент один из персидских воинов, самый дальний из всех, не медля ни мгновения, натянул свой огромный лук и выстрелил. Львица прыгнула – стрела с резким свистом вонзилась ей в бок. Корчась, животное упало на землю.

Филипп и Парменион, напав на льва сзади, отвлекли его от юношей. Первым зверя поразил царь, но вскоре Александр и Гефестион перешли в атаку и тоже ранили его, так что Пармениону осталось лишь нанести завершающий удар.

Собаки, окружив место схватки, бешено лаяли и скулили, и загонщики дали им полизать крови двух хищников, чтобы те запомнили этот запах на будущее.

Филипп, соскочив с коня, обнял сына:

– Ты заставил меня дрожать, мой мальчик, но и затрепетать от гордости. Определенно ты станешь царем. Великим царем. – И он обнял также Гефестиона, рисковавшего собой, чтобы спасти жизнь Александру.

Когда волнение немного улеглось и с двух поверженных зверей начали сдирать шкуры, охотники вспомнили самый решительный момент, когда львица изготавилась к прыжку.

И все обернулись к иноземцу, одному из Бессмертных, застывшему на своем коне, все еще держа в руках огромный лук с двумя изгибами, из которого он более чем со ста шагов сразил львицу. Он скромно улыбался в густую черную, как вороново крыло, бороду, обнажив два ряда белоснежных зубов.

Только тут Александр заметил, что покрыт ушибами и ссадинами, а у Гефестиона из оставленной львиными когтями неглубокой, но болезненной раны течет кровь. Царевич обнял друга и велел отнести к хирургам, чтобы там о нем позаботились. Потом повернулся к персидскому воину, смотревшему издали.

Подойдя к нему и остановившись в нескольких шагах, Александр посмотрел ему в глаза: – Спасибо, иноземный гость. Я этого не забуду.

Не говоривший по-гречески, Бессмертный не понял слов царевича, но догадался об их смысле. Он снова улыбнулся и склонил голову, после чего прищипорил коня и присоединился к своим товарищам.

Охота продолжалась до самого заката, когда прозвучал сигнал окончания. Носильщики принесли зверей, павших под ударами охотников: одного оленя, трех кабанов и пару косуль.

На исходе дня все участники охоты собрались под сводом огромного шатра, который слуги соорудили посреди луга, и, пока все веселились и шутили, вспоминая выдающиеся моменты дня, повара снимали дичь с вертелов, а кравчие нарезали куски и подавали трапезничающим: сначала царю, потом гостям, потом царевичу, а потом всем остальным.

Вскоре вино полилось рекой, и наливали также Александру и его друзьям. Своим поведением в этот день они доказали, что уже стали мужчинами.

Затем в шатре появились и женщины: флейтистки, танцовщицы, все очень искусные в умении разжечь пирующих своими танцами, острыми словцами и юным усердием в деле любви.

Филипп, особенно оживленный, решил пригласить гостей принять участие в игре коттаб и велел толмачу перевести свои слова также и персам.

– Видите эту девушку? – спросил он, указывая на одну танцовщицу, которая в этот момент раздевалась. – Нужно остатками вина в кубке попасть ей точно меж бедер. Кто попадет в цель, получит ее в награду. Ну-ка, смотрите!

Указательным и средним пальцами зацепив чашу за ручку, он плеснул вино на девушку, но капли попали в лицо одного из поваров, и присутствовавшие не сдержали улыбок:

– Теперь тебе придется трахнуть повара, государь! Повара! Повара!

Филипп пожал плечами и повторил попытку, но, хотя девушка подошла поближе и теперь цель была хорошо видна, царю она казалась довольно смутной.

Персы, не очень привыкшие к неразбавленному вину, уже по большей части валялись под столами, и только главный гость, сатрап Арзамес, продолжал тянуть руки к белокурому юноше, который уже составил ему компанию предыдущей ночью.

Последовало несколько попыток со стороны других, но игра не имела большого успеха, потому что гости слишком напились для упражнений в точности, и каждый просто схватил первую попавшуюся под руки девушку, а царь, гостеприимный хозяин, набросился на ту, которую объявил наградой. Праздник, как обычно, превратился в оргию, и повсюду валялись полуголые потные тела.

Александр вышел из шатра и пошел, закутавшись в плащ, на берег реки. Слышалось журчание воды по камням, а луна, оседлавшая в это время гребень Бермия, серебрила волны и заливала луга легким опаловым светом.

Доносившиеся из шатра кудахтанье и хрюканье казались не такими громкими, зато слышнее стал голос леса: шорохи, хлопанье крыльев, воркование, а потом вдруг послышалась песня. В темноте благоухающего леса раздалось журчание, словно поблизости из родника изливалась вода, звон, сначала глухой, а потом все более отчетливый и серебристый. Песня соловья.

Александр сосредоточенно слушал мелодии маленького певца, не замечая течения времени. Вдруг почувствовав рядом чье-то присутствие, он обернулся. Это была Лептина. Женщины привели ее с собой в помощь, чтобы накрывать столы.

Она смотрела на Александра, сложив руки на животе, и взгляд ее был ясен и безмятежен, как небо в вышине. Александр осторожно прикоснулся к ее лицу, потом усадил рядом с собой и молча притянул к себе.

На следующий день все вернулись в Пеллу вместе с персидскими гостями, которых пригласили еще на один пир, намеченный через день.

Царица Олимпиада пожелала увидаться с сыном и, когда увидела его в синяках и с глубокими ссадинами на руках и ногах, судорожно обняла, но он смущенно отстранился.

– Мне рассказали про тебя. Ты мог погибнуть.

– Я не боюсь смерти, мама. Власть и слава царя оправданны лишь тогда, когда он в случае надобности готов отдать жизнь.

– Знаю. Но я трепещу от этой мысли. Прошу тебя, сдерживай свою отвагу, не растрачивай ее понапрасну. Ты еще мальчик, тебе надо вырасти, окрепнуть физически.

Александр твердо посмотрел на нее:

– Я должен идти навстречу своей судьбе, и я уже начал свой путь. Я знаю это наверняка. Чего я не знаю – это куда он меня приведет и где закончится, мама.

– Этого никто не знает, сын, – заметила царица с дрожью в голосе. – Ведь Судьба – это богиня, чье лицо скрыто под черным покрывалом.

Глава 10

На следующее утро после отбытия персов Александр Эпирский вошел в комнату своего племянника со свертком в руках.

– Что это? – спросил царевич.

– Бедный сиротка. Его мать на днях убила львица. Хочешь? Это лучшая порода, и, если очень захочешь, он полюбит тебя, как человеческое существо.

Царь развернул сверток и показал беспомощного щенка красивой рыжей масти со светлым пятном посреди лба.

– Его зовут Перитас.

Александр взял его, положил себе на колени и стал гладить:

– Хорошее имя. Этот щенок – просто чудо. Ты правда можешь его отдать?

– Он твой, – ответил дядя. – Но ты должен заниматься с ним. Он еще сосет молоко.

– Об этом позаботится Лептина. Щенок быстро вырастет и станет моей охотничьей и походной собакой. Большое тебе спасибо.

Лептина с энтузиазмом отнеслась к доверенной ей задаче и выполнила ее с большим чувством ответственности.

Признаки ее тяжелого детства уже стали понемногу проходить, и девушка словно расцветала с каждым днем. Ее кожа становилась все более белой и чистой, глаза – яркими и выразительными, каштановые, отсвечивавшие медью волосы блестели все сильнее.

– Ты уложишь ее в постель, когда она будет готова? – усмехнулся Гефестион.

– Возможно, – ответил Александр. – Но не для этого я вытащил ее из грязи, где она пребывала.

– Нет? А зачем еще?

Александр не ответил.

Следующая зима выдалась суровой, и царь не раз жаловался на острые боли в левой ноге, где из глубины лет все еще давала знать о себе одна старая рана.

Лекарь Филипп прикладывал к ноге царя разогретые на огне камни и обвязывал сукном, чтобы вытянуть избыточную влагу, а также растирал отваром терпентина. Порой он заставлял царя насильно сгибать колено, чтобы коснуться ягодицы пяткой, и это болезненное упражнение Филипп ненавидел больше всего. Но существовала опасность, что нога, и так уже бывшая чуть короче другой, продолжит укорачиваться.

Было нетрудно понять, когда царь теряет терпение, поскольку он рычал, как лев, а потом слышался шум бьющейся посуды – знак того, что Филипп швыряет об стену чашки с мазями, притираниями и отварами, прописанными ему его тезкой.

Несколько раз Александр покидал дворец в Пелле и надолго замыкался в Эгах, древней столице в горах. Он разводил в комнате большой огонь и сидел там часами, глядя на снег, толстыми слоями лежавший на горных вершинах, на долины и леса голубых елей.

Ему нравилось видеть дым, поднимающийся из пастушьего шалаша в горах или из деревенских домов, он вкушал глубокую тишину, которая в определенные вечерние или утренние моменты царила над этим колдовским, повисшим между небом и землей миром, и когда царевич укладывался в постель, то долго не спал, лежа в темноте с открытыми глазами и прислушиваясь к волчьему вою, что звучал жалобой из далеких глухих долин.

Когда после безмятежного дня солнце заходило, он любовался окрасившейся в красное вершиной Олимпа и гонимыми Бореем¹³ тучами, что легко неслись к неведомым удаленным мирам. Он смотрел на стаи перелетных птиц, и ему хотелось вместе с ними полететь над океанскими волнами или на крыльях орла достичь луны.

И все же именно в такие моменты Александр чувствовал, что ему не дано когда-либо осуществить это, что и он тоже, как и прежние цари, однажды уснет навсегда под великим курганом в Эгской долине.

Еще он чувствовал, что расстается с детством и становится мужчиной, и эта мысль на время вызвала грусть и лихорадочное возбуждение – в мгновения, когда он любовался на свет зимнего заката, угасающего вместе с последней пурпурной лампой над горой богов, или когда смотрел на жгучее завихряющееся пламя костров, которые крестьяне разводили в горах, чтобы влить силу в солнце, с каждым днем все ниже поднимавшееся над горизонтом.

У ног рядом с огнем усаживался Перитас и смотрел на него, скуля, словно понимал мысли хозяина.

Лептина же, наоборот, забивалась в какой-нибудь угол во дворце и показывалась, только если он звал ее или чтобы приготовить ужин, или чтобы составить ему партию в полевом сражении – настольной игре в керамических солдатиков.

Она довольно ловко освоилась в этой игре – настолько, что порой ей удавалось побить своего противника. Тогда она вся зажигалась и начинала смеяться:

– Я доблестнее тебя! Ты мог бы назначить меня своим военачальником!

Однажды вечером, когда она казалась особенно оживленной, Александр взял ее за руку и спросил:

– Лептина, ты ничего не помнишь о своем детстве? Как тебя звали, в какой стране ты жила, кто были твои родители?

Девушка мгновенно помрачнела, в замешательстве повесила голову и задрожала, словно по всему ее телу вдруг прошел мороз. Этой ночью Александр слышал, как она кричит во сне на каком-то незнакомом языке.

С приходом весны многое изменилось. Царь Филипп озаботился, чтобы его сына получше узнали как в Македонии, так и вне ее. Он несколько раз представлял Александра перед строем войск и собирался даже взять его с собой в недолгие военные походы.

Для таких случаев он велел собственному оружейнику изготовить особенно красивые и дорогие доспехи специально для сына и велел Пармениону, чтобы тот разрешил царевичу хотя и под охраной самых доблестных воинов, но все-таки встать в боевой строй, чтобы понюхать, как он выражался, запах крови.

Воины шутя звали Александра царем, а Филиппа – его полководцем, словно царь находился в подчинении у сына, и это доставляло монарху огромное удовольствие. Кроме того, Филипп приглашал художников, чтобы они изображали Александра, чеканили медали с его профилем, делали бюсты и рисунки на табличках. Все эти портреты вручались друзьям, а осо-

---

¹³ *Борей* – греческий бог северного ветра.

бенно – иноземным делегациям или послам из греческих городов на полуострове. В этих образах царевич всегда представлялся, согласно эллинским канонам, юношей с чистейшими чертами лица и развевающимися золотистыми волосами.

Молодой царевич с каждым днем все хорошел: благодаря более высокой от природы температуре тела на лице его не проявлялись дефекты, характерные для поры взросления. Его кожа оставалась безупречно гладкой и упругой и слегка румянилась на щеках и груди.

У него были густые, мягкие, волнистые волосы, большие выразительные глаза и характерная привычка слегка наклонять голову налево, что придавало взгляду особую пристальность, как будто он заглядывает прямо в душу собеседнику.

Однажды отец позвал сына к себе в кабинет – строгое помещение, где стены были покрыты полками, отчасти с документами из канцелярии, а отчасти – с любимыми литературными произведениями царя.

Александр немедленно явился, оставив за дверью Перитаса, который сопровождал его повсюду и даже спал рядом с ним.

– Этот год очень важен, сын мой: это год, когда ты станешь мужчиной. – Филипп провел пальцами по его верхней губе. – Начинает пробиваться пушок, и у меня есть для тебя подарок.

Он достал из ящика самшитовую шкатулку с инкрустацией в виде шестнадцатиконечной звезды Аргеадов и протянул ее Александру. Открыв ее, юноша увидел остро отточенную бронзовую бритву и точильный брусок.

– Спасибо. Но мне не верится, что ты позвал меня за этим.

– Действительно нет, – ответил Филипп.

– А зачем же?

– Собирайся в дорогу.

– Ты отправляешь меня в изгнание?

– В определенном смысле.

– И куда мне отправляться?

– В Миезу.

– Недалеко. Чуть больше дня езды. Зачем?

– Поживешь там три годика, чтобы завершить свое образование. В Пелле слишком многое отвлекает: придворная жизнь, женщины, пиры. Зато в Миезе я приготовил тебе одно прекрасное местечко – сад, где протекает прозрачайший ручей, роща с кипарисами и лавром, кусты роз...

– Отец, – прервал его Александр, – что с тобой?

Филипп вздрогнул и очнулся:

– Со мной? Ничего. А что?

– Ты говоришь о розах, о рощах... Мне представляется медведь, читающий стихи Алкея.

– Сын мой, я хочу сказать тебе, что приготовил для тебя место прекраснее и гостеприимнее, чем вообще можно ожидать, чтобы там ты продолжил свое обучение и мужское воспитание.

– Ты видел, как я езжу верхом, как сражаюсь; ты наблюдал меня на львиной охоте. Я умею чертить, знаю геометрию, говорю по-македонски и по-гречески...

– Этого мало, мой мальчик. Знаешь, как называют меня греки после моей победы в той треклятой священной войне, после того как я даровал им мир и процветание? Меня называют Филипп Варвар. И знаешь, что это означает? Это означает, что они никогда не признают меня своим полководцем и предводителем, потому что они презирают меня, хотя и боятся. У нас за спиной – безграничные степи, где живут кочевые народы, жестокие варвары, а перед нами – приморские города греков, которые достигли высочайшего уровня в искусствах, науке, поэзии, технике, политике. И мы подобны людям, что сидят зимней ночью перед костром: лицо и грудь у них освещены и согреты огнем, а спина остается в темноте и холоде. За это я и сражался

– чтобы окружить Македонию надежными, неприступными границами. Я приложу все мои силы, чтобы мой сын воспринимался эллинами таким же эллином – в мыслях, обычаях, даже в физическом обличье. Ты получишь самое утонченное и совершенное воспитание, какое только может в наши дни получить человек. Ты почерпнешь мудрость у высочайшего ума среди всех греков, какие только есть на востоке и на западе.

– И кто же эта необычайная личность?

Филипп улыбнулся.

– Это сын Никомаха, врача, который помогал тебе появиться на свет, самый знаменитый и блестящий из учеников Платона. Его зовут Аристотель.

Глава 11

– Можно взять кого-нибудь с собой? – спросил Александр.

– Кого-нибудь из прислуги.

– Я хочу взять Лептину. А друзей?

– Гефестиона, Пердикку, Селевка и прочих?

– Хорошо бы.

– Они тоже поедут, но некоторые уроки сможешь посещать только ты – те, что сделают тебя не таким, как все. Твой учитель будет решать, в какой последовательности чередовать уроки – предметы для общего изучения и предназначенные только тебе. Дисциплина будет железная: никакого непослушания ни в чем, никакой невнимательности или недостатка прилежания. И наказания тебе будут в точности те же, что твоим товарищам, если заслужишь.

– Когда мне отправляться?

– Скоро.

– Как скоро?

– Послезавтра. Аристотель уже в Миезе. Приготовь пожитки, выбери прислугу, кроме этой девочки, и побудь немного с матерью.

Александр кивнул и ничего не сказал. Украдкой посмотрев на него, Филипп увидел, как сын закусил губу, чтобы не выдать своего смятения.

Царь подошел и положил руку ему на плечо:

– Это необходимо, мой мальчик, поверь мне. Я хочу, чтобы ты стал эллином, чтобы стал частью единственной в мире цивилизации, которая воспитывает людей, а не рабов, которая является вместилищем самых передовых знаний, говорит на языке, на котором сложены «Илиада» и «Одиссея», где боги изображены как люди, а люди – как боги... Это не отменяет твою собственную природу, потому что в глубине души ты все равно останешься македонянином: дети львов всегда остаются львами.

Александр все молчал, вертя в руках шкатулку со своей новой бритвой.

– Мы не много бываем вместе, сын, – снова заговорил Филипп и грубой рукой поворошил ему волосы. – Все нет времени. Видишь ли, я солдат и делаю для тебя все возможное: завоевал для тебя царство, в три раза большее, чем получил от твоего деда Аминты, и дал понять грекам, в частности афинянам, что Македония – большая сила, которую следует уважать. Но не возвышение должно формировать твой ум и не учителя, что учили тебя до сих пор во дворце. Они больше ничему не могут тебя научить.

– Я сделаю, как ты решил, – заверил отца Александр. – Поеду в Миезу.

– Я не прогоняю тебя, сын. Мы будем видеться. Я буду приезжать к тебе. И твоя мать, и сестра смогут часто навещать тебя. Я лишь хочу дать тебе место, где ты сможешь сосредоточиться на учебе. Естественно, с тобой поедут твой учитель военного дела, учитель верховой езды и егерь. Мне не нужен философ, мне нужен царь.

– Как пожелаешь, отец.

– И еще одно. Твой дядя Александр покидает нас.

– Зачем?

– До сих пор он был не столько монархом, сколько актером. На нем царские одежды, диадема, но у него нет царства – Эпир фактически в руках Аррибаса. Но твоему дяде уже двадцать лет: пора начинать работать. Я отберу власть у Аррибаса и посажу на эпирский трон Александра.

– Я рад за него, но мне не нравится, что он уезжает, – сказал царевич, привыкший воспринимать планы своего отца как свершившийся факт. Он знал, что Аррибаса поддерживают афиняне и что их флот стоит у Керкиры с готовым к высадке войском. – Это правда, что афиняне у Керкиры готовятся высадить войско? Все кончится войной с ними.

– Я ничего не имею против афинян, – напротив, я восхищаюсь ими. Но они должны понять, что, приблизившись к моим границам, засунут руку в пасть льва. Что касается твоего дяди, то и мне жаль расставаться с ним. Он хороший парень и прекрасный воин, и... С ним я лажу лучше, чем с твоей матерью.

– Я это знаю.

– Кажется, мы все друг другу сказали. Не забудь попрощаться с сестрой и, ясное дело, с дядей. И с Леонидом. Пусть он не знаменитый философ, но хороший человек; он научил тебя всему, чему мог, и гордится тобой, как собственным сыном.

Из-за двери послышалось, как скребется Перитас, – пес хотел войти.

– Я все сделаю, – сказал Александр. – Можно идти?

Филипп кивнул и подошел к полкам позади стола, будто бы ища какой-то нужный документ, но на самом деле ему просто не хотелось, чтобы сын увидел его мокрые глаза.

Глава 12

На следующий день, с наступлением сумерек, Александр отправился навестить мать. Она только что закончила ужинать, и служанки убирали со стола. Царица жестом остановила их и приказала принести скамейку.

– Ты поел? – спросила она. – Велеть принести тебе что-нибудь?

– Я уже поужинал, мама. Был прощальный пир в честь отъезда твоего брата.

– Да, я знаю, он приходил попрощаться со мной перед сном. Что ж, завтра великий день.

– Похоже на то.

– Грустишь?

– Немного.

– Не надо. Ты знаешь, сколько потратил твой отец, чтобы отправить в Миезу половину Академии?

– Почему это – половину Академии?

– Потому что Аристотель там будет не один. С ним его племянник и ученик Каллисфен и еще Теофраст, великий ученый.

– Сколько же отец потратил на это?

– По пятнадцать талантов в год в течение трех лет. Клянусь Зевсом, он может себе это позволить: Пангейские копи приносят ему тысячу в год. Золотом. Он выбросил на рынок уйму золота, помогая друзьям, подкупая врагов, финансируя свои замыслы, так что в последние пять лет цены во всей Греции подскочили почти в пять раз! Даже на философов.

– Вижу, ты в плохом настроении, мама.

– А по-твоему, я должна радоваться? Ты уезжаешь, мой брат уезжает. Я остаюсь одна.

– А Клеопатра? Она тебя любит, и потом, она очень на тебя похожа. Такая молодая, а уже с характером.

– Да, – кивнула Олимпиада. – Конечно.

Несколько тяжелых мгновений прошли в молчании. Во дворе раздавались размеренные шаги сменявшейся на ночь стражи.

– Ты не согласна с отцом?

Олимпиада покачала головой:

– Нет, дело не в том. Наоборот, из всех решений Филиппа это определенно самое мудрое. Дело в том, что моя жизнь нелегка, Александр, и ухудшается с каждым днем. Здесь, в Пелле, меня всегда считали чужой и никогда не принимали за свою. Пока твой отец любил меня, все это было еще терпимо. Но теперь...

– Я полагаю, что отец...

– Твой отец – царь, мой мальчик, а цари не такие, как другие мужчины: цари должны заключать браки, исходя из интересов своего народа, один, два, три раза; они вынуждены оставлять жен из тех же соображений. Им приходится вести непрерывные войны, строить козни, вступать в союзы и разрывать их, предавать друзей и братьев, если потребуются. Ты веришь, что в сердце мужчины такого сорта есть место для такой женщины, как я? Но я не жалуясь. Несмотря ни на что, я царица и мать Александра.

– Я буду думать о тебе каждый день, мама. Буду писать тебе и приезжать при любой возможности. Но и ты помни, что мой отец лучше множества других мужчин. Лучше большинства из всех, кого я знаю.

Олимпиада встала.

– Я это знаю, – сказала она, подходя к сыну. – Можно обнять тебя?

Александр прижал ее к себе и ощутил на щеках тепло ее слез. Потом он повернулся и вышел, а царица снова села в кресло и долго неподвижно глядела в пустоту.

Клеопатра, только завидев брата, в слезах бросилась ему на шею.

– Эй! – воскликнул Александр. – Я не в ссылку отправляюсь, а всего лишь в Миезу: каких-то несколько часов езды, и ты сможешь навещать меня, когда захочешь, так сказал отец.

Клеопатра вытерла слезы и шмыгнула носом:

– Он говорит так, чтобы тебя подбодрить.

– Вовсе нет. И потом, со мной будут друзья. Я знаю, что кое-кто из них пробует за тобой ухаживать.

Клеопатра пожала плечами.

– Ты хочешь сказать, что никто тебе не нравится? – настаивал брат.

Девочка не ответила.

– Знаешь, какие ходят слухи? – продолжал Александр.

– Какие? – спросила она с неожиданным любопытством.

– Что тебе нравится Пердикка. Кое-кто еще говорит, что тебе нравится Евмен. Тебе, случайно, не оба нравятся?

– Я люблю только тебя.

И она снова бросилась ему на шею.

– Красивая ложь, – сказал Александр, – но я буду считать это правдой, потому что она мне нравится. Да и если бы ты кого-то полюбила, в этом все равно не было бы ничего дурного. Конечно, не стоит строить иллюзий: за кого тебя выдать, решит отец. Он выберет тебе мужа, когда придет время, и если ты будешь в кого-то влюблена, это только добавит страданий.

– Я знаю.

– Если бы решал я, я бы разрешил тебе выйти за кого хочешь, но отец не хочет упускать политической выгоды от твоего замужества, это я хорошо знаю. А любой пошел бы на что угодно, чтобы жениться на тебе. Ты такая красивая! Ну, обещаю тебе, что приедешь навещать.

– Обещаю.

– И что не будешь плакать, как только я выйду за дверь?

Клеопатра кивнула, хотя две слезинки скатились по щекам. Александр поцеловал ее напоследок и вышел.

Остаток вечера он провел с друзьями на прощальной пирушке и впервые в жизни напился пьяный. С непривычки и прочие напились так, что заблевали пол. Перитас, чтобы не отставать, сделал рядом лужу.

Когда пришлось добираться до своей спальни, Александр понял, что это задача не из легких. Но в какой-то момент в темноте появился кто-то с лампой, поддержал его и помог улечься, провел по лицу мокрой тряпкой, омыл губы гранатовым соком и ушел. Спустя недолгое время этот кто-то снова появился с дымящейся чашей, заставил его выпить отвар ромашки и укутал простынями.

В проблеске сознания Александр узнал Лептину.

Миеза сама по себе была очаровательным местечком, уютно расположившимся у подножия Бермия в окруженной дубовыми рощами зеленеющей котловине, посреди которой бежал ручей. Но приготовленная Филиппом резиденция оказалась так прекрасна, что Александру подумалось, уж не выведал ли его садовник какой-то секрет у персидских гостей, чтобы и в Македонии создать такой же парадиз, как у них в Эламе или Сузах.

Один старый охотничий домик был полностью отремонтирован, и внутри были устроены комнаты для гостей, учебные классы с библиотекой, одеон для музыки и, наконец, маленький театр для постановки драм. Всем была прекрасно известна страстная увлеченность Аристотеля драматическим искусством – особенно трагедиями, но и комедиями тоже.

Там имелся кабинет для классификации растений и фармацевтическая лаборатория, но больше всего удивила Александра студия рисования и живописи с литейной мастерской, полной самого современного оборудования и с самыми лучшими материалами, идеально систематизированными на полках: брикетами глины, воском, оловом, медью, серебром. И все со штампом Аргеадов в виде шестнадцатиконечной звезды, подтверждающим вес и название.

Александр считал, что неплохо разбирается в черчении, и ожидал увидеть маленький светлый класс с несколькими белеными досками и угольными карандашами. Внушительное оборудование показалось ему излишеством.

– Подождем хозяина, – объяснил надзиратель, – твой отец дал мне категорический приказ ничего тебе не говорить. Это должен быть сюрприз.

– Где же он? – спросил Александр.

– Пошли. – Надзиратель подвел его к окну на нижнем этаже, что выходило на внутренний дворик здания, и указал на старшего из троих прогуливавшихся под восточным крылом портика. – Вот он.

Это был человек лет сорока, сухопарый, с прямой осанкой и сдержанными, почти скованными манерами. Маленькие, очень подвижные глазки внимательно следили за каждым жестом собеседников. Грек чуть ли не считывал слова по губам, но в то же время не упускал ничего из происходящего вокруг.

Александр сразу понял, что за ним уже наблюдают, хотя взгляд Аристотеля не задержался на нем ни на мгновение. Тогда он вышел на открытое место и встал перед дверью, дожидаясь, когда философ завершит полукруг портика и подойдет к нему.

Вскоре Аристотель оказался перед ним. У грека были серые глаза, глубоко посаженные под высоким и широким, изборожденным глубокими морщинами лбом, и широкие высокие скулы, подчеркивающие впалость щек. Правильной формы рот затеняли густые усы и тщательно ухоженная борода, очень идущая к выражению задумчивой сосредоточенности на лице.

Александр не преминул заметить, что философ зачесывает волосы с затылка, чтобы скрыть обширную лысину. Аристотель не упустил этого, и его взгляд мгновенно стал ледяным. Царевич тут же потупился.

Философ протянул руку:

– Счастлив познакомиться с тобой. И хочу представить тебе моих учеников: это мой племянник Каллисфен, который изучает литературу и пишет историю; а вот Теофраст, – добавил он, кивнув на собеседника слева. – Возможно, ты уже слышал о его способностях в зоологии и ботанике. Когда мы впервые повстречались с твоим отцом в Ассе, в Троеде, Теофраст тут же отвлекся, чтобы посмотреть огромные древки сарис его копьеносцев. А когда монарх кончил говорить, Теофраст шепнул мне на ухо: «Молодые деревца крупного кизила, срубленные в августе во время новолуния, выдержанные, обработанные пемзой и натертые пчелиным воском. Самые прочные и гибкие в мире растений». Разве не замечательно?

– Да, действительно, – согласился Александр и пожал руку сначала Аристотелю, а потом его помощникам в том же порядке, в каком их представил учитель, после чего сказал: – Добро пожаловать в Миезу. Для меня будет большая честь, если вы соизволите отобедать со мной.

Аристотель не прекращал наблюдать за ним с того мгновения, как увидел, и глубоко восхищался им. «Мальчик Филиппа», как Александра звали в Афинах, обладал сосредоточенной силой взгляда, чудесной гармонией черт и звучным вибрирующим голосом. Все в нем говорило о жгучем желании жить и учиться, о необычайно развитом чувстве долга и усердии.

В это время раздался радостный лай Перитаса, который, ворвавшись во двор, начал проговаривать на зуб шнурки сандалий Александра и прервал молчаливое общение между учителем и учеником.

– Прекрасный щенок, – заметил Теофраст.

– Его зовут Перитас, – сказал Александр, наклоняясь, чтобы взять щенка на руки. – Подарок моего дяди. Мать этого малыша была убита львицей во время последней охоты. Я тоже участвовал в ней.

– Он очень тебя любит, – заметил Аристотель.

Александр не ответил, и они отправились в обеденный зал, где царевич предложил всем занять места и сам с облегчением возлег у стола. Аристотель расположился точно напротив.

Слуга принес кувшин, таз для омовений и полотенце. Другой начал расставлять яства: крутые перепелиные яйца, бульон, вареную курицу, потом хлеб, жареного голубя и вино с Фасоса. Третий слуга поставил на полу рядом с ложем Александра миску с похлебкой для Перитаса.

– Ты действительно думаешь, что Перитас очень меня любит? – спросил Александр, глядя на своего щенка, который, счастливо виляя хвостом, сунул мордочку в миску.

– Несомненно, – ответил Аристотель.

– Но это предполагает, что собака испытывает какие-то чувства, а следовательно, имеет душу?

– Это слишком серьезный вопрос для тебя, – проговорил Аристотель, очищая яйцо. – И для меня тоже. Это вопрос, на который не может быть определенного ответа. Запомни одну вещь, Александр: хороший учитель – тот, кто честно отвечает на вопросы. Я буду учить тебя распознавать свойства животных и растений, разделять их на виды и роды, пользоваться твоими глазами, ушами, руками для глубокого познания окружающей природы. А познание природы означает и познание управляющих ею законов, насколько это возможно. Видишь это яйцо? Твой повар сварил его и тем остановил его развитие, но в этой скорлупе существовали возможности птицы, способной ходить, питаться, производить потомство, пролетать расстояния в тысячи стадиев. Хотя яйцо не может всего этого, оно несет в себе свойства своей породы, можно сказать, форму. Форма работает внутри материи с разными результатами или последствиями. Перитас – одно из таких последствий, как ты, как я.

Философ сунул яйцо в рот:

– Или как это яйцо, если бы ему дали стать птицей.

Александр смотрел на него. Урок уже начался.

Глава 13

– Я принес тебе подарок, – объявил Аристотель, входя в библиотеку. В руке он держал деревянную шкатулку, на вид очень старую.

– Спасибо, – сказал Александр. – Что это?

– Открой, – протянул ему шкатулку философ.

Александр взял ее, положил на стол и открыл: там лежали толстые папирусные свитки, и к палочке¹⁴ каждого была привязана белая бирка с надписью красными чернилами.

– «Илиада» и «Одиссея»! – воскликнул царевич. – Чудесный подарок. Вот спасибо! Я давно мечтал, чтобы кто-нибудь подарил мне такую вещь.

– Это довольно старая редакция, одна из первых копий в афинском переложении Писистрата, – пояснил Аристотель, показывая заголовок. – Я переписал ее за свой счет, когда был в Академии, в трех экземплярах. И рад подарить один тебе.

Стоявший чуть поодаль надзиратель подумал про себя, что за те деньги, которые платит философу Филипп, он бы тоже мог себе позволить подобные подарки, однако смолчал, продолжая готовить материалы к уроку на этот день, как просил Аристотель.

– Чтение о подвигах героев прошлого очень важно для воспитания юноши, равно как и участие в постановках трагедий, – продолжал философ. – У читателя или зрителя вызывают восхищение великие и благородные герои, великодушные их поступков, самопожертвование ради общества и своих идеалов или искупление грехов, вызванных собственными ошибками или ошибками их предков. Ты согласен?

– Да, конечно, – согласился Александр, осторожно закрывая шкатулку. – Однако я бы хотел узнать от тебя одну вещь: почему меня следует воспитывать эллином? Почему я не могу просто остаться македонянином?

Аристотель сел.

– Твой вопрос интересен, но, чтобы тебе ответить, я должен объяснить тебе, что означает быть эллином. Только так ты сможешь решить, следует ли тебе посещать мои уроки. Быть эллином, Александр, – это единственный способ жить достойно человека. Ты знаешь миф о Прометее?

– Да, это был титан, который украл у богов огонь и, дав его людям, вывел их из убожества.

– Да, действительно. Но теперь, после того как люди вышли из скотского состояния, они пытаются организовать, чтобы жить в общине, и для этого придумано три основных способа: когда властвует один – монархия; когда властвуют немногие – олигархия; и когда власть осуществляют все граждане – демократия. Вот демократия-то и есть самое главное в жизни греков. Здесь, в Македонии, слово твоего отца – закон; Афинами же правит группа, избранная большинством граждан. И тем не менее какой-нибудь сапожник или портовый грузчик может выступить на народном собрании и потребовать, чтобы меры, уже одобренные правительством Афин, были отменены, – если найдется достаточное число лиц, расположенных поддержать его инициативу. В Египте, Персии и Македонии есть лишь один свободный человек – царь. Все остальные – рабы.

– Но наша аристократия... – попытался возразить Александр.

– И аристократия – тоже. Конечно, у знати имеются привилегии, она ведет весьма приятную жизнь, но и знать вынуждена подчиняться. – Аристотель замолк, увидев, что его слова достигли цели; ему хотелось, чтобы они запали в душу юноши.

---

¹⁴ Чтобы было удобнее разворачивать свиток, на его концах прикрепляли палочки.

– Ты подарил мне поэмы Гомера, – наконец ответил Александр, – но я отчасти уже знаю их. И прекрасно помню, что, когда Терсит выступил на собрании воинов, оскорбляя царя, Улисс ударил его скипетром, так что он заплакал, а герой сказал:

Нет, не к добру, если многие власть получают: лишь
Одного наделяет судьба правом законы вершить.
Скипетр, данный Кронидом, – знак попеченья о всех!¹⁵

Это слова Гомера.

– Верно. Но Гомер рассказывает о стародавних временах, когда цари были необходимы. Цари нужны для суровых времен, для жизни среди постоянных набегов варваров, среди зверей и чудовищ, в дикой природе. Я подарил тебе поэмы Гомера, чтобы ты вырос на идеях благородства, в понятиях дружбы, доблести, уважения к данному слову. Но современный человек, Александр, – это политическое животное. В этом нет сомнений. Единственная среда, в которой он может развиваться, – это полис, город-государство, такой, как создали его эллины. Это свобода, которая позволяет каждой душе выражаться, творить, создавать величие. Видишь ли, идеальным государством было бы то, где все старые умели бы добродетельно править, после того, как, будучи молодыми, сами добродетельно подчинялись более опытным.

– Именно это я делаю сейчас и намереваюсь делать в будущем.

– Ты – лишь один человек, – ответил Аристотель, – а я говорю о многих тысячах равных граждан, живущих под защитой закона и справедливости, которые воздают почести и раздают всяческие награды, регулируют обмен и торговлю, наказывают и исправляют провинившихся. Подобное общество поддерживается не кровными узами, не племенными или семейными связями, как здесь, в Македонии, а законом, перед которым все граждане равны. Закон исправляет дефекты и несовершенства отдельных личностей, ограничивает конфликты, поощряет желание творить и созидать, воодушевляет сильных, поддерживает слабых. В подобном обществе не стыдятся быть бедными и убогими, а стыдятся ничего не делать для улучшения собственных условий жизни.

Александр в задумчивости молчал.

– Сейчас я приведу тебе конкретный пример, – продолжил Аристотель. – Пошли со мной. Он вышел из боковой двери и приблизился к окошку, выходящему в литейную мастерскую.

– Смотри, – сказал философ, указывая внутрь. – Видишь этого человека?

В мастерской находился мужчина лет сорока в коротком рабочем хитоне и кожаном фартуке, а рядом – двое помощников, один лет двадцати, а другой шестнадцати. Все трое были заняты налаживанием оборудования: они приспособливали толстую цепь, что держала горн, насыпали в печь уголь.

– Знаешь, кто это? – спросил Аристотель.

– Никогда его не видел.

– Это величайший художник из всех, что нынче живут в мире. Это Лисипп из Сикиона.

– Великий Лисипп... Как-то раз я видел одну его скульптуру в храме Геры.

– А знаешь, кем он был, прежде чем стать тем, кто есть? Рабочим. В течение пятнадцати лет он работал в литейной мастерской за два обола в день. А знаешь, как он стал божественным Лисиппом? Благодаря городским декретам. Это полис дал ему развить свой талант, который позволяет каждому человеку возвыситься, как цветущее растение.

---

¹⁵ Илиада. Песнь вторая.

Александр смотрел на нового гостя. Он отличался крепким телосложением: широкие плечи, мускулистые руки с большими узловатыми кистями, которыми скульптор долгое время выполнял тяжелую черную работу.

– Зачем он здесь?

– Пойдем. Пойдем, познакомишься с ним, и он сам все тебе расскажет.

Они вошли в главную дверь, и Александр поздоровался:

– Я Александр, сын Филиппа, царя македонян. Добро пожаловать в Миезу, Лисипп. Для меня большая честь повстречаться с тобой. Это мой учитель – Аристотель из Стагира, сын Никомаха. В некотором смысле он тоже македонянин.

Лисипп представил своих учеников, Архелая и Харета, но во время разговора не отрывал глаз от лица царевича. Взгляд художника пробежал по его чертам, делая в уме наброски.

– Твой отец поручил мне изготовить в бронзе твое изображение. Хотелось бы узнать, когда ты сможешь позировать мне.

Александр взглянул на Аристотеля – тот улыбнулся.

– Когда угодно, Лисипп. Я прекрасно могу говорить, пока ты работаешь... если тебе это не помешает.

– Наоборот, – ответил Лисипп, – для меня будет честь – слушать тебя.

– Как тебе показался мальчик? – спросил его философ, когда Александр вышел.

– У него взгляд и лицо бога, – ответил великий ваятель.

Глава 14

Жизнь в Миезе протекала в высшей степени размеренно. Александр и его товарищи просыпались до восхода солнца, завтракали в основном крутыми яйцами с медом, вином и мукой – месивом, называемым «чаша Нестора», поскольку его рецепт описан в «Илиаде», – а потом вместе с учителем верховой езды на пару часов отправлялись на конную прогулку.

Закончив этот урок, юноши переходили под опеку учителя военного дела, который преподавал им борьбу, стрельбу из лука, владение щитом, копьем и дротиком. Остальное время с ними занимались Аристотель и прочие.

Иногда учитель военного дела, вместо того чтобы утомлять ребят однообразными упражнениями, брал их на охоту. В лесу водились кабаны, косули, волки, медведи, рыси, а также львы.

Однажды после возвращения с одной из таких облав они увидели у входной двери Аристотеля в странном наряде: в сапогах из дубленой кожи с голенищами до колен и в переднике с нагрудником. Он осмотрел убитых животных и выбрал самку кабана, очевидно супоросую.

– Тебя не затруднит отнести ее ко мне в лабораторию? – обратился он к егерю и кивнул Александру, чтобы тот следовал за ним. Это означало, что состоится урок для одного царевича.

Юноша отдал распоряжения, чтобы все сделали так, как просил учитель. Свинью уложили на топчан, рядом с которым Теофраст разложил целый ряд хирургических инструментов, безупречно наточенных и начищенных.

Аристотель велел передать ему скальпель и обратился к молодому царевичу:

– Если ты не слишком устал, я бы попросил тебя ассистировать мне при операции. Я покажу тебе много полезного. Там лежат писчие принадлежности, – он указал на перо, чернильницу и несколько свитков папируса, – чтобы ты мог делать заметки и фиксировать все, что увидишь во время вскрытия.

Александр поставил в угол лук и стрелы, взял перо и папирус и подошел к столу.

Философ надрезал брюхо свиньи, и внутри матки животного показались поросята. Одного за другим он измерил каждого и сказал:

– До рождения оставалось две недели. Вот это матка, то есть матрица, где формируются зародыши. А этот внутренний мешок – плацента.

Александр, в первый момент поддавшись отвращению от запаха и вида этих окровавленных внутренностей, вскоре начал делать заметки, а потом и наброски.

– Видишь? Органы свиньи, или самки вепря, что одно и то же, чрезвычайно похожи на человеческие. Посмотри: это легкие, то есть мехи, позволяющие дышать, а эта мембрана, что отделяет верхнюю часть внутренностей, более благородную, от нижней, – френ, то есть диафрагма; древние считали, что там находится душа. На нашем языке все слова, указывающие на мыслительную или рассудочную активность, а также безумие, являющееся расстройством мышления, происходят от термина «френ» – мембрана, оболочка.

Александр хотел спросить, что двигает этим френом, что заставляет его ритмично подниматься и опускаться, но уже знал ответ: «На сложные вопросы не существует простых ответов» – и промолчал.

– А вот это сердце: насос, подобный тому, что выкачивает воду из корабля, но бесконечно более сложный и эффективный. Согласно древним, здесь располагаются чувства, потому что его движение ускоряется, если человек охвачен гневом, или любовью, или просто похотью. На самом деле движение сердца также ускоряется, если подниматься по лестнице, а мне не кажется, что взбирание по лестнице вызывает какие-либо чувства.

– Да уж, – признал Александр, уставившись в замешательстве на окровавленные руки учителя, роющиеся во внутренностях свиньи.

– Можно выдвинуть правдоподобное предположение, что, когда усиливается интенсивность жизни, необходимо, чтобы кровь циркулировала с большей скоростью. Существуют две системы кровообращения: та, что идет к сердцу, и другая, идущая от сердца, – полностью изолированные друг от друга, как ты можешь видеть. В этом, – добавил Аристотель, положив скальпель на поднос, – мы очень похожи на животных. Но кое в чем мы совершенно другие. Долото и молоток, – приказал он Теофрасту и несколькими точными ударами вскрыл черепную коробку животного. – Мозг. Наш мозг гораздо больше, чем у этого или любого другого зверя. И знаешь почему? Потому что это обиталище мыслей, сознания... Есть несомненная связь между нашей способностью думать и объемом нашего мозга.

Аристотель закончил и передал инструменты Теофрасту, чтобы тот вычистил их. Потом учитель вымыл руки и взял у Александра его заметки.

– Превосходно, – одобрил он. – Я бы не мог сделать лучше. Теперь можешь передать этого зверя мяснику. Я очень люблю шпикачки и кровяную колбасу, но, к сожалению, с некоторых пор с трудом их перевариваю. Если нетрудно, попроси поджарить мне к ужину мясо на ребрах.

В другой раз Александр обнаружил, как Аристотель внимательно проделяет ту же операцию, но над гораздо меньшим объектом – куриным яйцом, снесенным всего десять дней назад.

– Мое зрение уже не то, что было раньше, и потому приходится просить помощи у Теофраста. Будь внимателен, потому что потом сам будешь мне ассистировать.

Теофраст с невероятной точностью орудовал тончайшим и острейшим лезвием, зажатым между большим и указательным пальцами. Он вытащил белок и отделил зародыш от желтка.

– Через десять дней от начала высиживания уже можно различить сердце и легкие цыпленка. Видишь? Ты с хорошими глазами, видишь?

Теофраст показал маленькие кровяные сгустки, о которых говорил учитель.

– Вижу, – подтвердил Александр.

– А ведь тот же механизм действует и при развитии растения из семени.

Александр уставился в маленькие, чрезвычайно подвижные серые глаза элиина:

– А ты никогда не проделявал этого с человеческим существом?

– Неоднократно. Я рассекал зародыши возрастом в несколько недель. Платил деньги одной повитухе, что делала аборт проституткам в одном борделе в районе Керамик, в Афинах.

Юноша побледнел, и Аристотель заметил это:

– Не надо бояться природы. Знаешь что? Чем ближе живые существа к моменту своего зачатия, тем более похожи между собой.

– Это означает, что все формы жизни происходят от одной?

– Возможно, но не обязательно. Дело в том, мой мальчик, что материя безгранична, а странство человеческой жизни коротко, и средства исследования скудны. Понимаешь, почему трудно дать ответ? Здесь требуется смирение. Нужно учиться, описывать, систематизировать, продвигаясь в познании шаг за шагом, и постепенно приближаться ко все более великому знанию. Как поднимаешься по лестнице: ступень за ступенью.

– Конечно, – согласился Александр, но в выражении его лица читалась тревога. Как будто его желание познать мир не могло примириться с терпением и дисциплиной, которые проповедовал учитель.

Довольно долго Лисипп просто появлялся на уроках и, пока Аристотель говорил или проводил свои эксперименты, делал эскизы с лица Александра то на листах папируса, то на деревянных дощечках, выбеленных гипсом или белилами. И в один прекрасный день скульптор подошел к царевичу и сказал:

– Я готов.

С тех пор Александру пришлось ежедневно по меньшей мере по часу оставаться в студии Лисиппа и стоять в определенной позе. Художник клал на подставку ком глины и работал. Его пальцы пробегали по влажной глине, словно гоняясь за образами, что парили в его уме, образами, моментально схваченными на лице модели или всплывающими из неожиданного света его взгляда.

Потом рука в одно мгновение ломала все вылепленное, приводила материал в исходное бесформенное состояние, чтобы вскоре начать все снова, проворно, упрямо воссоздавая выражение, чувства, вспышку интуиции.

Аристотель зачарованно наблюдал за танцем пальцев по глине, таинственной чувствительностью которых огромные руки творца миг за мигом создавали почти совершенное подобие жизни.

«Это не он, – думалось в такие моменты философу, – не Александр... Лисипп лепит молодого бога, как себе его представляет, бога с глазами, губами, носом, волосами Александра, и все же это кто-то другой, больше и меньше его в одно и то же время».

Ученый наблюдал за художником, изучая его напряженный лихорадочный взгляд – магическое зеркало, которое вбирало в себя истину и, преломив, воссоздавало ее в уме, опережая руки.

Глиняная модель была закончена через три сеанса, в течение которых Лисипп тысячу раз переделывал лицо юноши. Потом последовала модель из воска, которую сменила временная бронзовая форма.

Когда художник поворачивал подвижное основание подставки, показывая изображение Александру, солнечный свет, начинавший пробиваться сквозь хребты Бермия, рассеивал по комнате золотистый блеск.

Юноша замер, как ослепленный, при виде собственного образа, чудесным образом симитированного прозрачным оттенком воска, и ощутил, как к сердцу подкатила какая-то волна. Аристотель тоже подошел к творению Лисиппа.

В этих гордых и в то же время утонченных чертах, в трепещущем хаосе волос, обрамляющих и почти окруживших лицо сверхчеловеческой красоты, в величественном безмятежном

лбе, продолговатых глазах, овеванных таинственной печалью, в чувственном и властном очертании рта с изломом чистых губ было нечто большее, чем просто изображение.

В этот момент в комнате, залитой жидким светом и нежностью вечера, воцарилась великая тишина и великий покой, а в уме Александра звучали слова учителя, рассказывавшего о форме, которая лепит материю, о разуме, который упорядочивает хаос, о душе, которая оставляет собственный знак на бренном и недолговечном теле.

Он повернулся к Аристотелю. Маленькими серыми ястребиными глазками учитель обозревал чудо, ускользавшее от категорий его гения. Александр спросил:

– Что ты думаешь об этом?

Философ вздрогнул и перевел взгляд на художника, который позволил себе присесть на скамеечку, словно его силы, до этого момента расточаемые с безумной щедростью, вдруг иссякли.

– Если бог существует, – сказал Аристотель, – у него руки Лисиппа.

Глава 15

Лисипп остался в Миезе на всю весну, а Александр подружился также и с его помощниками, которые рассказывали всякие чудесные истории об искусстве и о характере своего учителя.

Юноша еще позировал в полный рост, а потом верхом на коне, но однажды, случайно войдя в студию, в то время как Лисипп куда-то вышел, заметил среди сваленных в кучу на столе набросков один замечательный портрет Аристотеля.

– Нравится? – неожиданно раздался у него за спиной голос скульптора.

– Извини, – сказал Александр, вздрогнув. – Я не хотел рыться в твоих вещах, но этот рисунок великолепен. Учитель позировал тебе?

– Нет, я набросал эскизы, наблюдая за ним, когда он говорил или гулял. Хочешь взять этот себе?

– Нет. Держи у себя. Возможно, когда-нибудь тебе придется изваять его статую. Ты не считаешь, что великий мудрец заслуживает этого больше, чем царь или царевич?

– Я считаю, что заслуживают оба, если царь или царевич тоже мудры, – с улыбкой ответил Лисипп.

Время от времени Александра навещали друзья, и несколько месяцев он мог пожить вместе с ними, занимаясь в основном физическими и военными упражнениями, – особенно в периоды, когда Аристотель отлучался для своих личных исследований или по поручениям Филиппа. Иногда царевич сам ездил в Пеллу, чтобы повидать сестру Клеопатру, которая хорошела с каждым днем.

В Миезе он немедленно возвращался к занятиям, отдавая им всю свою энергию, физическую и умственную. Методичность, с которой Аристотель занимался своими исследованиями, распространялась также и на его манеру вести обучение.

Философ велел установить во дворе солнечные часы, а в библиотеке – водяные, лично спроектировав и те и другие, и таким образом измерял продолжительность каждого урока и каждого занятия в лаборатории, чтобы всем дисциплинам посвящать нужное время.

В одном крыле здания начала расти большая коллекция лекарственных растений, чучел животных, насекомых, бабочек и минералов. В довершение всего там появился битум, который философу прислали с Востока его атарнейские друзья, и Александр не поверил своим глазам, когда учитель зажег его, поддерживая жарчайший, но зловонный огонь.

– Мне кажется, оливковое масло гораздо лучше, – заметил юноша, и Аристотель не мог не согласиться.

В своей мании систематизировать учитель коллекционировал все, что познаваемо в природе. Он начертил карту теплых источников, расположенных в разных частях страны, и изучал их целебные свойства. Сам Филипп извлек некоторую пользу для своей раненой ноги, принимая теплые грязевые ванны в Линкестидском источнике.

В Миеской школе одна внутренняя стена шкафа была отведена для коллекции окаменевших животных, в основном рыб, но также и растений, листьев, насекомых; имелась даже одна птица.

– Мне кажется, это доказывает, что когда-то действительно произошел потоп, поскольку мы нашли этих рыб в горах, вдали от моря, – заметил Александр.

Аристотель хотел дать другое объяснение, но ему пришлось признать, что в данный момент миф о потопе – единственная история, которая могла иметь отношение к этому феномену. По большому счету, он считал, что сама вещь имеет второстепенное значение; главное – собирать предметы, измерять, описывать и срисовывать в надежде, что в будущем кто-нибудь найдет им неоспоримое объяснение, основанное на непротиворечивых данных.

Как бы то ни было, философ получал огромное удовлетворение от отношений со своим учеником, потому что «мальчик Филиппа» постоянно задавал ему вопросы, а как раз этого и желает каждый учитель.

Исследуя область политики, Аристотель с помощью своих ассистентов и самого Александра начал собирать конституции разных государств и городов, как восточных, так и западных, как греческих, так и варварских.

– Ты хочешь иметь у себя все своды законов, существующие в мире? – спросил его Александр.

– Хорошо бы, – вздохнул Аристотель, – но, боюсь, это задача невыполнимая.

– И какова цель твоих изысканий? Выяснить, какой строй самый лучший?

– Это невозможно, – ответил философ. – Прежде всего потому, что не существует критерия для определения совершенного государственного устройства, что бы ни говорил по этому поводу мой учитель Платон. Моя цель – не столько в том, чтобы приблизиться к идеальным законам, сколько в том, чтобы исследовать, как каждая конкретная общность людей приспосабливается к соответствующим обстоятельствам в условиях, где она развивалась, используя имеющиеся в ее распоряжении ресурсы, среди друзей и врагов, с которыми ей приходится сталкиваться. Это, разумеется, предполагает, что не может существовать одного идеального государственного устройства, неизменного для всех; однако демократические порядки греческих городов – единственно возможные для города, где живут свободные люди.

В это время через двор прошла Лептина с полной воды амфорой на плече, и на мгновение Александру вспомнились кошмары Пангея.

– А рабы? – спросил он. – Может ли существовать мир без рабов?

– Нет, – ответил Аристотель. – Как не может быть ткацкого станка, который создает ткань сам по себе. Когда такое станет возможным, тогда рабов может потребоваться меньше, но я не верю, что когда-нибудь это случится.

Однажды молодой царевич задал учителю вопрос, который до этого момента не решался сформулировать:

– Если демократическое устройство греческих городов – единственное достойное свободных людей, почему же ты согласился учить сына царя? Почему ты дружишь с Филиппом?

– Никакое человеческое учреждение не может быть совершенным, и система греческих городов таит в себе одну огромную проблему – войну. Многие города, управляемые демократически, стремятся к господству над другими, чтобы обеспечить себя богатыми товарами, плодородными землями, выгодными союзами. Это ведет к продолжительным войнам, а они, в свою очередь, подрывают лучшие силы демократии и играют на руку извечному врагу греков – Персидской державе. Царь, подобный моему отцу, может стать посредником в этих раздорах

и междоусобицах. Он в состоянии заставить эллинов поставить наше единство выше всяких раздоров. Твой отец способен взять на себя роль вождя и арбитра, чтобы при необходимости принудить разобщенных греков к миру – пусть даже силой. Пусть лучше греческий царь спасет греческую цивилизацию от разрушения, чем нескончаемая война всех против всех приведет к рабству под пятой варваров. Потому я и согласился обучать и воспитывать царя. В противном случае ни у кого не хватило бы денег, чтобы купить Аристотеля.

Александра удовлетворил этот ответ, показавшийся ему справедливым и честным.

С течением времени, однако, он стал замечать в себе некоторое непримиримое противоречие: с одной стороны, получаемое им образование – он не сомневался – толкало его к сдержанности в поведении, мыслях и желаниях, к искусству и наукам; с другой стороны, его натура, сама по себе пылкая и неумная, толкала следовать древним идеалам воинской доблести и отваги, воспетым в произведениях Гомера и трагических поэтов.

Вести свое происхождение по материнской линии от Ахилла, героя «Илиады», непримиримого врага Трои, было для него естественным фактом. Он читал о своем предке в поэме, которую привык держать прямо под подушкой, – ей он посвящал последние мгновения дня. И этот неоспоримый факт возбуждал дух и фантазию Александра, приводил его в крайнее иступление.

В такие минуты одной только Лептине удавалось его успокоить. С некоторых пор Александр позволял ей оставаться рядом, а иногда просил о большей интимности. Возможно, сказывалась тоска по оставшейся вдали матери, по сестре, но он ощущал также потребность в прикосновении этих рук, умевших ласкать, передавать легкое и тонкое наслаждение, воспламеняющее взгляд и члены. Каждый вечер Лептина готовила ему теплую ванну и поливала водой его плечи и тело, ворошила волосы и гладила спину, пока он не успокаивался...

В пору уныния Александра все чаще сопровождало подавляемое желание действовать, убежать от покоя и уединения и отправиться по следам великого прошлого. Эта первобытная ярость, эта мания физического противостояния порой начинала проявляться и в его повседневных поступках. Однажды он отправился с друзьями на охоту и повздорил с Филотой из-за косули: тот утверждал, что убил ее первым. Александр уже вцепился ему в горло и задушил бы его, не подоспей товарищи.

В другой раз он чуть не отхлестал по щекам Каллисфена за то, что тот усомнился в правдивости Гомера.

Аристотель с вниманием и озабоченностью взирал на эти вспышки; в Александре таились две натуры: юноши утонченной культуры и ненасытной любознательности, умевшего петь и рисовать, декламировавшего наизусть трагедии Еврипида, – и неистового воина-варвара, безжалостного истребителя. Эта натура все более проявлялась на охоте, в состязаниях, в военных упражнениях, где пыл так захватывал его руку, что меч стремился к горлу противника, стоявшего перед ним с единственной целью обучить его.

И все же философ, похоже, разгадал тайну этого внезапно темнеющего взгляда, этой беспокойной тени, сгущавшейся в глубине левого глаза, как ночь первобытного хаоса. Но еще не настал момент выпустить на волю молодого льва Аргеада.

Аристотель чувствовал, что еще многому должен его научить, что должен направить в русло эти грозные силы, что должен указать им направление и цель. Обогатить это тело, рожденное для дикой ярости битвы, умом политика, способного составлять план действий и приводить его в исполнение. Только так Аристотель, подобно Лисиппу, создаст свой шедевр.

Миновала осень, наступила зима, и гонцы доставили в Миезу весть, что Филипп не собирается возвращаться в Пеллу. Фракийский царь поднял голову, и следовало преподать ему урок.

Войско, обдуваемое ледяными ветрами, налетавшими с бескрайних заснеженных равнин Скифии или ледяных вершин Гаэмона, испытало в ту зиму тяжелейшие лишения. Это был чрезвычайно тяжелый поход, в котором солдатам пришлось иметь дело с неуловимым противником, воюющим на своей территории и привыкшим преодолевать еще более неблагоприятные условия. Но зато когда вновь пришла весна, все бескрайнее пространство от берегов Эгейского моря до великой реки Истр было умиротворено и присоединено к Македонской державе.

Посреди лесистых фракийских земель царь основал город и назвал его своим именем – Филиппополь, «город Филиппа», вызвав в Афинах иронию Демосфена, который прозвал этот город «городом воров» или «городом негодяев».

Весна озеленила пастбища Миезы и увела пастухов и табунщиков с равнины на горные луга.

Однажды после захода солнца тишину местечка нарушил топот скачущих бешеным галопом коней, потом послышались сухие приказы и возбужденные голоса. В дверь студии Аристотеля постучал конник из царской стражи:

– Здесь царь Филипп. Он хочет видеть своего сына и поговорить с тобой.

Аристотель встал, спеша встретить блестящего гостя, и, пока бежал по коридору, отдавал всем попадавшимся навстречу торопливые приказы, чтобы приготовили ванну и ужин для царя и его спутников.

Когда философ выскочил во двор, Александр уже скатился по лестнице.

– Отец! – кричал он, мчась навстречу Филиппу.

– Мальчик мой! – воскликнул Филипп, крепко обняв его, и долго не выпускал из объятий.

Глава 16

Александр освободился из объятий отца и посмотрел ему в лицо. Фракийский поход оставил на царе глубокий след: кожа задубела от мороза, над левой бровью пролег широкий рубец, один глаз открывался не до конца, а виски поседел.

– Что с тобой, отец?

– Это был самый тяжелый поход в моей жизни, мальчик мой, и зима оказалась более жестоким врагом, чем фракийские солдаты, но теперь наша власть простирается от Адриатики до Понта Эвксинского, от Истра до Фермопильского прохода. Греки вынуждены признать меня своим предводителем.

Александр хотел тут же задать тысячу других вопросов, но, увидев, что слуги спешат оказать заботу высокому гостю, он сказал:

– Тебе нужно умыться, отец. Продолжим разговор за ужином. Хочешь чего-нибудь особенного?

– Есть косуля?

– Сколько угодно. И вино из Аттики.

– Назло Демосфену!

– Назло Демосфену! – воскликнул Александр и побежал на кухню проследить, чтобы все было исполнено в лучшем виде.

Аристотель пришел к царю в ванную и сел послушать, что тот скажет, пока служанки растирали Филиппу плечи и омывали спину.

– Это ванна с тонизирующим шалфеем. После нее тебе станет гораздо лучше. Как чувствуешь себя, государь?

– Совершенно разбитым, Аристотель, а еще столько нужно сделать!

– Проведешь здесь недельки две, и если не скажешь, что вернулась молодость, то хотя бы придешь в норму – хорошая диета, массажи, ванны, упражнения для больной ноги. Я должен зайти к тебе, когда у тебя найдется минутка.

– А! Не могу себе позволить ничего из этой роскоши, а военные хирурги – это военные хирурги... Как бы то ни было, спасибо: зимний военный рацион, который ты разработал для моих воинов, принес превосходные результаты. Полагаю, многим он просто спас жизнь.

Философ слегка склонил голову.

– У меня беда, Аристотель, – продолжил царь. – Мне нужен твой совет.

– Говори.

– Я знаю, что ты с этим не согласен, но я собираюсь оккупировать города, все еще связанные с Афинами в районе Проливов. Перинф и Византий подвергнутся испытанию: я должен увидеть, на чью сторону они встанут.

– Если им придется выбирать между тобой и Афинами, они выберут Афины, и тебе придется применить силу.

– У меня появился лучший военный инженер из всех ныне имеющихся, он проектирует для меня чудовищные машины, высотой в девяносто футов. Мне они обходятся в целое состояние, но стоят этих затрат.

– Стало быть, мое мнение не повлияло на твое решение.

– Нет.

– Тогда зачем ты просил моего совета?

– Из-за положения в Афинах. Мои осведомители доносят, что Демосфен хочет собрать против меня всеэллинский союз.

– Это понятно. В его глазах ты – наиболее опасный враг: ты угрожаешь независимости греческих городов.

– Если бы я захотел захватить Афины, то уже сделал бы это. Но я ограничился тем, что утвердил свою власть в области непосредственного влияния Македонии.

– Ты стер с лица земли Олинф...

– Они вывели меня из себя!

Аристотель, изогнув бровь, вздохнул:

– Понимаю.

– Так что же мне делать с этим союзом? Если у Демосфена получится, мне придется встретиться с греческим войском в открытом поле.

– Сейчас мне кажется, что оно не представляет большой опасности. Беспорядки, соперничество и взаимная зависть между греками столь сильны, что, полагаю, они ничего не добьются. Но если ты продолжишь свою агрессивную политику, то они сплотятся по-настоящему. Как это случилось во время персидского вторжения.

– Но я-то не перс! – прогремел монарх и большим кулаком ударил по краю ванны, вызвав в ней небольшую бурю.

Как только вода успокоилась, Аристотель продолжил:

– Это ничего не меняет: как всегда, когда какая-то сила добивается гегемонии, все прочие объединяются против нее. Греки очень привязаны к своей полной независимости и ради ее сохранения готовы на все. Демосфен может вступить в сговор с персами, это ты понимаешь? Для греческих полисов сохранение свободы важнее, чем кровные узы и культура.

– Разумеется. Я должен сохранять спокойствие и ждать, когда это произойдет.

– Нет. Но знай: каждый раз, когда предпринимаешь военную акцию против владений афинян или их союзников, ты ставишь в трудное положение твоих друзей. Их называют предателями.

– Среди них и в самом деле есть продавшиеся, – без тени смущения ответил Филипп. – Как бы то ни было, я знаю, что прав, и потому буду действовать. Однако должен попросить тебя об одолжении. Владыка Асса – твой тесть. Если Демосфен начнет переговоры с персами, ты смог бы узнать об этом.

– Я напишу ему, – пообещал Аристотель. – Но помни: если ты решил привести в исполнение свои планы, то рано или поздно окажешься лицом к лицу с коалицией Демосфена.

Царь помолчал. Он встал, и, пока женщины вытирали его и облачали в свежие одежды, философ не мог не заметить на теле царя недавних рубцов.

– Как мой мальчик? – наконец спросил Филипп.

– Это самая незаурядная личность из всех, кого я встречал в жизни. Но с каждым днем мне все труднее держать его под контролем. Он следит за твоими делами и грызет удила. Бойтся, что, когда придет его черед, уже не останется ничего завоевывать.

Филипп с улыбкой покачал головой:

– Мне бы его заботы... Я скажу ему. Но в данный момент хочу, чтобы он оставался здесь. Ты должен завершить его обучение.

– Ты видел, как его изобразил Лисипп?

– Нет еще. Но мне говорили, что потрясающе.

– Да. Александр решил, что в будущем только Лисиппу будет позволено его изображать. На него произвела большое впечатление работа этого мастера.

– Я уже распорядился, чтобы изготовили копии и подарили каждому дружественному нам городу – пусть выставят там на обозрение. Хочу, чтобы греки увидели, что мой сын воспитан на склонах горы богов.

Аристотель сопровождал Филиппа в пиршественный зал. Возможно, было бы точнее назвать это помещение просто трапезной. Философ упразднил ложа и дорогие столы и поставил один стол с сиденьями, как для бедных или как в походном шатре. Он считал, что в Миэзе должна царить атмосфера обучения и сосредоточенности.

– Ты не заметил, он общается с какими-нибудь девушками? Уже пора начинать, – сказал царь, проходя по коридору.

– У него очень скрытный характер, почти стеснительный. Но есть одна девушка – кажется, ее зовут Лептина.

Филипп наморщил лоб:

– Продолжай.

– Да рассказывать-то особенно не о чем. Она преклоняется перед ним, как перед божеством. И несомненно, это единственное человеческое существо женского пола, имеющее доступ к его персоне в любое время дня и ночи. Больше мне нечего тебе сказать.

Филипп потер пробивающуюся на подбородке щетину.

– Не хотелось бы, чтобы он преподнес мне ублюдка от этой служанки. Возможно, лучше прислать ему подругу, знакомую с этим ремеслом. Так не возникнет подобных проблем, и к тому же он сможет научиться кое-чему интересному.

Они уже подошли ко входу в пиршественный зал, и Аристотель остановился:

– Я бы на твоём месте не стал этого делать.

– Но это избавило бы от многих хлопот. Я говорю о первоклассной женщине для обучения, с опытом.

– Дело не в том, – возразил философ. – Александр уже позволил тебе выбрать ему учителя и художника, который изваяет его, благодаря чему он очень образован для своих лет. Но я не считаю, что он позволит тебе простираť свое влияние на его личную жизнь.

Филипп пробормотал что-то неразборчивое, а потом сказал:

– Я голоден. Не поесть ли нам здесь?

Ужинали все вместе, очень оживленно. Перитас забрался под стол и грыз там кости косули, которые едоки бросали на пол.

Александр хотел знать все подробности фракийской кампании: каковы были вооружение противника и его тактика, как укреплены тамошние селения и города. Его интересовало, как были разбиты два вражеских царя – Керсobleпт и Ферес.

Когда слуги уже убирали со стола, Филипп попрощался со всеми присутствующими:

– Теперь позвольте мне отпустить вас и пожелать вам спокойной ночи. Мне бы хотелось немного побыть в обществе моего мальчика.

Все удалились. Филипп и Александр остались вдвоем при свете ламп в большом пустом зале, напротив друг друга. Только из-под стола слышался хруст разгрызаемых костей. Перитас уже вырос, и челюсти у него были крепкие, как у льва.

– Это правда, что ты скоро уезжаешь? – спросил Александр. – Завтра?

– Да.

– Я надеялся, что ты побудешь несколько дней.

– Я тоже надеялся, сынок.

Последовало долгое молчание. Филипп никогда не объяснял своих решений.

– Чем займешься?

– Оккупирую все афинские поселения на Херсонесском полуострове. Я строю огромные осадные машины, каких еще не видели. Хочу ввести наш флот в Проливы.

– Через Проливы поступает зерно в Афины.

– Да, это так.

– Будет война.

– Как сказать. Я хочу, чтобы меня уважали. Они должны понять, что если возникнет всеэллинский союз, то возглавить его смогу только я.

– Возьми меня с собой, отец.

Филипп пристально посмотрел ему в глаза:

– Еще не пришло время, мой мальчик. Ты должен завершить свое образование.

– Но я...

– Послушай! Ты получил небольшой опыт в военных походах, проявил мужество и ловкость на охоте, и я знаю, что ты искусно владеешь оружием, но поверь мне: когда-нибудь тебе придется встретиться с испытаниями в тысячу раз более тяжелыми. Я видел, как мои солдаты умирают от холода и лишений, я видел, как жестоко они страдают, изуродованные ужасающими ранами. Некоторые падали, когда лезли на стену, и в муках умирали на земле, и потом, ночью, мне часами слышались их стоны. Посмотри на меня, посмотри на мои руки: они словно ветви дерева, о которые медведь точил когти. Я был ранен одиннадцать раз, я хромаю и ослеп на один глаз. Александр, Александр, ты видишь славу, но война – это прежде всего ужас. Это кровь, пот, дерьмо; это пыль и грязь; это жажда и голод, ледяной холод и невыносимая жара. Дай мне взять это на себя, пока я на это способен. Оставайся в Миезе, Александр. Еще один год.

Юноша ничего не сказал. Он понимал, что эти слова не предполагают ответа. Но взгляд израненного и много испытавшего в жизни отца просил понять и сберечь его чувства.

Снаружи послышался отдаленный рокот грома, и у кромок больших грозовых туч над потемневшими пиками Бермия появились желтые вспышки.

– Как мама? – вдруг спросил Александр.

Филипп потупился и ничего не ответил.

– Я знаю, что ты привел новую жену, – продолжал юноша. – Дочку одного варварского царя.

– Вождя скифов. Я должен был это сделать. И ты сделаешь то же самое, когда придет время.

– Знаю. И все-таки, как мама?

– Хорошо. Для данных обстоятельств.

– Ну, я пойду. Спокойной ночи, отец.

Александр встал и направился к выходу, за ним последовал пес. И Филипп позавидовал собаке, которая могла оставаться в обществе его сына и слушать ночью его дыхание.

Пошел дождь, сначала крупными редкими каплями, а потом все сильнее. Царь, оставшись один в пустом зале, тоже встал. Он вышел в портик, и обширный двор, как днем, освещился молнией; за ней последовал оглушительный гром. Филипп стоял, прислонившись к колонне, и задумчиво смотрел на хлещущий дождь.

Глава 17

Все вышло именно так, как предсказывал Аристотель. Укрывшись за стенами, Перинф и Византий примкнули к Афинам, и Филипп ответил на это осадой Перинфа, города, построенного на скалистом мысе на южном берегу Геллеспонта и соединяющегося с материком перешейком.

Македонский царь расположил свой шатер на возвышении, откуда мог наблюдать за всей картиной в целом. Каждый вечер он собирал на совет своих военачальников: Антипатра, Пармениона и Клита, прозванного Черным за черные волосы и глаза и смуглую кожу. Кроме того, этот Клит почти всегда пребывал в самом черном настроении духа, что не мешало ему оставаться прекрасным исполнителем.

– Они уже решили начать переговоры о сдаче или пока нет? – спросил царь, входя в шатер и даже не успев сесть.

– Нет, – сказал Парменион. – Насколько я понимаю, они даже не помышляют об этом. Город блокирован с суши нашим рвом, но продолжает получать подкрепления с моря от византийского флота.

– И мы ничего не можем с этим поделать, – вставил Черный. – Мы не господствуем на море.

Филипп стукнул кулаком по столу.

– Меня не волнует господство на море! – крикнул он. – Через несколько дней будут готовы мои штурмовые башни, и я разобью городские стены вдребезги. Тогда посмотрим, останется ли у них желание упрямиться!

Черный покачал головой.

– Что можешь возразить? – напустился на него Филипп.

– Ничего. Насколько я понимаю, и после этого нам все равно придется нелегко.

– Нелегко, да? Так выслушайте меня внимательно: я хочу, чтобы эти несчастные машины были готовы к действию не позже чем через два дня, иначе я вышвырну пинком под зад всех, начиная от главного инженера до последнего плотника. Вы хорошо поняли?

– Мы прекрасно тебя поняли, царь, – ответил Антипатр со своей обычной сдержанностью.

В некоторых случаях ярость Филиппа была способна творить чудеса. К полудню третьего дня машины со скрипом и треском начали свое выдвижение к стене; это были передвижные башни, высотой превосходящие укрепления Перинфа, их приводила в движение система противовесов, и они могли укрыть в себе сотню воинов с катапультами и стенобитными таранами.

Осажденные понимали, что их ожидает, и помнили судьбу Олинфа, поверженного в прах гневом македонского владыки. Это многократно усилило их волю к сопротивлению. Они делали подкопы и сжигали осадные машины во время ночных вылазок. Филипп восстанавливал башни и рыл контрмины, чтобы ослабить фундаменты стен, в то время как стенобитные машины работали безостановочно, день и ночь, оглушительными ударами заставляя сотрясаться весь город.

Наконец стены не выдержали, и тут македонские военачальники встретились с горькой неожиданностью. Донести до царя неприятную весть поручили Антипатру, самому старому и уважаемому из них.

– Государь, стены разрушены, но я бы не советовал посылать пехоту на штурм.

– Вот как? Почему же?

– Пойдем, посмотришь сам.

Подойдя к одной из башен, Филипп залез на самый верх и в безмолвии постоял там, глядя через разрушенные стены. Осажденные объединили ряды домов на нижней террасе города, фактически создав вторую крепостную стену. А так как Перинф весь состоял из террас, было очевидно, что подобное будет повторяться до бесконечности.

– Проклятье! – прорычал царь, спускаясь на землю.

Он уединился в своем шатре и несколько дней исходил желчью. Выхода из тупика не находилось. Горькие известия следовали одно за другим. Чтобы сообщить их, собрался весь его штаб.

– Государь, – объявил Парменион, – афиняне за деньги наняли у персидских наместников в Малой Азии десять тысяч солдат и послали морем к Перинфу.

Филипп повесил голову. То, о чем предупреждал Аристотель, к несчастью, полностью сбылось: Персия выступила против Македонии.

– Это беда, – прокомментировал Черный, словно атмосфера и так уже не была достаточно мрачной.

– Это не все, – прибавил Антипатр.

– Что еще? – вскричал Филипп. – Или нужно вырывать из тебя слова клещами?

– Достаточно просто сказать, – ответил Парменион. – Наш флот блокирован в Черном море.

– Что? – закричал царь еще громче. – А что наш флот делал в Черном море?

– Старался перехватить конвой с зерном, направлявшийся в Перинф, но афиняне догадались об этом и ночью неожиданно выдвинули свой флот, заблокировав вход в Босфор.

Филипп поник на своем кресле, обхватив голову руками.

– Сто тридцать кораблей и три тысячи человек, – пробормотал он. – Я не могу их потерять. Не могу потерять их! – вскричал он, вскочив на ноги и принимаясь мерить широкими шагами пространство шатра.

Тем временем афиняне на своих кораблях в Босфоре распевали победные песни и каждый вечер, как только спускались сумерки, зажигали на жаровнях костры и полированными щитами отражали свет в море, чтобы македонские корабли не попытались ускользнуть, воспользовавшись темнотой. Но они не знали, что Филипп, попавшись в ловушку и не в состоянии применить силу, обратится к хитрости, отчего станет еще опаснее.

Однажды ночью командир афинской триеры, патрулировавшей западный берег пролива, увидел спускавшуюся по течению лодку, жавшуюся поближе к берегу, чтобы ее не заметили.

Афинянин приказал направить свет с жаровни на берег, и луч от щита тут же выхватил лодку.

– Оставаться на месте, – потребовал капитан у дерзких мореходов, – или мы отправим вас на дно! – И он велел рулевому взять право руля, чтобы направить огромный бронзовый таран триеры на борт лодчонки.

В поведении и внешности нахалов было что-то странное, но, когда они раскрыли рот, у афинского капитана не осталось сомнений: это были македоняне, а вовсе не фракийские рыбаки, каковыми хотели показаться.

Он велел обыскать их, и на шее у одного обнаружился кожаный мешочек с посланием. Определенно, удачная ночь! Афинянин велел одному из своих людей посветить масляной лампой и прочел следующее:

*Филипп, царь македонян – Антипатру
Приветствую тебя, наместник!*

Настоящим даю тебе случай для сокрушительного разгрома афинского флота, который крейсирует в проливе Босфор. Выдвини сто кораблей с Фасоса и блокируй южный выход из Геллеспонта. Я спущу свой флот с севера, и они окажутся между нами. Им некуда деться. Будь у выхода из пролива в первую ночь новолуния.

Желаю тебе здравствовать.

– Небесные боги! – воскликнул капитан, едва закончив читать. – Нельзя терять ни минуты.

Он тут же приказал развернуться и как можно скорее грести от берега к середине пролива, где покачивался на якоре флагманский корабль. Поднявшись на его борт, капитан попросил проводить его к наварху – адмиралу, пожилому, очень опытному греку по имени Фокион, и вручил ему перехваченное послание. Фокион быстро прочел письмо и передал своему писцу, много лет проработавшему в афинском народном собрании.

– Я видел другие письма Филиппа в нашем архиве, – несомненно, это его почерк. И печать его, – добавил тот погодя, тщательно исследовав документ.

Чуть позже с носа флагманского корабля наварх высветил щитом сигнал: всем кораблям флота отходить.

Они прибыли к Фасосу через три дня – лишь для того, чтобы убедиться: там, естественно, нет и тени Антипатрова флота, поскольку у Антипатра никогда никакого флота и не было. Но македонская эскадра тем временем смогла спокойно покинуть Босфор и Геллеспонт и укрыться в надежном порту.

В одной из своих филиппик – речей против Филиппа – Демосфен назвал его «лисом», но, только когда пришло известие обо всем случившемся, оценил, насколько заслуженно это прозвище.

В начале осени македонский царь снял осаду Перинфа и совершил переход на север, чтобы покарать скифские племена, отказавшиеся послать ему помощь. Он разгромил их и убил их царя Афаса, который отправился на войну, несмотря на свои девяносто с лишним лет.

Однако по дороге назад, когда уже вовсю стояла зима, войско Филиппа подверглось жестокой атаке со стороны фракийского племени трибаллов и, понеся тяжелые потери, было вынуждено расстаться с добычей, захваченной у скифов. Сам царь был ранен и с трудом, с боями, привел свое войско на родину.

В свой дворец в Пелле он вернулся измученный усталостью и резкой болью в раненой ноге, опустошенный, почти неузнаваемый. Но в первый же день созвал совет, желая узнать, что в его отсутствие произошло в Греции и Македонии.

Ни одного доброго известия он не услышал, и если бы в нем еще оставались какие-то силы, он бы разъярился, как бык.

А так он решил выспаться, а на следующее утро вызвал к себе врача Филиппа и сказал ему:

– Осмотри меня хорошенько. Как я?

Врач осмотрел его с головы до ног, отметил землистый цвет лица, погасший взгляд, сухие потрескавшиеся губы, надтреснутый голос.

– Хуже некуда, государь.

– Да уж, без всякого снисхождения, – заметил царь.

– Ты хотел хорошего врача. Если тебе нужен льстец, ты знаешь, где его найти.

– Ты прав. А теперь послушай меня: я готов пить любую бурду, что ты мне приготовишь, я готов сломать спину и вывихнуть шею от твоих массажей, вставь мне в задницу все твои клистиры, я буду есть мерзопакостную рыбу вместо жареной говядины любой срок, какой ты мне назначишь, пить родниковую воду, пока в брюхе не заведутся лягушки, но, ради всех богов,

поставь меня на ноги, потому что к началу лета мне нужно, чтобы мой рык слышали в Афинах и дальше.

- Будешь меня слушаться? – недоверчиво спросил врач.
- Буду.
- И не швырнешь мои лекарства и отвары об стену?
- Не швырну.
- Тогда пошли в мой кабинет. Я должен осмотреть тебя как следует.

Какое-то время спустя, в один спокойный весенний вечер, Филипп без объявления появился в палатах царицы. Олимпиада, предупрежденная служанками, посмотрелась в зеркало, а потом вышла на порог встретить его:

– Рада видеть тебя выздоровевшим; заходи, садись. Для меня большая честь принять в этой комнате царя македонян.

Филипп сел и немного посидел, прикрыв глаза.

– Тебе обязательно так официально выражаться? Нельзя ли нам поговорить как мужу с женой, прожившим вместе не один год?

- «Вместе» – не очень удачное слово, – ответила Олимпиада.
- Твой язык ранит сильнее меча.
- Потому что у меня нет меча.
- Я пришел побеседовать с тобой.
- Я тебя слушаю.

– Ты должна оказать мне милость. Мой последний поход был не очень удачным. Я потерял немало людей и впустую потратил много сил. В Афинах считают, что со мной покончено, и внимают Демосфену, как оракулу.

– Я слышала то же самое.

– Олимпиада, я не хочу сейчас вступать в прямое столкновение, даже не хочу его провоцировать. Сейчас должна возобладать добрая воля. Желание уладить разногласия...

– И в чем я должна помочь?

– В данный момент я не могу отправить посольство в Афины, но думаю, что если это сделаешь ты, царица, многое изменится. Ты никогда ничего не предпринимала против них. И некоторые даже считают тебя еще одной жертвой Филиппа.

Олимпия оставила эти слова без комментария.

– В общем, получилась бы своего рода делегация от некоей нейтральной стороны, понимаешь? Олимпиада, мне нужно выиграть время, помоги мне! А если не хочешь помочь мне, подумай о своем сыне. И о строительстве его царства, о его гегемонии надо всей Грецией, которую я готовлю.

Он замолк, переводя дух. Избегая его взгляда, Олимпиада повернулась к окну и тоже несколько мгновений молчала. Потом проговорила:

– Ладно. Я пошлю в Афины Ореоса, моего секретаря. Это человек мудрый и осмотрительный.

– Прекрасный выбор, – одобрил Филипп, не ожидавший такой готовности.

– Могу я еще что-нибудь сделать для тебя? – спросила царица, но он холодным и отчужденным голосом ответил:

– Хотел сообщить тебе, что через несколько дней я еду в Миезу.

Лицо Олимпиады вдруг изменилось, ее бледные щеки порозовели.

– Привезу Александра домой, – добавил царь.

Царица закрыла лицо руками, но не смогла скрыть нахлынувших чувств.

– Ты даже не спрашиваешь, поужинал ли я, – сказал Филипп.

Олимпиада подняла влажные глаза.

– Поужинал ли ты? – повторила она тем же тоном.

– Нет. Я... я надеялся, что ты попросишь меня остаться.

Царица потупилась:

– Сегодня я неважно себя чувствую. Мне очень жаль.

Филипп закусил губу и вышел, хлопнув дверью.

Олимпиада прислонилась к стене, словно ее вдруг покинули силы, и слушала, как тяжелые шаги раздались в коридоре и затихли внизу.

Глава 18

Александр бежал по усеянному цветами лугу, залитому волнами весеннего света; он бежал полуголый, босой, против ветра, который разведал его волосы и приносил с моря легкий запах соли.

Рядом мчался Перитас, следя, чтобы не обогнать хозяина и не отстать. Время от времени пес лаял, чтобы привлечь его внимание, и юноша с улыбкой оборачивался к нему, но не останавливался.

Это был один из тех моментов, когда душа освобождается и летит птицей, и скачет скакуном. Таинственная природа молодого Александра, подобная двойственной природе кентавра, одновременно неистовая и чувствительная, темная и солнечная, словно бы находила выход в гармоничном движении, в ритуальном танце под сверкающим оком солнца или внезапной тенью тучи.

При каждом скачке точеная фигура юноши сжималась, чтобы потом распрямиться в серповидной дуге полета, его золотистые волосы, мягкие и блестящие, гривой развевались за спиной, а руки, легкие, как крылья, двигались в такт со вздымающейся от бега грудью.

Филипп молча наблюдал за ним с опушки леса, застыв на своем коне, потом, увидев, что сын уже близко, и услышав, как вдруг усилился лай увидевшей его собаки, прищипорил коня и подскочил к ним, с улыбкой приветствуя сына поднятой рукой, но не останавливая его, очарованный стремительностью этого бега, чудом этих неумолимых ног.

Александр остановился передохнуть на берегу ручья и нырнул в воду. Филипп слез с коня. Юноша выскочил из ручья вместе с собакой, и они встряхнулись. Филипп крепко обнял сына и почувствовал в ответ не менее крепкие объятия. Чувствовалось, что это уже мужчина.

– Я приехал забрать тебя, – сказал царь. – Едем домой.

Александр, не веря, посмотрел на отца:

– Слово царя?

– Слово царя, – заверил Филипп. – Но придет день, когда ты с тоской вспомнишь этот период своей жизни. У меня никогда не было подобного счастья; я не знал ни песен, ни поэзии, ни ученых диспутов. И потому я так устал, сынок, потому мои годы так тяжелы.

Александр ничего не сказал, и они вместе пошли по лугу к дому: юноша со следующей по пятам собакой и отец, ведущий в поводу коня.

Вдруг из-за холма, скрывавшего из виду уединение Миезы, послышалось ржание. Это был резкий пронзительный звук, исходивший от какого-то химерического чудовища. А потом послышались человеческие голоса, крики и восклицания и топот бронзовых подков, от которого затряслась земля.

Ржание раздалось снова, еще громче и яростней. Филипп повернулся к Александру:

– Я привез тебе подарок.

Они поднялись на вершину холма, и царевич остановился, пораженный: внизу стоял взметнувшийся на дыбы вороной жеребец, лоснясь потом, как бронзовая статуя под дождем. Пять человек держали его за арканы и поводья, стараясь сдержать ужасающую мощь дикого зверя.

Жеребец был чернее воронова крыла, а посреди лба имел белую звездочку в форме двурогой головы. Каждым движением шеи или спины он швырял на землю конюхов и волок их за собой по траве, как тряпичных кукол. Потом снова опускался на передние копыта, яростно лягал задними, хлестал воздух хвостом, тряс длинной блестящей гривой.

Кровавая пена покрывала губы чудесного животного, которое на мгновение замирало, нагнув шею к земле, чтобы наполнить могучую грудь воздухом и вновь его выдохнуть, как огонь из ноздрей дракона.

Александр, словно от удара хлыстом, вдруг очнулся и крикнул:

– Отпустите его! Отпустите этого коня, ради Зевса!

Филипп положил руку ему на плечо:

– Подожди немного, мальчик, подожди, пока его объездят. Немного терпения, и он будет твой.

– Нет! – крикнул Александр. – Нет! Только я сам могу его объездить. Отпустите его! Говорю вам, отпустите!

– Но он убежит, – сказал Филипп. – Мальчик мой, я заплатил за него целое состояние!

– Сколько? – спросил Александр. – Сколько ты заплатил, отец?

– Тринадцать талантов.

– Ставлю столько же, что объезжу его! Но вели этим несчастным отпустить его! Прошу тебя!

Филипп взглянул на сына и увидел, что чувства в нем бьют через край, жилы на шее юноши вздулись так же, как у разъяренного жеребца.

Он повернулся к конюхам и крикнул:

– Отпустите его!

Те повиновались. Один за другим они сняли арканы, оставив лишь поводья на шее. И конь быстро поскакал по лугу. Александр бросился вслед и на глазах у удивленного царя и конюхов догнал его.

Филипп, покачивая головой, прошептал:

– О боги, у него разорвется сердце, у этого парня, у него разорвется сердце.

А Перитас зарычал сквозь зубы. Но конюхи сделали знак, словно говоря: «Слушайте!» Было слышно, как юноша разговаривает с конем; задыхаясь на бегу, он что-то кричал ему, и ветер вместе с его словами доносил ржание жеребца, который словно бы отвечал царевичу.

И вдруг, когда казалось, что юноша сейчас упадет на землю от усилий, жеребец замедлил бег, какое-то время бежал рысью, а потом перешел на шаг, трясая головой и фыркая.

Александр продолжал приближаться к нему, тихо, держась со стороны солнца. Теперь, при полном освещении, ему были видны широкий черный лоб и белое пятно в форме бычьей головы.

– Буцефал, – прошептал юноша. – Буцефал... Вот такое у тебя будет имя... Вот такое. Тебе нравится, красавец? Нравится? – И приблизился настолько, что мог коснуться его рукой.

Животное повернуло голову, но не двинулось, и юноша, протянув руку, осторожно погладил его по шее, а потом по морде и мягким, как мох, ноздрям.

– Хочешь побегать со мной? – спросил он. – Хочешь побегать?

Конь заржал, гордо подняв голову, и Александр счел это согласием. Он заглянул в черные горящие глаза, а потом одним прыжком оказался на спине жеребца и с криком:

– Поехали, Буцефал! – коснулся пятками его брюха.

Животное пустилось в галоп, вытянув голову и длинный пышный хвост. Конь пронесся по лугу, как ветер, до леса и реки, и топот его копыт напоминал раскаты грома.

Когда он остановился перед Филиппом, тот не мог поверить своим глазам.

Александр соскочил на землю:

– Это все равно что оседлать Пегаса, отец, у него как будто крылья. Такими, наверное, были Балий и Ксанф, кони Ахилла, сыны ветра. Спасибо за подарок. – И он погладил коня по шее и вспотевшей груди.

Перитас поднял лай, ревнуя хозяина к новому другу, и юноша, чтобы успокоить, приласкал и его.

Пораженный Филипп смотрел на сына, словно еще не мог поверить в случившееся. Потом поцеловал его в лоб и заявил:

– Сын мой, ищи себе другое царство: Македония мала для тебя.

Глава 19

Гарцуя рядом с отцом, Александр спросил:

– Это правда, что ты заплатил за него тринадцать талантов?

Филипп кивнул:

– Думаю, такую цену еще не платили ни за одного коня. Это лучшее животное из всех, выведенных за много лет в Фессалийской Филонике.

– Он стоит больше, – сказал Александр, похлопывая Буцефала по шее. – Ни один другой конь в мире не был бы достоин меня.

Они пообедали вместе с Аристотелем и Каллисфеном: Теофраст вернулся в Азию, чтобы продолжить свои исследования, и ежеминутно докладывал учителю о результатах своих открытий.

За столом сидели также два художника по керамике, которых Аристотель пригласил из Коринфа – не для того, чтобы расписывать вазы, а для выполнения более тонкой работы по велению самого Филиппа: для рисования карты всего известного мира.

– Можно ее увидеть? – в нетерпении спросил царь, когда закончили обед.

– Конечно, – ответил Аристотель. – В том, что нам удалось изобразить, есть и твой вклад – твои завоевания.

Они перешли в обширный, хорошо освещенный зал, где на огромном деревянном столе лежала такого же размера карта, сделанная на дубленой воловьей коже, красочно разрисованная, сверкающая красками, которыми художники изобразили моря, горы, реки и озера, заливы и острова.

Филипп зачарованно смотрел на нее. Его взгляд пробежал по карте с востока на запад, от Геркулесовых столбов до просторов скифских степей, от Босфора до Кавказа, от Египта до Сирии.

Царь коснулся ее пальцем, словно боясь дотрагиваться, и стал разыскивать страны, дружественные и вражеские. С горящими глазами он узнал город, который сам недавно основал во Фракии и который носил его имя – Филиппополь. И впервые со всей ясностью Филипп увидел обширность своих владений.

На восток и на север карта переходила в ничто, а далеко на юге раскинулись нескончаемые пески ливийцев и гарамантов.

Сбоку на столе лежали многочисленные листы папируса с предварительными набросками. Филипп пробежал некоторые и задержался на одном чертеже, изображавшем всю землю целиком.

– Стало быть, ты думаешь, что она круглая? – спросил он у Аристотеля.

– Не думаю. Я уверен в этом, – возразил философ. – Ведь тень, которую земля отбрасывает на луну во время затмений, круглая. И если смотреть на корабль, удаляющийся из порта, сначала исчезнет его корпус, а потом мачта. А если смотришь на приближающийся корабль, они появляются в обратном порядке.

– А что вот здесь, внизу? – спросил царь, указывая на область, помеченную надписью «антиподы».

– Этого никто не знает. Но правдоподобно предположить, что там находятся земли, похожие на поверхность, где живем мы. Это вопрос равновесия. Проблема в том, что мы пока не знаем, как далеко простираются северные области.

Александр задумчиво направил взгляд на провинции бескрайней державы, которая, как ему говорили, протянулась от Эгейского моря до Индии, и ему вспомнились вдохновенные слова, которыми три года назад персидские гости описывали свою родину.

В это время ему представилось, как он скачет на Буцефале по этим нескончаемым плоскогорьям, как летит над горами и пустынями к пределам мира, к волнам реки Океан, которая, согласно Гомеру, окружает всю землю.

Его вывел из задумчивости голос отца и положенная на плечо рука.

– Собери свои вещи, сын мой, и распорядись, чтобы слуги приготовили твой багаж. Все, что хочешь забрать домой, в Пеллу. И попрощайся с учителем. Вы расстанетесь на некоторое время.

С этими словами царь удалился, чтобы дать им попрощаться наедине.

– Быстро пролетело время, – сказал Аристотель. – Мне показалось, что мы приехали в Миезу лишь вчера.

– Куда отправишься теперь? – спросил Александр.

– Пока что останусь здесь. Мы собрали много материалов и сделали немалое количество записей и заметок, которые нужно теперь тщательно разобрать. Кроме того, я провожу кое-какие исследования. Изучаю, как болезни передаются от одного тела к другому.

– Я рад, что ты остаешься: так я смогу иногда приезжать сюда. У меня еще осталось столько вопросов к тебе!

Аристотель пристально посмотрел на своего воспитанника и мгновение читал эти вопросы в переменчивом свете его беспокойного взгляда.

– Оставшиеся у тебя вопросы не имеют ответа, Александр... А если имеют, ты должен искать его у себя в душе.

Свет весеннего дня осветил разбросанные листы, клинышки для замечаний и рисунков, чашки художников с красками и кисточками, огромную карту известного мира и маленькие серые безмятежные глаза философа.

– А потом, куда отправишься после? – снова спросил Александр.

– Сначала в Стагир, домой.

– Думаешь, тебе удалось сделать из меня грека?

– Думаю, я научил тебя, как стать человеком, но прежде всего я понял одну вещь: ты никогда не будешь ни эллином, ни македонянином. Ты будешь просто Александром. Я научил тебя всему, чему мог, – теперь иди своим путем. Никто не может сказать, куда он тебя приведет. Лишь одно я знаю наверняка: всякий, кто захочет последовать за тобой, должен будет бросить все – родной дом, привязанности, родину – и броситься в неизвестное. Прощай, Александр, и да защитят тебя боги.

– Прощай, Аристотель. Да сохраняют боги и тебя, если хотят послать немного света в этот мир.

Так они и расстались, на прощанье долго посмотрев друг на друга. Чтобы больше никогда не увидеться.

Александр в эту ночь не спал допоздна, охваченный волнением, которое мешало сну. Он смотрел в окно на мирную деревню и луну, освещавшую вершины Бермия и Олимпа, еще покрытые снегом, но в ушах его уже стоял звон оружия и ржание несущихся галопом коней.

Он думал о славе Ахилла, заслужившего честь быть воспетым Гомером, о ярости битвы и ударах мечей и копий, но не мог понять, как все это могло уживаться в его душе вместе с мыслями Аристотеля, образами Лисиппа, стихами Алкея и Сафо.

Возможно, думалось ему, ответ кроется в его происхождении, в природе его матери Олимпиады, дикой и меланхоличной одновременно, и природе отца, приветливого и беспощадного, импульсивного и рассудительного. Возможно, он кроется в натуре его народа, за спиной которого живут самые дикие варварские племена, а перед глазами неизменно стоят греческие города с их храмами и библиотеками.

На следующий день Александру предстоит встретиться с матерью и сестрой. Насколько они изменились? А насколько изменился он сам? Каково теперь будет его место в царской резиденции в Пелле?

Стараясь успокоить буйство своей души музыкой, Александр взял цитру и уселся перед окном. Зазвучала песня, которую он много раз слышал от воинов своего отца, когда ночью они сидели вокруг сторожевых костров. Песня грубая, как и их горский диалект, полная страсти и тоски.

Внезапно Александр заметил, как в комнату вошла Лептина, привлеченная музыкой, и села на край ложа, заслушавшись.

Лунный свет ласкал ее лицо и белоснежные гладкие плечи. Александр отложил цитру, а девушка легким движением обнажила грудь и протянула к нему руки. Он лег рядом с ней, и Лептина положила его голову себе на грудь, глядя волосы.

Глава 20

Через три дня после прибытия в Пеллу Александр был представлен войску. Облаченный в доспехи, верхом на Буцефале, он рядом с отцом объехал строй, сначала стоявшую справа тяжелую конницу – гетайров, «друзей царя», знатных македонян из всех горных племен, потом строевую пехоту – педзетеров, «пеших друзей», набранных из равнинных крестьян. Пехотинцы образовали квадрат грозной фаланги.

Они построились в пять шеренг, и у каждого ряда были сарисы разной длины – у каждого следующего ряда длиннее предыдущего, чтобы, когда их опустят, все наконечники оказались вровень друг с другом.

Один из командиров выкрикнул своим воинам приказ показать оружие, и поднялся лес копий с железными остриями, чтобы воздать честь царю и его сыну.

– Запомни, мой мальчик, фаланга – это наковальня, а конница – молот, – сказал Филипп. – Когда на вражеское войско обрушивается наша конница, от этого барьера копий нет спасения.

Потом, на левом фланге, он обошел «Острие», головной отряд царской конницы, которая бросалась в бой в решительный момент, чтобы нанести удар кувалдой, разрушая вражеский строй.

Конники закричали:

– Здравствуй, Александр! – и застучали дротами по щитам – честь, оказываемая только своему командиру.

– Ты их военачальник, – объяснил Филипп. – Отныне ты будешь вести в бой «Острие».

В этот момент от строя отделилась группа всадников в великолепных доспехах и шлемах с высокими гребнями.

Их кони с серебряными удилами и пурпурными шерстяными чепраками выделялись среди прочих внушительностью, а сами они – благородством осанки. Всадники бросились в галоп, как единая яростная сила, а потом, по команде, продемонстрировали широкий, внушительный, совершенный разворот. Всадники, находившиеся на оси поворота, задержали своих

скакунов, в то время как остальные мчались тем быстрее, чем дальше находились от центра, так что крайним ничуть не пришлось замедлять ход.

Завершив этот замечательный маневр, они снова пустили коней в галоп, плечом к плечу, голова к голове, подняв за собой густую тучу пыли, и остановились прямо перед царевичем.

Командир крикнул громовым голосом:

– Турма¹⁶ Александра!

А потом одного за другим выкликнул всех поименно:

– Гефестион! Селевк! Лисимах! Птолемей! Кратер! Пердикка! Леоннат! Филота!

Его друзья!

Закончив перекличку, все подняли дроты, проревели «Здравствуй, Александр!» и наконец, нарушая протокол, окружили царевича, чуть не стянули с коня и сжали в жарких объятиях на глазах у царя и застывших в строю воинов. Друзья с радостными криками столпились вокруг наследника Филиппа, подбрасывая в воздух оружие, прыгая и приплясывая как сумасшедшие.

Когда парад распустили, к группе присоединился и Евмен – грек не вошел в число воинов, а стал личным секретарем Филиппа и теперь играл при дворе весьма заметную роль.

В тот же вечер Александру пришлось присутствовать на пиру, который друзья устроили в честь его в доме Птолемея. Зал был приготовлен с большим тщанием и роскошью: деревянные лежа и столы были разукрашены позолоченной бронзой, яркими коринфскими канделябрами в форме державших свечу девушек, а с потолка свисали лампы в форме резных ваз. Свет и тени вели на стенах причудливую игру. Тарелки были из литого серебра с тонкой чеканкой у кромки, а кушанья приготовили повара из Смирны и с Самоса, обладающие греческим вкусом и тонким знанием азиатской кухни.

Вина прибыли с Кипра, Родоса, из Коринфа и даже с далекой Сицилии, где колонисты-земледельцы качеством и совершенством своих продуктов уже превосходили своих коллег с родины.

Черпали вино из гигантского аттического кратера¹⁷, почти столетнего, украшенного изображением танца сатиров и полуголых менад. На каждом столе стояла чаша, расписанная тем же художником, с пикантными сценами: обнаженные флейтистки в объятиях увенчанных плющом юношей, которые произносили тосты в предвкушении того, что им уготовил вечер.

Появление Александра было встречено аплодисментами, и хозяин дома вышел ему навстречу с прекраснейшей двуручной чашей, полной кипрского вина:

– Эй, Александр! После трех лет потребления чистой воды у тебя в животе завелись лягушки. Мы-то, по крайней мере, уехали оттуда раньше! Выпей немного этого, чтобы снова прийти в себя.

– Ну, чему тебя научил Аристотель на своих тайных уроках? – спрашивал Евмен.

– И где ты достал такого коня? – приставал Гефестион. – Никогда не видел ничего подобного.

– Да уж, я думаю, – заметил Евмен, не дождавшись ответа. – Он стоит тринадцать талантов. Это я заключал сделку.

– Да, – подтвердил Александр. – Это подарок отца. Но потом я выиграл столько же, поспорив, что объезжу его. Вам надо было это видеть! – продолжил он воодушевленно. – Его держали пятеро, и бедное животное перепугалось, его тянули за удила, и ему было больно.

– А ты? – спросил Пердикка.

– Я? Я – ничего. Велел этим бедолагам отпустить его побегать, а потом сам побежал за ним...

---

¹⁶ Турма – конный отряд из 30–32 всадников.

¹⁷ Кратер – в Древней Греции сосуд в виде плоской чаши для смешивания вина с водой.

– Хватит о лошадях! – крикнул Птолемей, перекрывая шум, который подняли друзья, столпившись вокруг Александра. – Поговорим о женщинах! Займите места, ужин готов.

– О женщинах? – крикнул Александру Селевк. – А ты знаешь, что Пердикка влюблен в твою сестру?

Пердикка покраснел и дал товарищу такого тумака, что тот кубарем покатился по полу.

– Правда, правда! – настаивал Селевк. – Я видел, как он строил ей глазки во время официальной церемонии. Телохранитель строит глазки! Ха-ха! – захохотал он.

– А вы еще не знаете, – прибавил Птолемей, – что завтра он отправляется с эскортом, чтобы сопровождать царевну на церемонию жертвоприношения богине Артемиде. Я бы на твоём месте не доверил ему такое дело.

Александр, видя, что Пердикка стал уже пунцовым, попытался сменить тему и попросил минутку тишины.

– Эй, люди! Послушайте меня. Хочу вам сказать, что рад снова вас видеть и горжусь, что мои друзья-товарищи составили турму Александра! – Он поднял чашу и залпом выпил до дна.

– Вина! – приказал Птолемей. – Налейте всем.

Он хлопнул в ладоши, и, пока гости занимали места на своих ложах, несколько слуг развели вино, черпая воду из кратера, а другие начали подавать кушанья: вертела с куропатками, дроздами, утками и наконец редчайшими и изысканнейшими фазанами.

Справа от Александра расположился его самый близкий друг – Гефестион, слева – Птолемей, хозяин дома.

После дичи появилась четверть зажаренного тельца, которого кравчий разрубил на куски и положил перед каждым, а слуги тем временем принесли корзину с душистым, только что испеченным хлебом, лущеные орехи и вареные утиные яйца.

Вскоре явились флейтистки со своими инструментами и начали играть. Все девушки были очень красивы и соблазнительны: мидийки, карийки, фракийки, беотийки; волосы у них были перетянуты цветными лентами или покрыты шлемами с золотистой или серебристой каймой, а наряды изображали амазонок – короткие хитоны, луки и колчаны за плечом, сценическая бутафория, используемая в театрах.

После первой песни некоторые сняли луки, после второй – колчаны, а потом обувь и хитоны, оставшись совершенно голыми, с молодыми сверкающими телами, благоухающими под светом лампад. Они начали танцевать под музыку флейт, кружась перед столом и ложами сотрапезников.

Друзья бросили есть, начали пить и уже сильно возбуждились. Некоторые встали, скинули одежды и присоединились к танцу, ритм которого все ускорялся тимпанами и тамбуринами.

Вдруг Птолемей схватил одну девушку за руку, прекратив ее вращение, и повернул, чтобы показать Александру.

– Эта красивее всех, – сказал он. – Я привел ее для тебя.

– А для меня? – спросил Гефестион.

– Эта тебе нравится? – спросил Александр, хватая другую девушку чудесной красоты – с рыжими волосами.

Птолемей заранее велел слугам заправить лампы маслом так, чтобы в определенный момент некоторые из них погасли и зал погрузился в полумрак.

Юноши и девушки уже обнимались на ложах, на коврах и шкурах, частично покрывавших пол, а музыка флейтисток тем временем продолжала звучать за расписанными фресками стенами, словно задавая ритм возбужденному дыханию и движению тел, поблескивающих в неверном свете нескольких лампад, что еще горели в углах обширного зала.

Александр не уходил до глубокой ночи, захваченный опьянением и неконтролируемым возбуждением. Как будто какая-то давно подавляемая сила вдруг высвободилась и полностью завладела им.

Он вышел на обдуваемую Борею террасу дворца, чтобы прояснить ум, и стоял там, ухватившись за ограду, пока не увидел, как луна заходит за Эордейские горы.

Внизу, скрытое в темноте, было спокойное убежище Миезы, и, возможно, Аристотель бодрствовал там всю ночь, следуя за тонкой нитью своих мыслей. Казалось, прошло несколько лет после расставания с ним.

Вскоре после рассвета царевича разбудил стражник, и он заставил себя сесть в постели, обхватив руками раскалывающуюся голову.

– Надеюсь, у тебя была очень серьезная причина разбудить меня, потому что иначе...

– Причина – зов царя, Александр. Он хочет, чтобы ты немедленно явился к нему.

Юноша с трудом поднялся, как мог, добрался до таза для омовений и несколько раз погрузил в него голову, потом накинул на голые плечи хламиду, завязал сандалии и последовал за стражником.

Филипп принял его в царской оружейной палате, и вскоре стало ясно, что настроение у него отвратительное.

– Произошло пренеприятнейшее событие, – сказал царь. – Еще до твоего возвращения из Миезы я попросил твою мать помочь мне в одном деликатном деле: послать в Афины посольство, чтобы попытаться воспрепятствовать одному замыслу Демосфена, который мог сильно повредить нашей политике. Я думал, что инициатива царицы с большей вероятностью будет выслушана. К сожалению, я ошибся. Послов обвинили в шпионаже и запытали до смерти. Ты понимаешь, что это означает?

– Что мы должны начать войну с Афинами, – ответил Александр, у которого при виде отца отчасти просветлело в голове.

– Не все так просто. Демосфен пытается основать всеэллинский союз, чтобы вести войну против нас.

– Мы их разобьем.

– Александр, тебе пора понять, что не все проблемы решаются войском. Мне не удалось стать признанным вождем всеэллинского союза. Вместо этого я – враг всех эллинов! У меня есть один амбициозный план: начать войну в Азии против персов. Разгромить извечного врага греков и отбросить его подальше от эгейского побережья, чтобы получить контроль над всеми торговыми путями с востока до наших берегов. Чтобы осуществить этот план, я должен стать бесспорным вождем большой коалиции, которая объединит все силы греческих городов. Надлежит сделать так, чтобы во всех основных городах утвердились именно те партии, что поддерживают меня, а не те, что желают моей смерти. Понимаешь?

Александр кивнул:

– И что ты думаешь делать?

– Пока что – выждать. В последнем походе я быстро потерял свое влияние, и нужно восстановить части нашего войска, потрепанные на Геллеспонте и во Фракии. Я не боюсь военного поражения, но предпочитаю начинать сражение, когда победа наиболее вероятна. Я предупрежу наших осведомителей в Афинах, Фивах и других греческих городах, чтобы продолжали сообщать о развитии политической и военной ситуации. Если Демосфен хочет иметь хоть малейшую надежду в столкновении с нами, ему нужны Фивы, так как фиванское наземное войско – самое сильное после нашего. Поэтому нам нужно дождаться удобного момента и попытаться воспрепятствовать этому союзу. Это вряд ли будет трудно: афиняне и фиванцы всегда ненавидели друг друга. Ну а если дела у союза все же пойдут на лад, тогда придется нанести удар, сильный и молниеносный. Время твоего учения прошло, Александр. Отныне ты будешь в курсе всего происходящего. Ты станешь вблизи наблюдать за всем, что касается наших дел. Днем и ночью, при любой погоде. А сейчас прошу тебя пойти и сообщить матери о смерти ее посла. Она питала к нему теплые чувства, но не утаивай подробностей: я хочу, чтобы

она узнала все, что там случилось. И будь готов: в следующий раз ты поведешь товарищей не на охоту за львом или медведем. А на войну.

Александр вышел и отправился в палаты матери, но на галерее встретил Клеопатру, в прекраснейшем ионическом пеплосе с вышивкой; она спускалась по лестнице в сопровождении двух служанок, несущих объемистую корзину.

– Значит, ты и правда уезжаешь, – сказал он.

– Отправляюсь в святилище Артемиды, пожертвовать богине мои детские игрушки и куклы, – ответила сестра, кивнув на корзину.

– Да, ты уже взрослая. Время пролетело быстро. Ты жертвуешь ей все?

Клеопатра улыбнулась:

– Не совсем... Помнишь ту египетскую куколку с гнущимися руками и ногами и ящичком всяких принадлежностей, которую папа подарил мне на день рождения?

– Да, кажется, припоминаю, – ответил Александр, напрягая память.

– Вот ее я придержу. Богиня меня простит, как думаешь?

– О, в этом я не сомневаюсь. Счастливого пути, сестренка.

Клеопатра поцеловала его в щеку и быстро спустилась по лестнице; за ней последовали служанки. Они подошли к караульному помещению, где дожидалась повозка и эскорт во главе с Пердиккой.

– Но мне не хочется ехать в повозке, – пожаловалась Клеопатра. – Нельзя ли поехать верхом?

Пердикка покачал головой:

– У меня приказ... И потом, как ты поедешь верхом в таком наряде, царевна?

Клеопатра приподняла до подбородка край пеплоса и показала, что под ним короткий-короткий хитон:

– Видишь? Похожа на царицу амазонок?

Пердикка стал пунцовым.

– Вижу, царевна, – проговорил он, глотнув.

– Ну так что? – Она позволила пеплосу упасть до щиколоток.

Пердикка вздохнул:

– Ты знаешь, что я не могу ни в чем тебе отказать. Но давай сделаем так: сейчас ты поедешь в повозке, а потом, когда нас никто не увидит, сядешь верхом. А в повозку устроим... кого-нибудь из моих воинов. Ему будет не так плохо с твоими служанками.

– Прекрасно! – обрадовалась девушка.

Они отправились, когда солнце начинало выглядывать из-за Родопов, и выехали на дорогу, ведущую на север, в Европу. Храм Артемиды возвышался на полпути над перешейком, разделявшим два одинаковых озера, в месте необычайной красоты.

Как только выехали за пределы видимости, Клеопатра крикнула, чтобы остановились, на глазах удивленного эскорта сняла пеплос и села на коня одного из воинов, которому уступила свое место в повозке. И под визг служанок все отправились дальше.

– Видишь? – заметила Клеопатра. – Так гораздо веселее для всех.

Пердикка кивнул, стараясь смотреть прямо перед собой, но глаза его то и дело обращались к голым ногам царевны, которые колыхались в такт шагам коня. Это зрелище вызывало у него головокружение.

– Мне жаль, что я доставила тебе такие хлопоты, – извинилась девушка.

– Никаких хлопот, – ответил Пердикка. – Наоборот... Мне пришлось самому попроситься.

– Правда? – спросила Клеопатра, тайком взглянув на него.

Пердикка кивнул, еще более смутившись.

– Я благодарна тебе за это. Мне тоже приятно, что именно ты меня сопровождаешь. Я знаю, что ты очень храбрый.

Юноша ощутил, как сердце подкатывает к самому горлу, но приложил все силы, чтобы не выдать своих чувств. Кроме прочего, еще и потому, что за ним наблюдали подчиненные.

Когда солнце поднялось высоко, они остановились позавтракать в тени дерева, и Пердикка попросил Клеопатру слезть с коня и снова сесть в повозку: не хватало еще так приехать в святилище.

– Ты прав, – признала девушка.

Она высадила телохранителя из повозки и надела церемониальный пеплос.

К храму они подъехали после полудня. Клеопатра вошла, за ней последовали служанки с корзиной. Они вместе подошли к статуе Артемиды, высеченной из дерева и раскрашенной, прекрасной и очень древней, и царица выложила к ее ногам игрушки, кукол, маленькие амфоры и чашечки, после чего обратилась:

– Богиня-девственница, вот оставляю у твоих ног воспоминания о моем детстве и прошу тебя сжалиться надо мной за то, что я не имею силы воли остаться девственницей, как ты. Удовлетворись, умоляю тебя, этими дарами и не завидуй мне за то, что я хочу наслаждаться жизнью и любовью.

Она щедро пожертвовала жрецам святилища и удалилась.

Место отличалось необычайной красотой: маленький храм, окруженный розовыми кустами, возвышался над зеленым-зеленым лугом и отражался в двух одинаковых озерах справа и слева, голубых, как смотрящие в небо глаза.

К царице подошел Пердикка:

– Я приготовил тебе и твоим служанкам место для ночлега, здесь, в гостевой комнате храма.

– А ты?

– Я буду оберегать твой сон, госпожа.

Девушка опустила голову:

– Всю ночь?

– Конечно. Всю ночь. Я отвечаю за...

Клеопатра с улыбкой подняла на него глаза:

– Я знаю, ты очень храбрый, Пердикка, но мне не нравится, что ты всю ночь будешь на страже. Я подумала...

– Что ты подумала, госпожа? – спросил юноша с возрастающим волнением.

– Что... если будет скучно... ты мог бы подняться ко мне, мы бы поболтали вдвоем.

– О, это великая радость и честь для меня, и...

– Тогда я оставлю дверь открытой.

Она снова улыбнулась, подмигнула и побежала к своим служанкам, игравшим в мяч на лугу среди цветущих роз.

Глава 21

Вскоре после возвращения Александра в Пеллу совет Дельфийского святилища попросил Филиппа защитить права храма Аполлона от города Амфисса, чьи жители святотатственно возделывали землю, принадлежавшую богу. Пока царь раздумывал, какова истинная цель этой новой священной войны, пришли важные известия из Азии.

Их доставил лично один из его шпионов, киликийский грек по имени Евмолп, который посвятил себя некоей коммерческой деятельности в городе Соле. Он приплыл через море, высадившись в Ферме, и царь принял его с глазу на глаз в своем личном кабинете.

– Я принес тебе подарок, государь, – объявил шпион, выставляя на стол перед Филиппом драгоценную статуэтку из ляпис-лазури, изображавшую богиню Астарту. – Это очень древняя и редкая вещь, она изображает хананейскую Афродиту. Этот талисман надолго продлит твою мужскую силу.

– Благодарю тебя, я очень забочусь о своей мужской силе, но надеюсь, ты прибыл не только ради этого.

– Разумеется, – ответил Евмолп. – В персидской столице большие новости: царя Артаксеркса Третьего отравил его собственный лекарь, – ходят слухи, что по приказу придворного евнуха.

Филипп покачал головой:

– Кастраты коварны. Как-то раз мне хотели подарить одного, но я отказался. Они завидуют всем, у кого еще осталась та способность, которой сами они лишены. С другой стороны, их можно понять. Как бы то ни было, твое сообщение подтверждает мою правоту.

– Евнуха зовут Багой. Кажется, тут была замешана ревность.

– Вдобавок кастрат еще и слаб на задницу. Это нормально, – прокомментировал Филипп. – И что происходит сейчас?

– Уже произошло, государь. Этот Багой убедил вельмож предложить корону Арзесу, сыну покойного Артаксеркса от одной из его жен, Атоссы. Вот, – сказал Евмолп, вытащив из кармана монету и через стол протянув ее Филиппу. – Только что отчеканена.

Филипп посмотрел на профиль нового Великого Царя, отмеченный огромным, как клюв хищной птицы, носом.

– У меня не очень ободряющие предчувствия. С виду он еще хуже своего отца, который был большим упрямцем. Думаешь, этот еще упрямее?

Евмолп вздохнул, пожимая плечами:

– Трудно сказать. Однако общее мнение наших обозревателей сходится к тому, что, поскольку Багой, служа Арзесу, хочет править сам, этот царь протянет недолго – лишь пока будет выполнять все, что скажет Багой.

– Похоже на правду. Я пошлю свои поздравления новому монарху и этому мерину Багою, и посмотрим, как они это воспримут. Держи меня в курсе всего, что делается при дворе в Сузах, и у тебя не будет повода пожаловаться. А пока ступай к моему секретарю, он тебе заплатит, как договорились. И скажи ему, пусть явится ко мне.

Евмолп церемонно попрощался и удалился, оставив Филиппа обдумывать план действий. Когда осведомитель скрылся, царь уже принял решение.

– Ты звал меня, государь? – спросил секретарь-грек.

– Сядь и пиши.

Евмен взял табуретку, столик и стилос, и царь начал диктовать:

Филипп, царь македонян – Арзесу, царю персов, Царю Царей, Свету Ариев... и прочее и прочее

Здравствуй!

Царь Артаксеркс, третий по счету с таким именем, твой отец и предшественник, нанес нам великую, ничем не вызванную с нашей стороны обиду. Пока мы были заняты осадой Перинфа и войной против Византия, он набрал наемников, заплатил им и послал в помощь нашим врагам.

Вред от этого для нас был огромен. Поэтому прошу тебя оплатить нанесенный ущерб в размере...

Евмен поднял голову в ожидании цифры.

...пятьсот талантов.

Евмен позволил себе издать свист.

Если ты не согласишься с нашим требованием, мы будем вынуждены считать тебя врагом со всеми вытекающими из этого последствиями.

Будь в здравии... и прочее и прочее.

– Перепиши на папирус и пришли мне, чтобы поставить печать. Нужно отправить с быстрым курьером.

– Клянусь Зевсом, государь! – воскликнул Евмен. – Это самое бесцеремонное письмо, какое я только видел. У Арзеса не останется другого выбора, как только ответить тебе в том же духе.

– К иному я и не стремлюсь, – подтвердил царь. – Рассчитываю, что посланию потребуется месяц-два, чтобы дойти до адресата, и еще месяц-два, чтобы вернуться, – как раз чтобы успеть навести порядок в Греции. А потом займусь этим кастратом и его болванчиком. Дай Александру прочесть это письмо и выслушай, что он о нем думает.

– Исполню, государь, – заверил его Евмен, удаляясь со своим табуретом и столиком под мышкой.

Прочтя письмо, Александр понял, что отец уже принял решение вторгнуться в Азию и лишь ищет предлога, чтобы развязать войну.

Царевич вернулся в Миезу, как только освободился от множества забот, навалившихся на него по приезде в Пеллу: участие в заседаниях правительства, приемах иностранных гостей, послов и делегаций, в сборах войск – основы отношений между короной и поддерживающей ее знатью.

Аристотель уже уехал, но остался его племянник Каллисфен, чтобы привести в порядок коллекцию и позаботиться об издании трудов, которые философ недвусмысленно посвятил своему царственному ученику. Это были размышления о монархии и колонизации, где философ теоретизировал насчет распространения в мире модели греческих городов-государств, единственно правильного средства обеспечения свободы, кузницы духовной и материальной цивилизованности.

Александр провел там несколько дней, чтобы отдохнуть и поразмышлять за трапезами с Каллисфеном, юношей чрезвычайно образованным и глубоко осведомленным о политической ситуации в греческих городах.

Страсть к истории заставила его обзавестись не только классическими трудами Гекатея Милетского, Геродота и Фукидида, но также и книгами западных философов, вроде сиракузца Филиста, который рассказывал о превратностях судеб греческих городов на Сицилии и в Италии, стране, где зарождались новые силы вроде города Рима, основанного троянским героем Энеем; в этом городе побывал сам Геракл на обратном пути из далекой Иберии.

После ужина они сидели на воздухе в портике и говорили допоздна.

– Когда твой отец сражался со скифами, священный совет Дельф объявил новую священную войну против жителей Амфиссы.

– Знаю, – ответил царевич. – Однако ни одна из сторон не добила преимущества. За Амфиссой стоят фиванцы, но они не хотят действовать открыто, чтобы не попасть под молнии священного совета, и ситуация снова сложилась критическая, особенно в свете того, что надумали Афины. Совет уже прислал нам официальное приглашение вмешаться, и не думаю, что отец заставит повторять просьбу дважды.

Каллисфен налил обоим немного вина.

– В совете председательствуют фессалийцы, ваши друзья... Я довольно хорошо знаю твоего отца и не удивлюсь, если выяснится, что это он организовал весь этот маневр.

Александр посмотрел на него, рассеянно прихлебывая вино из своего кубка.

– Не кажется ли тебе, Каллисфен, что у тебя длинные уши, а?

Тот отодвинул от себя кубок.

– Я историк, Александр, и, думаю, хороший ученик моего дяди, как и ты. Не удивляйся, если я упражняюсь в логических построениях вместо того, чтобы слушать сплетни из вторых или третьих рук. А теперь позволь мне угадать: твой отец прекрасно знает, что общественное мнение в Афинах не благоволит фиванцам, но он также знает, что Демосфен прилагает все усилия к тому, чтобы афиняне изменили свое мнение и поддержали Фивы – и, следовательно, Амфиссу – против священного совета, то есть против Филиппа. Демосфен, со своей стороны, знает, что, только объединив афинские силы с фиванскими, можно надеяться избежать решительного укрепления македонской гегемонии над Грецией, и потому делает все возможное и невозможное, чтобы заключить пакт с фиванцами, даже ценой конфронтации с самым высоким греческим религиозным советом и оракулом бога Аполлона.

– А каковы, по-твоему, будут действия фиванцев? – спросил Александр. Ему было любопытно, как его собеседник оценивает происходящее.

– Это зависит от двух факторов: как поступят афиняне и что будет делать македонское войско в Центральной Греции. Твой отец старается всеми силами оказать давление на фиванцев, чтобы воспрепятствовать их союзу с Афинами. Он прекрасно знает, что в этом случае столкнется с самыми мощными наземными войсками и самым мощным флотом во всей Греции. А они могут оказаться не по зубам даже царю македонян.

Александр помолчал, словно прислушиваясь к звукам ночи, доносящимся из близлежащей рощи, и Каллисфен налил ему еще вина.

– Чем займешься, когда закончишь свою работу здесь, в Миезе? – спросил царевич, лишь чуть пригубив вино.

– Наверное, отправлюсь к моему дяде в Стагир, но мне бы очень хотелось понаблюдать за войной вблизи.

– Ты можешь поехать со мной, если отец попросит меня присоединиться к нему.

– Я был бы счастлив, – ответил Каллисфен, и было видно, что он ожидал подобного приглашения, удовлетворявшего одновременно и его амбиции, и амбиции Александра.

– Тогда приезжай в Пеллу.

Каллисфен с энтузиазмом принял приглашение. Они расстались глубокой ночью, после долгих философских споров. На следующий день юноша вручил гостю два обещанных труда Аристотеля, каждый с приложенным письмом самого философа.

Александр вернулся во дворец через три дня, к вечеру, чтобы успеть принять участие в военном совете. Там собрались Антипатр, Парменион и Клит Черный, а также командиры основных частей фаланги и конницы. Александр присутствовал в качестве начальника «Острия».

На стене в глубине зала была изображена карта всей Греции, которую Филипп несколько лет назад велел начертить одному географу из Смирны. С помощью этой карты царь объяснил, как намеревается действовать.

– Я не хочу сразу атаковать Амфиссу, – заявил он. – Центральная Греция – территория опасная, труднопроходимая, где легко оказаться запертым в узких лощинах, потерять свободу маневра и стать уязвимым для противника. Поэтому прежде всего мы должны наложить руку на ключевые точки этого района – Кифинион и Элатею. Подробности рассмотрим потом. Наши войска уже на марше и приближаются к Фессалии; я и Парменион вскоре присоединимся к ним, поэтому завтра же мы отбываем. Антипатр остается командовать частями, остающимися в Македонии.

Александр с волнением ждал, что царь сообщит, какую задачу в военных операциях он приберет для сына, но его постигло разочарование.

– Оставляю моему сыну печать Аргеадов, чтобы он представлял меня в мое отсутствие.

Юноша хотел встать, но царь метнул на него гневный взгляд. В этот момент вошел Евмен с печатью и вручил ее Александру, который нехотя надел ее себе на палец со словами:

– Я благодарен царю за оказанную честь и постараюсь соответствовать ей.

Филипп обратился к своему секретарю:

– Прочти командирам письмо, которое я послал новому царю персов. Хочу, чтобы каждый знал, что скоро может быть переброшен в Азию для подготовки экспедиции.

Евмен торжественным тоном и чистым голосом прочел.

– Если ответ будет таким, как я думаю, – продолжал царь, – Парменион сможет пройти через Проливы и обеспечить контроль над восточным берегом, предвеляя наше вторжение в Азию, а мы тем временем раз и навсегда покажем грекам, что возможен лишь один всеэллинский союз – под моим руководством. Это все, что я хотел вам сообщить. Можете возвращаться к своим делам.

Александр подождал, пока все разойдутся, чтобы поговорить с отцом с глазу на глаз.

– Почему ты оставляешь меня в Пелле? Я должен командовать «Острием» в сражении, а не на параде. И Антипатр, без сомнения, прекрасно справится с местными делами в твоё отсутствие.

– Я долго размышлял, прежде чем принять это решение, и не собираюсь его отменять. Управление страной – задача более сложная и, возможно, более важная, чем война. У нас много врагов, Александр, это не только Афины и Фивы, враги есть еще в Пелле и в остальной Македонии, не говоря о Персии. Пока я буду сражаться вдали от дома, мне нужно иметь спокойный тыл. Я полагаюсь на тебя.

Юноша потупился, не найдя никакого возражения. Филипп, понимая состояние его души, добавил:

– Печать, которую я тебе передаю, – одна из самых больших привилегий во внутренней жизни государства. Она дает большую власть, чем командование турмой. Именно здесь, во дворце, а не на поле боя ты научишься быть царем; занятие царя – политика, а не махание копьем и мечом. Однако, если придет момент решающего столкновения, если мне понадобятся на поле боя все силы, которыми я располагаю, я вызову тебя, и ты поведешь «Острие» в битву. Никто, кроме тебя. Ну, не строй такое лицо, я приготовил тебе один сюрприз, чтобы подбодрить.

Александр покачал головой:

– Какой еще, отец?

– Увидишь, – сказал Филипп, сдерживая улыбку.

Он встал и вышел из зала. Чуть погодя Александр услышал, как он громко зовет своего оруженосца, чтобы тот привел оседланного коня и поднял охрану. Александр вышел на галерею и, выглянув во двор, успел лишь заметить, как отец галопом скрылся в ночи.

Юноша засиделся в своем кабинете допоздна, готовясь к завтрашним поручениям. Незадолго до полуночи он погасил лампу и пошел к себе. Позвал Лептину, но девушка не откликнулась.

– Лептина! – в нетерпении повторил он.

Наверное, заболела или за что-то сердится на него. Из полумрака спальни донеслось:

– Лептине пришлось уйти. Вернется завтра утром.

– Великий Зевс! – воскликнул Александр, услышав незнакомый голос в своей спальне, положил руку на меч и вошел.

– Это не тот меч, который ты в меня вонзишь, – заметил голос.

Александр увидел, что на кровати перед ним сидит незнакомая девушка поразительной красоты.

– Кто ты и кто позволил тебе войти в мою комнату? – начал спрашивать он.

– Твой отец, царь Филипп, хотел сделать тебе сюрприз. Я и есть этот сюрприз. Меня зовут Кампаспа.

– Мне очень жаль, Кампаспа, – ответил Александр, указывая ей на дверь, – но если бы мне хотелось такого рода сюрприза, я бы приготовил его себе сам. Прощай.

Девушка встала, но, вместо того чтобы пойти к двери, быстрым и легким движением расстегнула пряжки своего пеплоса и осталась перед ним в одних сандалиях с серебристыми лентами.

Рука Александра, указывающая на дверь, упала, и он молча уставился на девушку. Она была красивее всех, кого он видел в своей жизни, так прекрасна, что захватывало дух и в жилах закипала кровь. У нее была гладкая и нежная шея, прямые плечи, упругие груди, а стройные гладкие бедра словно изваяны из паросского мрамора. Александр ощутил, как язык присох к нёбу.

Девушка шагнула к нему, взяла за руку и потянула в ванную.

– Можно тебя раздеть?

Она начала расстегивать пряжки на его хламиде и хитоне.

– Боюсь, что Лептина рассердится и... – залепетал Александр.

– Возможно, но ты наверняка будешь удовлетворен и счастлив. Уверяю тебя.

Теперь и царевич был голый, и девушка прильнула к нему всем телом, но, едва ощутив его реакцию, отступила и потянула к ванне.

– Здесь будет еще лучше. Увидишь.

Александр последовал за ней, и она начала ласкать его со знанием и умением, до сих пор ему неизвестными, мучительно возбуждая его чувственность, а потом деликатно отступая и снова лаская его тело.

Почувствовав, что царевич достиг крайнего возбуждения, Кампаспа вылезла из ванны и легла на ложе, мокрая от благовонной воды, золотясь в свете от лампы. Юноша с пылом набросился на нее, но она шепнула ему в ухо:

– Так пользуются тараном, когда нужно проломить городскую стену. Позволь мне ввести тебя, и увидишь...

Александр почувствовал, как погружается в наслаждение, словно камень в воду. Оно становилось все сильнее и интенсивнее, пока он не взорвался. Но Кампаспа хотела еще и снова начала возбуждать его влажными горячими губами, пока не смогла ввести его в себя еще раз, с усталой ленью. И в эту ночь молодой царевич понял, что наслаждение может быть в тысячу раз острее, чем то, которое доставляла наивная и бесхитростная любовь Лептины.

Глава 22

С тех пор как отец уехал, каждый день без исключения Александр получал от него сообщения о ходе операций и перемещении войск. Судя по донесениям, Филипп при первом же наступлении полностью реализовал свой план, оккупировав Кифинион, а потом, к концу лета, и Элатею.

Филипп, царь македонян – Александру

Здравствуй!

Сегодня, в третий день месяца метагитнион, я оккупировал Элатею.

Мое предприятие вызвало панику в Афинах, поскольку все думали, что вскоре я поверну войско на них и заставлю фиванцев пойти со мной. Но Демосфен внушил согражданам, что моя акция направлена только на усмирение Фив, чтобы помешать их союзу с афинянами. Они послали делегацию, чтобы склонить фиванцев к союзу. Я тоже решил направить посольство в этот город, чтобы убедить их в обратном. Буду держать тебя в курсе дела.

Желаю здоровья тебе и царице, твоей матери.

Александр вызвал к себе Каллисфена, который прибыл во дворец несколько дней назад.

– События развиваются примерно так, как ты и предсказывал, – рассказал ему царевич. – Недавно я получил от отца известие о ходе его экспедиции. Теперь два посольства, афинское и македонское, пытаются уговорить фиванцев заключить союз – с Афинами или с Македонией. Которое, по-твоему, добьется успеха?

Каллисфен величественным жестом закинул плащ на левое плечо и проговорил:

– Делать предсказания – занятие опасное, более подходящее гадалщику, чем историку. Кто возглавляет афинскую делегацию?

– Демосфен.

– Тогда она и добьется успеха. Нынче нет в Греции более великого оратора, чем Демосфен. Готовься к отъезду.

– Почему?

– Потому что будет решающая битва, а в этот день твой отец захочет, чтобы ты был рядом с ним на поле боя.

Александр посмотрел ему в глаза:

– Если это случится, напиши историю о моих деяниях, когда настанет время.

Александр скоро понял, насколько его отец был прав: политика оказалась куда более сложной задачей, чем сражение в чистом поле. При дворе каждый считал своим долгом давать советы, учитывая юные годы царевича; и все, начиная с матери, полагали, что могут повлиять на его решения.

Однажды вечером Олимпиада пригласила сына отужинать в ее палатах – под предлогом того, что хочет подарить ему вышитый собственноручно плащ.

– Поразительно, – подтвердил Александр, едва завидев подарок, и, хотя узнал тонкую эфесскую работу, добавил: – Должно быть, тебе потребовались месяцы труда.

В трапезной стояло лишь два стола и два ложа, одно рядом с другим.

– Я думал, сегодня вечером с нами будет и Клеопатра, – заметил сын, немного удивленный.

– Она простудилась, и ее слегка лихорадит. Просила извинить ее. Но устраивайся, прошу тебя. Ужин готов.

Александр возлег на ложе и взял с блюда немного миндальных орехов, а девушка-служанка подала суп из гуся и испеченные в золе пшеничные лепешки. Пища у матери всегда была довольно простой и скромной.

Олимпиада возлегла на свое ложе и велела налить ей супу.

– Ну, как ты себя чувствуешь на троне своего отца? – спросила она, зачерпнув несколько ложек.

– Примерно так же, как на любом другом сиденье, – ответил сын, не скрывая легкой скуки.

– Не уходи от моего вопроса, – упрекнула его Олимпиада, глядя прямо ему в глаза. – Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

– Знаю, мама. И что ты хочешь услышать? Я стараюсь, как могу, чтобы не наделать ошибок. Внимательно слежу за государственными делами.

– Похвально.

Служанка поставила на стол миску с овощами и салатом и добавила масла, уксуса и соли.

– Александр, – продолжила Олимпиада, – ты никогда не думал, что твой отец может внезапно умереть?

– Мой отец воюет плечом к плечу со своими солдатами. Да, он может погибнуть.

– И если это случится?

Служанка налила ему вина, унесла тарелку и вернулась с целым блюдом журавлиного мяса и чашей протертого гороха, от которого царевич жестом руки отказался.

– Извини, я забыла, что ты не любишь гороха... Так что ты думаешь?

– Мне неприятно об этом думать. Я очень люблю отца.

– Я говорю не об этом, Александр. Я говорю о наследовании престола.

– В том, что я наследник, ни у кого нет ни малейшего сомнения.

– Пока жив твой отец и жива я...

– Мама, тебе всего тридцать семь лет.

– Это ничего не значит. Несчастья случаются со всеми. Я хочу сказать, что твой двоюродный брат Аминта на пять лет старше тебя. Он был наследником, пока не родился ты. Кто-нибудь мог бы предложить трон ему вместо тебя. Кроме того, у твоего отца есть еще один сын от одной из его... жен.

Александр пожал плечами:

– Арридей – жалкий недоумок.

– Недоумок, но царской крови. И он может бросить тень в твое право наследования.

– И что, по-твоему, я должен делать?

– Сейчас у тебя власть, а твой отец далеко. Ты распоряжаешься царской сокровищницей и можешь делать что хочешь. Этого богатства хватит, чтобы кое-кого подкупить.

Александр помрачнел:

– Мой отец оставил жизнь Аминте даже после моего рождения, и у меня нет ни малейшего намерения делать то, что ты предлагаешь. Никогда.

Олимпиада покачала головой:

– Аристотель забил тебе голову своими демократическими идеями, но для царя все не так. Царь должен обеспечить наследование трона, ты это понимаешь?

– Хватит, мама. Мой отец жив, ты это прекрасно знаешь. Разговор окончен. Если когда-нибудь мне понадобится помощь, я обращусь к твоему брату, царю Эпира. Он меня любит и поддержит.

– Послушай меня, – не отставала Олимпиада, но Александр, потеряв терпение, встал и торопливо поцеловал ее в щеку:

– Спасибо за ужин, мама. Мне пора. Спокойной ночи.

Он вышел во внутренний двор дворца и проинспектировал стражу у входа, прежде чем подняться к Евмену, – тот еще не спал в своем кабинете, внимательно разбирая корреспонденцию.

– Есть известия от отца? – спросил Александр.

– Да, но ничего нового. Фиванцы так и не решили, на чью сторону встать.

– А чем нынче занят Аминта?

Евмен с удивлением взглянул на него:

– Что ты имеешь в виду?

– То, что сказал.

– Ну, не знаю. Наверное, охотится в где-то Линкестиде.

– Хорошо. Когда вернется, дай ему дипломатическое поручение.

– Дипломатическое? Но какого рода?

– Смотри сам. Неужели для него не найдется подходящей миссии? В Азии, во Фракии, на островах. Где угодно.

Евмен хотел было возразить:

– Но я действительно не знаю, что...

Однако Александр уже ушел.

Посольство Филиппа прибыло в Фивы поздней осенью и было допущено к выступлению перед городским собранием, в полном составе пришедшим в театр.

В тот же день была принята и делегация из Афин во главе с самим Демосфеном, поскольку совет хотел, чтобы народ смог в кратчайшее время оценить два противоположных предложения.

Филипп долго обсуждал со своим советником, что предложить фиванцам. Он не просил их вступить с ним в союз, прекрасно зная, что за святотатцами из Амфиссы, против которых он, Филипп, объявил священную войну, стоят именно Фивы. Тем не менее македонского владыку вполне удовлетворил бы их нейтралитет. Взамен Филипп предлагал Фивам существенные экономические и даже территориальные уступки, а в случае отказа угрожал страшными опустошениями. Каким же надо быть дураком, чтобы отказаться?

Глава македонской делегации Эвдем Орейский озвучил все это, расчетливо дозируя лесть, угрозы и шантаж, после чего удалился.

Вскоре после этого он встретился со своим другом и осведомителем из Фив, который провел его в место, откуда было видно и слышно все, что происходит на собрании. Эвдем знал, что Филипп попросит его доложить об этих слушаниях лично ему, и никому больше.

Собрание сделало небольшой перерыв, чтобы македоняне могли удалиться, не встретившись с афинянами и не устроив потасовку, после чего было дозволено войти делегации, возглавляемой Демосфеном.

Великий оратор обладал суровым обликом философа – с худым, высохшим телом и выразительными глазами под вечно наморщенным лбом. Говорили, что с детства у него были трудности с произношением и слабый голос и он, желая сделать карьеру оратора, упражнялся в декламации стихов Еврипида над прибоем у прибрежных скал во время бури. Все знали, что он никогда не говорит на память, поскольку не умеет импровизировать, и никто не удивился, когда из складок одежды Демосфен достал пучок исписанных свитков.

Хорошо поставленным голосом он начал читать – и говорил долго, вспоминая разные фазы неодолимого наступления Филиппа и постоянно нарушаемые им договоры. На каком-то этапе, однако, пыл взял свое, и оратор аккуратно подвел итог:

– Разве вы не видите, фиванцы, что священная война – лишь предлог? Разве в прошлом не было подобных прецедентов? Филиппу нужен ваш нейтралитет, чтобы разделить силы свободной Греции и сокрушить все оплоты свободы один за другим. Если вы оставите афинян одних в их противостоянии тирану, после них придет и ваш черед, и вам тоже придется погибнуть.

Если вы в одиночку противопоставите себя Филиппу, то будете разбиты. Ни вам, ни Афинам не удастся спастись в одиночку. Он стремится разделить нас, поскольку прекрасно понимает: только наши объединенные силы могут противостоять его всевластию.

Да, в прошлом мы во многом расходились и даже воевали друг с другом, но это были конфликты между свободными городами. Сегодня же на одной стороне тиран, а на другой – свободные люди. Для вас не может быть сомнений в выборе, фиванцы!

Чтобы продемонстрировать вам нашу преданность, мы уступаем вам командование сухопутными войсками, а за собой оставляем лишь командование флотом и берем на себя две трети всех расходов.

По рядам собрания пробежал гул, и оратор заметил, что его слова попали в цель. Он приготовился нанести завершающий удар, прекрасно сознавая, что очень рискует и что, возможно, его предложение будет решительно отринуто собственным правительством.

– Полвека назад, – продолжил Демосфен, – города Платея и Феспии, будучи частью Беотии, стали союзниками Афин, и за это Афины навеки гарантировали им независимость. Теперь мы расположены вернуть их под ваше главенство и убедить их подчиниться вашей власти, если вы присоединитесь к нам в борьбе против тирана.

Пыл Демосфена, его вдохновенный тон, тембр его голоса и сила аргументов достигли желаемого эффекта. Когда оратор затих, тяжело дыша и с выступившим на лбу потом, многие встали и разразились аплодисментами; к ним присоединились другие, и в конце концов все собрание устроило ему продолжительную овацию.

Помимо всего прочего, на фиванцев дурное впечатление произвело то высокомерие, с которым посол Филиппа смешал угрозы и шантаж. Председательствующий на собрании ратифицировал принятое решение и поручил секретарю предупредить посланцев македонского царя, что город отвергает его просьбы и предложения и предписывает всем македонянам покинуть беотийскую территорию до исхода следующего дня, если они не хотят быть осуждены как шпионы.

Получив ответ, Филипп разъярился, как бык. Он никак не ожидал, что фиванцы окажутся настолько неразумны и предадут его, когда он стоит практически на пороге их земель. Но ему ничего не оставалось, как только принять к сведению результат состязания двух посольств.

Когда гнев перекипел, царь сел, обернув колени плащом, и ворчливо поблагодарил Эвдема Орейского, который, в конечном счете, всего лишь выполнил свои обязанности. Посол понял, что буря улеглась, и, попросив разрешения удалиться, направился к выходу.

– погоди, – крикнул ему Филипп. – Как там Демосфен?

Эвдем остановился на пороге.

– Комок нервов, кричащий «Свобода!», – сказал он, обернувшись.

И вышел.

Не успел Филипп опомниться, как союзники уже пришли в движение. Фиванская и афинская легкая пехота заняла все горные перевалы, чтобы ликвидировать для противника всякую возможность военной инициативы в направлении Беотии и Аттики. Ситуация стала слишком сложной и рискованной, и царь решил вернуться в Пеллу, оставив в Фессалии контингент под командованием Пармениона и Клита Черного.

Александр во главе отряда царской стражи выехал встретить его на границе с Фессалией и эскортировал до дому.

– Видел? – сказал ему Филипп после приветствий. – Торопиться было некуда. Мы еще ничего не предприняли, а игра уже началась.

– Однако все, похоже, складывается против нас. Фивы и Афины объединились и пока что добились серьезных успехов.

Царь махнул рукой, словно отгоняя неприятные мысли.

– А! – воскликнул он. – Пусть себе радуются своим успехам. Тем горше будет их пробуждение. Я не хотел воевать с афинянами и просил фиванцев остаться в стороне от этого дела. Но они за волосы втянули меня в эту войну, и теперь мне придется показать им, кто сильнее. Будут новые смерти и новые опустошения. Я этого не люблю, но не я это выбрал.

– Что думаешь делать? – спросил Александр.

– Пока что дождусь весны. В тепле воевать лучше, но главное – хочу, чтобы время дало пространство для размышлений. Запомни, мой мальчик: я никогда не воюю от нечего делать. Война для меня – это политика. Просто эта политика осуществляется иными средствами.

Какое-то время они ехали молча, и царь как будто любовался пейзажем и работавшими на полях крестьянами, а потом вдруг спросил:

– А кстати, как тебе мой сюрприз?

Глава 23

– Я не понимаю отца! – воскликнул Александр. – У нас была возможность вызвать к себе уважение силой оружия, а он предпочел унижительное состязание с афинским посольством. Чтобы уйти осмеянными. Мы бы могли сначала напасть, а уж потом вести переговоры.

– Я согласен с тобой, – ответил Гефестион. – По-моему, это была ошибка. Сначала врежь как следует, а потом уж разговаривай.

Евмен и Каллисфен ехали шагом позади. Они направлялись к Фарсалу, чтобы доставить послание Филиппа союзникам по Фессалийской лиге.

– А я прекрасно его понимаю, – вмешался Евмен, – и одобряю. Ты ведь знаешь, что твой отец в отрочестве больше года пробыл в Фивах заложником, в доме Пелопида, величайшего греческого полководца за последние сто лет. И на него произвела большое впечатление политическая система городов-государств, их грозная военная организация, богатство их культуры. Из этого юношеского опыта и родилось его желание распространить достижения эллинской цивилизации на Македонию и объединить всех греков в одну большую конфедерацию.

– Как во времена Троянской войны, – заметил Каллисфен. – Твой отец смотрит так: сначала объединить греческие государства, а потом повести их против Азии – как Агамемнон против державы царя Приама почти тысячу лет назад.

При этих словах Александр встрепенулся:

– Тысячу лет назад? Со времен Троянской войны прошла тысяча лет?

– До тысячи не хватает пяти, – ответил Каллисфен.

– Это знак, – пробормотал царевич. – Видимо, это знак.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Евмен.

– Ничего. Но не кажется ли вам странным, что через пять лет мне будет ровно столько же лет, сколько было Ахиллу, когда он отправился в Трою, и что в те дни исполнится тысяча лет с тех пор, как разразилась воспетая Гомером война?

– Нет, – ответил Каллисфен. – История повторяется время от времени, периодически создавая аналогичные ситуации, которые порождают грандиозные предприятия. Но ничто никогда не повторяется в точности, буквально.

– Ты полагаешь? – спросил Александр и на мгновение наморщил лоб, словно следуя за отдаленным исчезающим образом.

Гефестион положил руку ему на плечо:

– Я знаю, о чем ты думаешь. И что бы ты ни решил делать, куда бы ни решил отправиться, я последую за тобой. Хоть в Тартар. Хоть на вершину мира.

Александр повернулся и посмотрел ему в глаза.

– Знаю, – сказал он.

Они достигли цели к заходу солнца, и Александр получил все почести, которые причитались наследнику македонского трона. Потом вместе с друзьями он принял участие в ужине, который дали для гостя представители Фессалийской лиги. В это время Филипп придал новый смысл своим обязанностям тагоса, председателя Фессалийской лиги, и фактически стал главой двух государств – в качестве царя и в качестве председателя.

Фессалийцы тоже были не дураки выпить, но Евмен в течение ужина не притрагивался к вину и воспользовался случаем прикупить партию лошадей у одного вельможи и крупного землевладельца, совершенно пьяного, добившись чрезвычайно выгодных условий – как для себя, так и для Македонского царства.

На следующее утро, завершив миссию, Александр вместе с товарищами отбыл обратно, но, немного отъехав, переоделся, покинул охрану и направился по дороге, ведущей на юг.

- Ты куда? – спросил Евмен, удивленный этим неожиданным поведением.
- Я поеду с ним, – заявил Гефестион.
- Да, но куда?
- В Авлиду, – ответил Александр.
- В порт, откуда ахейцы отправились на Троянскую войну, – без тени смущения прокомментировал Каллисфен.
- В Авлиду? Да вы с ума сошли! Авлида в Беотии, в глубине вражеской территории.
- Но я хочу увидеть это место, и увижу, – заявил царевич. – Никто нас не заметит.
- Повторяю: вы с ума сошли, – не унимался Евмен. – Вас еще как заметят! Если вы заговорите, вас выдаст ваш акцент, а если не будете говорить, спросят, почему вы молчите. Кроме того, изображения Александра разошлись в десятках городов. Если тебя схватят, Александр, – ты отдаешь себе отчет в том, каковы могут быть последствия? Твоему отцу придется заключить договоры, отказаться от своих планов или, в лучшем случае, заплатить выкуп, по размеру стоящий войны с Персией. Нет, я не хочу иметь ничего общего с этой глупостью. Я даже не слышал от вас никаких разговоров об этом и не видел вас: вы уехали до рассвета потихоньку.
- Что ж, хорошо, – кивнул Александр. – И не волнуйся. Тут всего несколько сот стадиев по беотийской территории. Двух дней хватит, чтобы съездить и вернуться. А если вдруг кто-то нас остановит, назовемся паломниками, желающими посоветоваться с Дельфийским оракулом.
- В Беотии? Но Дельфы находятся в Фокиде!
- Скажем, что мы заблудились, – крикнул Гефестион, прищипывая коня.
- Каллисфен смотрел то на одного, то на другого, не зная, какое принять решение.
- Что собираешься делать? – спросил его Евмен.
- Я? С одной стороны, чувства, что я питаю к Александру, тянут последовать за ним, а с другой стороны, благоразумие склоняет к...
- Понятно, – оборвал его Евмен. – Стойте! Разрази вас гром Зевса, остановитесь! Двое замерли.
- У меня хотя бы нет македонского акцента, и меня могут принять за беотийца.
- Ха-ха! В этом нет сомнений!¹⁸ – усмехнулся Гефестион.
- Смейся, смейся, – проворчал Евмен, пуская своего коня в рысь. – Будь здесь царь Филипп, уж он бы дал тебе посмеяться – плетью по спине. Поехали, ну, двигайтесь, что ли.
- А Каллисфен? – спросил Александр.
- Едет с нами, с нами, – ответил Евмен. – Куда же ему деваться одному?
- На следующий день они миновали Фермопилы, и Александр остановился навестить могилу спартанских воинов, павших сто сорок лет назад в битве против персидских захватчиков. Он прочел простую надпись на лаконском диалекте, напоминавшую об их великой жертве, и постоял молча, слушая свист ветра с моря.
- Как непостоянна человеческая судьба! – воскликнул он наконец. – Только эти несколько строк остались в память о грохоте столкновения, потрясшего весь мир, о героизме, достойном гомеровских песен. А теперь здесь все тихо.
- За пару дней они беспрепятственно пересекли Локриду и Фокиду и по прибрежной дороге въехали в Беотию: впереди виднелся берег острова Эвбея, опаленный лучами южного солнца, и сверкающие воды Эврипского канала. Вдали крейсировала флотилия из дюжины триер, на надутых парусах виднелось изображение афинской совы.
- Если бы только этот наварх мог представить, кто здесь, на берегу, смотрит на его корабли... – пробормотал Евмен.
- Поехали, – сказал Каллисфен. – Завершив эту поездку как можно скорее. Уже недалеко.

---

¹⁸ Итальянское *beota* означает «беотиец», а также «болван».

Но в душе он боялся, что Александр попросит их присоединиться к какой-нибудь еще более страшной авантюре.

Въехав на вершину холма, они неожиданно увидели внизу маленькую бухту Авлиды. Далеко впереди, на другом берегу Эвбеи, белел город Халкида. Вода была ярко-синей, а покрывавшая склоны холмов дубовая роща простиралась почти до самого моря, сначала уступая место низкорослому миртовому кустарнику и земляничному дереву, а потом переходя в узкую полосу гальки и красного песка.

Там, откуда некогда отходили тысячи ахейских кораблей, маячил лишь одинокий парус рыбацкой лодки.

Четверо юношей слезли с коней и молча смотрели на место, похожее на тысячи других участков эллинского побережья и в то же время столь отличное от всех. Александр вспоминал в этот момент слова отца, когда тот держал его, маленького, на руках на галерее дворца в Пелле и рассказывал о бескрайней далекой Азии.

– Здесь не уместится тысяча кораблей, – заметил Гефестион, нарушив волшебство этой тишины.

– Не уместится, – признал Каллисфен. – Но для поэта их не могло быть меньше. Поэт слагает стихи не для того, чтобы передать человеческое свидетельство о происшедшем, Гефестион, а чтобы оживить через века чувства и страсти героев.

Александр повернулся к нему с горящими от возбуждения глазами:

– Ты веришь, что сегодня мог бы жить человек, способный на деяния, которые вдохновили бы великого поэта, вроде Гомера?

– Это поэты создают героев, Александр, – ответил Каллисфен, – а не наоборот. А поэты рождаются, только когда море, небо и земля в ладу между собой.

Вернувшись в Фессалию, они обнаружили отряд царской стражи, повсюду их разыскивавший, и Евмену пришлось рассказать, что царевич плохо себя почувствовал, а остальные не захотели его оставить. Никто не поверил этой выдумке. Но теперь у Александра было доказательство, что его друзья готовы следовать за ним куда угодно, даже испытывая страх, как Евмен и Каллисфен. Кроме того, он сознавал, что его немало тяготит разлука с Кампаспой и что он ждет не дожидается момента, когда снова увидит ее обнаженной на своем ложе в золотистом свете лампы.

Однако у него не было возможности вернуться в Пеллу, потому что в это время ситуация развивалась стремительно и царь, собрав войско, направился в Фокиду, чтобы овладеть горными перевалами: время ничему не научило его противников.

Александра вызвали в шатер царя в тот же вечер. Отец не стал спрашивать, почему он так поздно вернулся из своей поездки в Фессалию, а просто показал ему нарисованную на столе карту и сказал:

– Афинский командующий Харет с десятью тысячами наемников находится на марше между Кифинионом и Амфиссой, но он не знает, что мы уже здесь. Я буду идти всю ночь и завтра утром лично разбужу его. Ты же удерживай эту позицию и ни за что не покидай ее. Как только прогоню Харета, я уйду отсюда, из долины Крисса, и выдавлю афинян и фиванцев с перевалов: они будут вынуждены оставить их и отступить на заранее укрепленные позиции в Беотии. – Он опустил палец на то место на карте, куда, полагал, отступит противник. – А вот здесь мы соединимся с твоей конницей. В Херонее.

Глава 24

На рассвете Филипп внезапно атаковал наемников Харета и перебил их почти всех; оставшихся рассеяла конница. Потом, вместо того чтобы пойти на Амфиссу, царь повернул назад

и, как и намеревался, освободил перевалы, занятые афинянами и фиванцами, которым ничего не осталось, как отступить.

Через три дня Александр получил сообщение, что отец занял позицию на равнине близ Херонеи с двадцатью тысячами пехоты и пятью тысячами конницы и что нужно как можно быстрее соединиться с ним. Оставив слуг убирать шатры и заниматься обозом, царевич до рассвета дал сигнал выходить. Он хотел успеть до наступления жары и велел двигаться шагом, чтобы не утомлять коней.

При свете факелов Александр оседлал Буцефала и провел смотр «Острия». Его товарищи, командовавшие отдельными отрядами, подняли копья, приветствуя его. Все были в полном вооружении и готовы к походу, но было ясно видно, что некоторым не удалось сомкнуть глаз. Ведь это был их первый боевой поход.

– Запомните, мужчины! – обратился к ним Александр. – Фаланга – это наковальня, конница – молот, а «Острие»... это головка молота! – Он направил Буцефала к Птолемею, командовавшему первым отрядом справа, и объявил ему пароль: – «Фобос каи Деймос».

– Фобос и Деймос, кони бога войны... – повторил Птолемей. – Не найти более подходящего пароля. – И он сообщил пароль тем конникам, что находились справа от него, чтобы те передали по рядам дальше.

Александр сделал знак трубачу, тот протрубил поход, и турма двинулась шагом. Александр во главе, за ним Гефестион, а за ним – все остальные. Отряд Птолемея замыкал арьергард.

До восхода солнца они перешли вброд Крисс и на рассвете увидели на равнине сверкающие наконечники сарис македонского войска, как колосья на пшеничном поле.

Заметив прибывших, Филипп прищипорил коня и поехал навстречу сыну.

– Здравствуй, мальчик мой! – Он похлопал его по плечу. – Все идет, как я предполагал. И вон там нас ждут. Располагай своих людей на левом фланге, а сам потом иди ко мне. Я с Парменионом и Черным разрабатываю план сражения, и мы ждем лишь тебя, чтобы завершить его. Ты прибыл как раз вовремя. Как себя чувствуешь?

– Здравствуй, отец. Я чувствую себя прекрасно и сейчас же приду.

Он доехал до своей турмы и повел ее на левый фланг. Гефестион протянул руку к холму и воскликнул:

– О небесные боги, смотри! Твой отец поставил нас против Священного отряда фиванцев – видишь? Они вон там, наверху, в кроваво-красных хитонах и плащах. Они очень сильны, Александр, никто никогда не мог их одолеть.

– Вижу, Гефестион. Мы их одолеем. Построй людей в три ряда. Будем атаковать волнами.

– Великий Зевс! – вскричал Селевк. – Знаете, почему его называют Священным отрядом? Потому что каждый из них дал товарищу клятву: не бросать его до смерти.

– Да, – подтвердил Пердикка. – И говорят, что все они между собой любовники, так что связаны еще более крепкими обязательствами.

– Это не защитит их от наших ударов, – сказал Александр. – Не двигайтесь, пока я не вернусь.

Он прищипорил коня и поскакал к Филиппу, Пармениону и Черному, которые поднялись на скромную высотку, откуда открывался вид на все поле боя. Справа перед ними виднелся акрополь Херонеи с храмами.

Посередине и слева на гряде господствовавших над равниной холмов выстроились сначала афиняне, а за ними фиванцы. Их начищенные щиты отражали солнце, поднявшееся в весеннем небе над большими белыми облаками. С самого правого края алым пятном выделялся Священный отряд фиванцев.

Филипп расположился слева от двух отрядов щитоносцев, ударных войск, которые под его непосредственным командованием три дня назад разбили войско Харета. Такое название они получили из-за своих щитов, украшенных звездой Аргеадов из серебра и меди.

В центре, под командованием Пармениона и Черного, расположились двенадцать батальонов фаланги, выстроившейся в пять рядов и образовавшей стену бесчисленных копий. Это был настоящий непроходимый лес железных остриев, выставленных наискось в одну линию. Слева собралась вся сила конных гетайров, заканчивающаяся «Острием», турмой Александра.

– Сначала атакую я, – сказал Филипп, – и свяжу афинян. Потом начну отступление, и, если ко мне зайдут в тыл, ты, Парменион, выдвини в промежуток один батальон фаланги и рассеки силы противника пополам, а потом вводи прочие шесть батальонов. Черный со всем остальным войском последует за тобой. И тут настанет твое время, Александр: брось конницу на правый фланг фиванцев и направь «Острие» на Священный отряд. Если удастся сломать их строй, ты сам знаешь, что делать.

– Прекрасно знаю, отец: фаланга – наковальня, конница – молот.

Филипп прижал сына к груди и на мгновение снова увидел, как стоит в погруженной во мрак комнате царицы и держит на руках новорожденного младенца.

– Будь внимателен, мальчик мой, – сказал царь. – В бою удары сыплются со всех сторон.

– Буду, отец, – ответил Александр.

Он вскочил на Буцефала и галопом проскакал перед выстроившимися в боевые порядки батальонами к своему отряду.

Филипп проводил его взглядом, потом повернулся к своему адъютанту и сказал:

– Мой щит.

– Но, государь...

– Мой щит, – не терпящим возражений тоном повторил царь.

Адъютант повесил ему на плечо царский щит – единственный со звездой Аргеадов из чистого золота.

С вершин холмов раздался резкий сигнал трубы, и вскоре ветер донес на равнину протяжный хор флейт и ритмичный бой барабанов, сопровождавший шаги воинов. Музыка подчеркивала движение спускающегося с холмов войска, сверкающего тысячами огненных щитов. Тяжелая поступь покрытых броней пехотинцев наполнила долину зловещим громом.

Фаланга на равнине оставалась неподвижной и молчаливой, кони на левом фланге фыркали и мотали головами, звеня бронзовыми удилами.

«Острие» выстроилось клином, и Александр занял позицию первого конника впереди всех, не отрывая глаз от правого фланга вражеского войска, от непобедимого Священного отряда. Буцефал беспокойно бил копытом землю, фыркал ноздрями и хлестал себя по бокам хвостом.

Филипп приготовился дать сигнал атаки, когда к нему подскочил конник.

– Государь, – обратился он к царю, соскочив на землю, – в строю тяжелой пехоты афинян идет Демосфен.

– Я не хочу, чтобы он погиб, – велел царь. – Передай приказ солдатам.

Он обернулся к своим щитоносцам и увидел под забралами шлемов покрытые потом лица, прикованные к противнику блестящие глаза, судорожно напряженные перед атакой мышцы. Это был момент, когда каждый видит вблизи смерть, когда желание жить сильнее всех остальных чувств. Это был момент, когда требовалось освободить их от тисков тревожного ожидания и бросить в атаку.

Филипп поднял меч и издал воинственный крик, и его воины ринулись за ним, ревя, как звериная стая. Охваченные страстью битвы, они изгнали из груди всякий страх и стремились лишь не помня себя броситься в свалку.

Они бегом пошли в атаку, в то время как командиры криками призывали их сдерживать шаг и не нарушать строй, чтобы встретиться с противником всем сразу.

Уже оставалось совсем немного, а афиняне все шли шагом, плечом к плечу, щит к щиту, выставив вперед копья. По-прежнему раздавались протяжные звуки музыки, тонкий писк флейт, навязчивый бой барабанов. Афиняне ритмично вскрикивали: «Алалалай!»

Звук столкновения бронзовым громом раздался по всей долине, ударил по склонам гор и пробил небо, толкнув его вверх яростным криком двадцати тысяч воинов.

Филипп, выделявшийся своей золотой звездой, с неукротимым пылом сражался в первом ряду, разя врага мечом и щитом; с боков его прикрывали два огромных фракийца, вооруженные обоюдоострыми топорами, страшные, лохматые, заросшие рыжими волосами, с татуировками, покрывающими лицо, руки и грудь.

Фронт афинян заколебался от яростной атаки, но резкий пронзительный звук, как клекот сокола, двинул их вперед и вселил мужество: это был голос Демосфена, который призывал, перекрывая отчаянный писк флейт и бой барабанов:

– Афиняне, мужайтесь! Сражайтесь, воины! За вашу свободу, за ваших жен и детей! Гоните прочь тирана!

Битва продолжилась еще ожесточеннее, и много воинов пало с обеих сторон, но Филипп дал приказ никому не останавливаться и не снимать с убитых доспехи, пока сражение не будет выиграно. С обеих сторон искали лишь промежутка, чтобы колоть и разить, чтобы проредить железом вражескую массу.

Щиты воинов в первом ряду фаланги уже покрылись кровью, которая обильно стекала с нижнего края на землю, скользкую и заваленную агонизирующими телами. Но как только кто-либо падал, тут же его товарищ из второго ряда делал шаг вперед, чтобы занять его место и восстановить строй.

Вдруг по знаку Филиппа трубач подал сигнал, и два батальона щитоносцев начали отступать, оставляя на земле своих убитых и раненых. Македоняне отступали медленно, щитами сдерживая натиск противника, копьями и мечами отвечая ударом на удар.

Афиняне, увидев, что враг отступает, и к тому же имея позиционное преимущество, удвоили усилия, возбуждая друг друга громкими криками. Воины второго и третьего ряда толкали товарищей вперед своими щитами.

Филипп перед атакой отдал приказ, и, когда ряды щитоносцев, отступая, поравнялись со скалой, что возвышалась в ста шагах слева, они повернулись и бросились бежать.

Афиняне, опьяненные криками, кровью и лязгом оружия, воодушевленные победой, казавшейся уже в руках, бегом бросились вдогонку, чтобы добить неприятеля. А их военачальник Стратокл вместо того, чтобы постараться удержать своих воинов в строю, сам кричал во всю мочь, чтобы они гнали врага до Македонии и дальше.

Слева затрубили другие трубы, и по равнине громом прокатился голос огромного барабана, повешенного между двумя телегами. Парменион дал сигнал, и двенадцать батальонов фаланги все разом начали наступление, размеренным шагом двинувшись на косой строй афинян.

Увидев это, фиванцы сплоченными рядами пошли в атаку, выставив перед собой тяжелые ясеневые копья, но очень скоро первый батальон македонян вклинился в афинский строй, уже нарушенный в преследовании щитоносцев на левом фланге.

Филипп передал помятый, забрызганный кровью щит оруженосцу, вскочил на коня и присоединился к Пармениону. Военачальник с тревогой не отрывал глаз от Священного отряда, который наступал шагом, непреклонно, оцетинившись железными остриями и, очевидно, ничуть не тронутый происходящим.

В центре первый батальон македонян, наступавший вверх по склону, уже достиг первого перепада высот, и, когда один отряд фиванской пехоты устремился туда, чтобы закрыть брешь,

педзетеры опустили копья и выставили их стеной перед собой – что само по себе действовало на противника устрашающе, еще до вступления с ним в физический контакт, – а потом двинулись вперед, следуя за громовым ритмом огромного барабана.

Сзади косым строем подошли другие, опустив сарисы трех передних рядов, в то время как в задних рядах воины продолжали держать свои вверх и те колыхались в такт размеренному шагу, как колосья на ветру. Грозное бряцание оружием, которое воины издавали в тяжелом марше, достигло ушей наступающих с другой стороны врагов, как тревожное знамение, как голос смерти.

– Пора, – приказал царь своему стратегу, и Парменион трижды сверкнул блестящим щитом, подавая сигнал Александру, чтобы тот ввел в бой стремительную конницу.

Сжав в руке копье, царевич громко крикнул:

– Тремя волнами, воины! – А потом еще громче: – Фобос каи Деймос! – и пятками ударил по бокам Буцефала.

Жеребец пустился в галоп через поле, черный, как подземная фурия, неся своего всадника в ослепительных доспехах, с высоким, колышущимся на ветру гребнем на шлеме.

Всадники «Острия» сплоченно держались позади, и кони, возбужденные ржанием и фырканием Буцефала, скакали, подгоняемые всадниками под пронзительный звук труб.

Священный отряд сомкнул ряды, и воины уперли древки копий в землю, грозно выставив наконечники навстречу цели, но турма Александра, приблизившись на расстояние броска, выпустила тучу дротиков и устремилась прочь; вскоре последовала вторая волна, потом третья, а потом опять первая. Многие фиванцы были вынуждены опустить щиты, утыканные вражескими дротиками, и потому остались неприкрытыми. Тогда Александр построил «Острие» к атаке, сам встал во главе и повел его прямо на вражеские ряды, направив Буцефала в самую гущу Священного отряда. Он разил врагов сначала копьем, а потом, отбросив щит, мечом.

Рядом появился Гефестион – он поднял щит, чтобы защитить царевича.

Все воины Священного отряда, что еще оставались в строю, быстро перестраивались, как тело, на котором мгновенно зарубцовываются раны, и восстанавливали сплошную стену щитов, отвечая ударом на удар с неистощимой энергией, с безграничным упорством и отвагой.

Александр отъехал назад и позвал Гефестиона:

– Веди своих на этот участок, пробей брешь, а потом атакуй с тыла фиванский центр. А Священный отряд оставь мне!

Гефестион повиновался и вместе с Пердиккой, Селевком, Филотой, Лисимахом, Кратером и Леоннатом устремился вперед, вклинив конницу между Священным отрядом и остальным фиванским войском. Потом совершил широкий маневр – как в тот день, когда они устраивали перед Александром парад, – и зашел противнику в тыл, прижимая его к лесу копий неодолимо надвигавшейся фаланги.

Воины Священного отряда под продолжавшимися наскоками «Острия» сражались с отчаянным мужеством, но в конце концов легли все до последнего, верные данной клятве: не отступать ни на шаг и ни в коем случае не поворачиваться спиной к врагу.

Прежде чем солнце поднялось до половины, сражение было выиграно. Александр предстал перед Парменионом с мечом в руке и в еще покрытых кровью доспехах. Даже грудь и бока Буцефала были мокрые.

– Священного отряда больше не существует.

– Победа по всему фронту! – воскликнул Парменион.

– Где царь? – спросил Александр.

Парменион повернулся к равнине, над которой все еще стояла пыль сражения, и указал на одинокую фигуру, которая, прихрамывая, неистово приплясывала среди множества убитых.

– Вон он.

Глава 25

В битве пало две тысячи афинян, множество было взято в плен. Среди пленных оказался оратор Демад, которого привели к царю еще в доспехах, с кровоточащей раной в груди. Демосфен спасся бегством и укрылся за перевалами, ведущими на юг, в Левадию и Платею.

Но наибольшие потери понесли фиванцы и их союзники-ахейцы, стоявшие в центре. Конница Александра, разгромив Священный отряд, зашла им в тыл и прижала к стене острых копий фаланги, вызвав страшное побоище.

Гнев Филиппа обрушился больше всего на фиванцев, к которым он посылал переговорщиков. Царь продал пленных в рабство и отказался выдать тела убитых для захоронения. Александру пришлось уговаривать его.

– Отец, ты сам говорил мне, что нужно проявлять милосердие при каждой возможности, – заметил он, остыв после восторга победы. – Даже Ахилл вернул тело Гектора старцу Приаму, который слезно умолял его. Эти воины сражались как львы и отдали жизни за свой город. Они заслуживают уважения. И, кроме того, какой смысл вымещать злобу на мертвых?

Филипп ничего не ответил, но было видно, что слова сына проникли в его душу.

– И еще: один пленный афинский командир просит о встрече с тобой.

– Не сейчас! – буркнул Филипп.

– Он говорит, что, если ты его не примешь, он может умереть от потери крови.

– Прекрасно! Одним меньше.

– Как хочешь. Тогда я сам займусь им.

Александр вышел и подозвал двоих щитоносцев:

– Приведите того человека в мой шатер и велите прийти хирургу.

Солдаты повиновались приказу, и афинянина, раздев и обмыв, уложили на походную койку.

Вскоре вернулся один из щитоносцев:

– Александр, все хирурги заняты с нашими солдатами, стараются спасти самых тяжело раненных, но, если ты прикажешь, врач придет.

– Не надо, – ответил царевич. – Я сам им займусь. Принесите инструменты и иголку с ниткой, вскипятите воду и достаньте чистых бинтов.

Солдаты посмотрели на него удивленно, а пациент – еще удивленнее.

– Ты должен быть доволен, – сказал Александр. – Нельзя давать умереть македонскому солдату ради спасения врага.

Тут вошел Каллисфен и увидел, как Александр надевает передник и моет руки:

– Что ты делаешь?

– Пусть это останется между нами, но ты можешь мне помочь. Ты ведь тоже посещал уроки анатомии у Аристотеля. Промой рану вином и уксусом, а потом вдень нитку в иголку: мне пот заливает глаза.

Каллисфен, проявляя определенную сноровку, сделал, как было велено, и царевич стал осматривать рану.

– Передай мне ножницы: она рваная.

– Вот они.

– Как тебя зовут? – спросил Александр пленного.

– Демад.

Каллисфен вытаращил глаза.

– Но это же знаменитый оратор, – шепнул он на ухо другу, до которого это как будто не дошло.

Демад сморщился от боли, когда его неожиданный хирург обрезал живую плоть. Александр взял иголку с ниткой, подержал иголку над огнем лампы и начал зашивать рану, в то время как Каллисфен придержал ее края, чтобы не расходились.

– Расскажи мне про Демосфена, – между делом попросил царевич.

– Это... патриот, – сквозь сжатые зубы выдавил Демад, – но у нас с ним идейные расхождения.

– В каком смысле? Приложи палец сюда, – велел Александр своему ассистенту, – чтобы можно было завязать нитку.

– В смысле... – объяснил раненый, задержав дыхание, – в том смысле, что я был против развязывания войны вместе с фиванцами и публично об этом говорил. – Он глубоко вздохнул, когда Александр завязал узел.

– Это правда, – шепнул Каллисфен.

– Я закончил, – объявил царевич. – Можно бинтовать. – И обернулся к Каллисфену. – Завтра покажи его врачу: если рана распухнет и загноится, придется делать дренаж, и лучше, если это сделает настоящий хирург.

– Как я могу отблагодарить тебя? – спросил Демад, садясь на койке.

– Благодарю моего учителя Аристотеля, который научил меня и этому. Но кажется, вы, афиняне, не очень старались удержать его у себя...

– Это была внутренняя проблема Академии, город не вмешивался в это.

– Послушай меня. Может ли собрание войска принять постановление прямо здесь и дать тебе политическое поручение для всех афинян?

– Теоретически – да. Возможно, сейчас граждан с правом голоса здесь даже больше, чем в Афинах.

– Тогда иди поговори с ними, и пусть они дадут тебе поручение – договориться с царем об условиях мира.

– Ты это серьезно? – ошеломленно спросил Демад, одеваясь.

– Можешь надеть чистые одежды из моего сундука. Об остальном я договорюсь с отцом. Каллисфен найдет тебе место для ночлега.

– Спасибо, я... – только и успел пробормотать Демад, но Александр уже ушел.

Он вошел в шатер отца, когда Филипп ужинал вместе с Парменионом, Черным и несколькими командирами.

– Перекусишь с нами? – спросил царь. – У нас как раз куропатки.

– Их тут тысячи, – объяснил Парменион. – Утром они поднимаются с озера Копайда и весь день кормятся на реке.

Александр взял табурет и сел.

Царь успокоился и как будто пребывал в хорошем настроении.

– Ну, как тебе показался мой мальчик, Парменион? – спросил он, похлопывая сына по плечу.

– Великолепно, Филипп: он справился с задачей, как не справился бы и ветеран гетайров.

– Твой сын Филота тоже проявил в бою большое мужество, – заметил Александр.

– Что ты сделал с тем афинским пленником? – спросил царь.

– Знаешь, кто это оказался? Демад.

Филипп вскочил на ноги:

– Ты уверен?

– Спроси Каллисфена.

– Ради всех богов, пошлите скорее хирурга, пусть позаботятся о нем: этот человек в своих речах всегда отстаивал нашу политику.

– Я зашил его рану, иначе он бы сейчас уже истек кровью. Я предоставил ему некоторую свободу передвижения по лагерю. Полагаю, завтра он передаст тебе свои соображения по условиям мирного договора. Если я правильно понял, ты не хочешь войны с Афинами.

– Не хочу. Чтобы успешно воевать с приморским городом, нужно господствовать на море, а к этому мы не готовы. Я имел опыт с Перинфом и Византием и ухлопал кучу средств. Если у него есть предложения, я готов их выслушать. Поешь мяса, пока не остыло.

Первыми отчаянное известие принесли в Афины оставшиеся в живых после Херонеи. Весть о поражении, числе погибших и попавших в плен вызвала в городе плач, и многие не могли успокоиться, не зная, живы ли их близкие.

Потом пришел страх перед грядущим. Под копыта встали даже шестидесятилетние. Рабам обещали свободу, если те поступят в войско.

Демосфен, все еще не вполне оправившийся от ран, призывал сопротивляться до конца и предлагал пустить в городские стены сельское население из Аттики, но все оказалось излишним.

Через несколько дней с македонским эскортом прибыл гонец от Филиппа и попросил разрешения выступить на общем собрании с предложением договора о мире. И представители народа с изумлением увидели, что предложение уже ратифицировано гражданами, попавшими в плен при Херонее, и утверждено Демадом.

Гонец вошел в большой амфитеатр, где под весенним солнцем сидели афиняне, и, получив разрешение говорить, сказал:

– Ваш соотечественник Демад, все еще гостящий у Филиппа, обсудил от вашего имени статьи мирного договора и добился условий, которые, как мне кажется, вы найдете выгодными. Царь вам не враг. Наоборот, он восхищается вашим городом и его чудесами. Скрепя сердце, ему пришлось выйти на поле боя, повинаясь просьбе бога из Дельф.

Вопреки ожиданиям оратора, собрание никак не отреагировало на его слова: афиняне молчали, тревожно ожидая услышать истинные условия. Посланник продолжал:

– Филипп отказывается от каких-либо репараций, признает за вами владение всеми вашими островами в Эгейском море и возвращает вам города Ороп, Феспии и Платею, которые ваши вожди уступили фиванцам, предав вашу вековую дружбу с этими городами.

Демосфен, сидевший в первом ряду, рядом с представителями правительства, прошипел на ухо ближайшему соседу:

– Но вы понимаете, что таким образом он оставляет за собой наши города на Проливах? Их он не назвал.

– Все могло бы обернуться и гораздо хуже, – ответил тот. – Давай дослушаем, что еще он скажет.

– Царь не требует дани или выкупа, – продолжал посол. – Он возвращает вам пленных и останки павших, чтобы вы могли с почестями похоронить их. Эта благочестивая миссия поручена лично его сыну Александру.

Взволнованная реакция аудитории убедила Демосфена, что его партия проиграна. Филипп коснулся самых нежных чувств афинян и послал самого царевича выполнить акт религиозной милости. Не было ничего более мучительного для семьи, чем знать, что тело их сына, павшего в битве, лежит незахороненное и стало добычей стервятников и собак.

– Теперь послушаем, что он хочет взамен за такое великодушие, – снова пробормотал Демосфен.

– Взамен Филипп не просит от афинян ничего, кроме дружбы. Ему требуется одно: только чтобы они стали верными союзниками македонян. Осенью в Коринфе он встретится со всеми греческими представителями, дабы положить конец вражде и непосредственно установить мир, а также объявить грандиозное предприятие, какого до сих пор еще никто не пред-

принимал и в котором всем надлежит принять участие. Это означает, что Афины должны распустить собственную морскую лигу и войти в единственно возможный всеэллинский союз, который Филипп сейчас создает. Этот союз положит конец вековым внутренним конфликтам на полуострове и освободит греческие города в Азии от персидского ига. А теперь, афиняне, с мудростью примите решение и дайте мне ваш ответ, чтобы я мог передать его пославшему меня.

Подавляющее большинство афинян одобрило эти предложения, несмотря на пламенные возражения Демосфена, который призывал город к борьбе против тирана до конца. Собрание выслушало Демосфена, но доверило ему только одно: огласить похоронное слово над павшими в битве. Документ, уже утвержденный Демадом, был еще раз ратифицирован представителями городских властей и отослан Филиппу.

Получив известие, царь немедленно послал Александра с вереницей телег, груженных прахом и костями погибших, уже кремированных на поле боя. Пленные опознали большинство из них, и, основываясь на этих сведениях, Евмен написал на каждой деревянной урне имя погибшего.

Неопознанных солдат сложили всех вместе на последние телеги, но врачи переписали внешность погибших, особые приметы, если таковые имелись, цвет волос и глаз.

Демонстрируя добрую волю, Филипп также приложил часть оружия и доспехов, чтобы облегчить опознание неизвестных воинов.

– Завидую тебе, мой мальчик, – признался он Александру, собиравшемуся в путь. – Ты увидишь самый прекрасный в мире город.

Пришли попрощаться и товарищи.

– Доверяю тебе Буцефала, – сказал царевич Гефестиону. – Не хочу его утомлять и подвергать опасностям долгого пути.

– Я буду холить его, как возлюбленную, – ответил друг. – Можешь быть спокоен. Жаль только, что...

– Что?

– Что ты не доверил мне также и Кампаспу... позаботиться о ней.

– Замолкни! – рассмеялся Александр.

Конюх подвел крепкого вороного коня, царевич вскочил на него и дал команду отправляться.

Со страшным скрипом длинная вереница повозок двинулась в путь, вслед за ней пешком отправились пленные афиняне, каждый нес узелок со скудными личными вещами и пищей, какую смог раздобыть. Демаду, учитывая его роль в заключении мирного договора, дали лошадь.

Между тем погибшие фиванцы лежали непогребенными, и их клевали вороны и стервятники, а ночью грызли бездомные псы и ночные хищники на глазах у матерей, пришедших из Фив и толпившихся, жалостно голоса, на краю лагеря. Другие, за стенами Херонеи, выполняли темные ритуалы проклятий, призывая на Филиппа страшную смерть.

Но пока что их мольбы и проклятья ни к чему не привели: царь упрямо отказывал побежденным врагам забрать своих мертвых и похоронить их, поскольку считал фиванцев предателями.

Наконец, склонившись перед настойчивыми уговорами собственных друзей, боявшихся последствий такого поведения, царь уступил.

Фиванцы покидали свой город в траурных одеждах. Им вослед неслись стенания плакальщиц. Они выкопали огромную яму и сложили туда жалкие останки своих юношей, павших в сражении, а над могилой насыпали холм, рядом с которым вскоре поставили огромную каменную статую льва, символизирующую мужество этих воинов.

С фиванцами тоже был заключен договор о мире, но им пришлось согласиться на присутствие в своем акрополе македонского гарнизона, распустить Беотийский союз и присоединиться ко всеэллинскому союзу Филиппа.

Александра приняли в Афинах как уважаемого гостя и выказали ему всевозможные почести. В знак благодарности за его благочестивую миссию и за доброе обращение с пленными городской совет постановил воздвигнуть на площади его статую, и царевичу пришлось позировать для великого афинского скульптора Протагена, хотя в свое время он и говорил, что доверит изображать себя только Лисиппу.

Демосфен, которого, несмотря на поражение, сограждане все еще очень любили, был выслан на Калаврию, маленький островок напротив города Трезен, чтобы избежать столкновений между двумя партиями.

Александр все понял и мудро решил ни о чем не спрашивать. Закончив официальные дела, он изъявил желание посетить акрополь, о котором Аристотель рассказывал ему чудеса, показывая изображения тамошних монументов.

Царевич поднялся туда однажды утром после ненастной ночи и был потрясен пышностью красок и невероятной красотой статуй и росписей. Посреди широкой площадки возвышался Парфенон, увенчанный огромным тимпаном со скульптурной группой работы Фидия, изображавшей рождение Афины из лба Зевса. Гигантские статуи удачно размещались на скатах крыши: главные персонажи стояли в центре во весь рост, а постепенно удалявшиеся к краям опустились на колени или лежали.

Все они были раскрашены яркими красками и украшены металлическими фрагментами из бронзы и золота.

Рядом со святилищем, слева от входной лестницы, возвышалась бронзовая статуя – также творение Фидия, – представлявшая богиню Афину в доспехах, держащую в руке копье с золотым наконечником. Его сверкание было первым, что видели афинские моряки, возвращаясь в порт из дальних путешествий.

Но еще большие ожидания Александр связывал с гигантской культовой статуей внутри храма, тоже созданной гением Фидия.

Он вошел в храм тихими шагами, выказывая почтение к священному месту, обители божества, и оказался перед колоссом из золота и слоновой кости, о котором слышал чудесные рассказы с раннего детства.

Воздух внутри целлы¹⁹ был насыщен ароматами, которые постоянно испускали священные курительницы, возжженные в честь богини. Все помещение было погружено в полумрак, так что золото и слоновая кость, из которых была сделана статуя, производили еще более магическое впечатление, поблескивая в глубине двойного ряда подпиравших крышу колонн.

Доспехи и пеплос до пят, а также начищенный шлем, копье и щит богини были из чистого золота; лицо, руки и ступни ног – из слоновой кости телесного цвета. Перламутр и бирюза воспроизводили зеленоватые глаза божества.

Шлем имел три гребня из конского волоса, окрашенного в красный цвет, средний поддерживал сфинкс, а боковые – два пегаса. В правой руке богиня держала образ крылатой Победы, большой – как говорили, в человеческий рост, – и, стало быть, статуя Афины целиком имела в высоту не менее тридцати пяти футов.

Затаив дыхание, Александр взирал на это великолепие и думал о славе и мощи города, создавшего его. Он думал о величии людей, построивших театры и храмы, отливших бронзовые и высекавшие мраморные скульптуры, создавших фрески чудесной красоты. Он думал об отваге моряков, за все эти годы добившихся бесспорного господства на море, о философях,

---

¹⁹ *Целла* – внутренняя часть культовых зданий, где находилось изображение божества.

проповедовавших свои истины в этих великолепных портиках, о поэтах, ставивших свои трагедии перед тысячами взволнованных зрителей.

Он ощутил, как его переполняет восхищение и волнение, и со стыдом вспомнил колченовую фигуру Филиппа, непристойно пританцовывавшего среди тел погибших при Херонее.

Глава 26

Александр посетил театр Диониса у подножия акрополя, осмотрел здания и монументы на большой площади, где была собрана вся память города. Но особенно его восхитила Расписная стоя с огромным циклом фресок о Персидских войнах работы Полигнота.

Там изображалась Марафонская битва с примерами проявленного героизма и бегун Фидиппид, примчавшийся в Афины, чтобы сообщить о победе, и тут же упавший замертво от усталости.

Дальше виднелись сражения Второй Персидской войны: афиняне, покидающие свой город и в слезах наблюдающие с острова Саламин за пожаром в акрополе и разрушением храмов. И грандиозное морское Саламинское сражение, в котором афинский флот разгромил персидскую армаду. Александр восхитился картиной, представляющей бегство испуганного Великого Царя, преследуемого черными тучами и бурными ветрами.

Ему не хотелось покидать Афины, это чудесное место, этот ларец сокровищ, где человеческий гений проявил себя с наибольшей полнотой, но чувство долга и поручения отца звали его в Пеллу.

Олимпиада несколько раз писала ему – поздравляла с победой при Херонее и рассказывала, как скучает по нему. В этой не до конца объясненной настойчивости Александр угадывал глубокое беспокойство, невыраженную тревогу. Он хорошо знал свою мать: эта тревога, несомненно, была вызвана каким-то новым событием или болезненной страстью.

Поэтому в первые дни лета вместе со своим эскортом Александр покинул Афины и направился на север. В Беотию он вступил в Танагре, знойным полуднем проехал вблизи Фив, пересекая равнину под палящими лучами солнца, а потом поскакал вдоль берега озера Копида, покрытого густой дымкой.

Время от времени цапля, как призрак, медленно взмахивая крыльями, рассекала туман, покрывавший болотистые берега, и теплую сырость пронзали крики невидимых птиц. Двери домов и ворота были задрапированы черным, потому что многие семьи поразила смерть, унеся самых близких.

Через день, знойным вечером, Александр достиг Херонеи. Под мрачным небом новолуния она показалась ему городом призраков, и царевичу не удалось воскресить в памяти образы недавней победы, чтобы утешить себя. Жалобный вой шакала и рыдание сов напоминали о тревожных мыслях той полной кошмаров ночи в шатре под огромным одиноким дубом.

Отец не пришел встретить его, так как в Линкестиде встречался с вождями иллирийских племен, и юноша после захода солнца, можно сказать, прокрался во дворец, где был встречен Перитасом, который, обезумев от радости, бегал повсюду, катался по полу, скуля и виляя хвостом, а потом прыгнул хозяину на грудь и стал лизать лицо и руки.

Александр ласково освободился от него и направился в свои палаты, где его ждала Кампаспа.

Девушка выбежала навстречу и крепко обняла его, потом сняла с него запыленные одежды и долго, не спеша, нежными руками мыла в ванне его уставшее от поездки тело. Когда Александр вышел из ванны, Кампаспа стала одевать его, но в этот момент вошла Лептина. Она покраснела и опустила глаза.

– Олимпиада хочет, чтобы ты как можно скорее пришел к ней, – сообщила служанка. – Она надеется, что ты останешься поужинать с ней.

– Хорошо, – ответил Александр и, когда Лептина удалилась, шепнул на ухо Кампаспе: – Подожди меня.

Едва увидев сына, царица сжала его в бешеных объятиях.

– Что случилось, мама? – спросил юноша, освободившись и пристально взглянув на нее.

У Олимпиады были огромные глубокие глаза, как озера в местных горах, и ее взгляд отражал бурлящие в душе неистовые страсти.

Закусив нижнюю губу, она опустила голову.

– Что случилось, мама? – повторил Александр.

Олимпиада повернулась к окну, чтобы скрыть досаду и стыд:

– Твой отец завел любовницу.

– У моего отца шесть жен. Он человек пылкий и никогда не довольствовался одной женщиной. К тому же он наш царь.

– На этот раз все не так просто. Теперь он влюбился в девчонку, ровесницу твоей сестры.

– Такое уже случалось. Это пройдет.

– Говорю тебе, на этот раз все не так просто: он влюбился, потерял голову. Это как... – Она издала короткий вздох. – Как в тот раз, когда я впервые познакомилась с ним.

– Какая разница?

– Большая, – заверила его Олимпиада. – Эта девушка беременна, и он хочет жениться на ней.

– Кто она? – помрачнев, спросил Александр.

– Эвридика, дочь полководца Аттала. Теперь понимаешь, почему я так беспокоюсь? Эвридика – македонянка, дочь знатного македонянина, а не иностранка, как я.

– Это ничего не значит. Ты из царского рода, твой род идет от Пирра, сына Ахилла, и Андромахи, жены Гектора.

– Это сказки, сын мой. А предположим, эта девица родит сына...

Александр онемел, охваченный внезапной тревогой:

– Объясни толком. Говори, что думаешь: никто нас не слышит.

– Предположим, Филипп меня прогонит и объявит царицей Эвридику – это в его власти. Тогда сын Эвридики становится законным наследником, а ты – ублюдком, сыном отвергнутой иностранки.

– Зачем ему это делать? Отец всегда любил меня, он всегда желал мне добра. Он готовил меня стать царем.

– Ты не понимаешь. Красивая и страстная девица может совершенно свести с ума зрелого мужчину, а рожденный ею ребенок привлечет к себе все его внимание, даст ему почувствовать себя молодым, вернет безвозвратно ушедшие времена.

Александр не знал, что ответить, но было видно, что эти слова глубоко его встревожили.

Он сел в кресло и подпер левой рукой лоб, словно собираясь с мыслями.

– И что, по-твоему, я должен делать?

– Я и сама не знаю, – призналась царица. – Я возмущена, расстроена, разъярена нанесенным мне оскорблением. Будь я мужчиной...

– Я мужчина, – заметил Александр.

– Но ты его сын.

– Что ты хочешь сказать?

– Ничего. От унижения я потеряла рассудок.

– И все же, что я, по-твоему, должен сделать?

– Ничего. Теперь ничего сделать нельзя. Но я хочу сказать тебе: будь начеку, потому что не сегодня завтра может что-то произойти.

– А она действительно так красива? – спросил Александр.

Олимпиада опустила голову, и было видно, чего ей стоило ответить на этот вопрос:

– Ты даже не можешь себе представить как. Аттал попросту подложил ее Филиппу в постель. Очевидно, он тщательно все продумал и знает: многие знатные македоняне последуют за ним. Тебе известно, как они меня ненавидят.

Александр встал, чтобы попрощаться.

– Ты не останешься поужинать? Я приготовила твои любимые блюда.

– Я не голоден, мама. Страшно устал. Извини. Скоро увидимся. Постарайся успокоиться. Не думаю, что мы можем много что сделать.

Он ушел, но разговор с матерью смутил его. Его не покидала мысль о том, что отец в одно мгновение исключит его из своих замыслов. И надо же было такому случиться как раз после того, как он проявил доблесть в решительном сражении при Херонее и выполнил деликатную дипломатическую миссию в Афинах!

Чтобы отогнать эти мысли, Александр спустился в конюшню повидаться с Буцефалом. Жеребец сразу узнал его голос, забил копытами и заржал. Конюшня содержалась в безупречном порядке, и там стоял запах свежего сена. Черная шкура коня лоснилась, грива и хвост были расчесаны, как девичьи волосы. Александр подошел и обнял его, глядя по шее и морде.

– Вернулся наконец! – послышался за спиной голос. – Я знал, что найду тебя здесь. Ну что? Как тебе твой Буцефал? Видишь, как я холил его для тебя? Как возлюбленную, говорю тебе.

– Гефестион, это ты!

Юноша подошел и хлопнул его по плечу:

– Эй, разбойник, я скучал по тебе.

Александр хлопнул его в ответ:

– И я по тебе тоже, конокрад.

Они бросились друг другу в объятия и сжали друг друга крепко и сильно, сильнее дружбы, сильнее времени, сильнее смерти.

Александр вернулся к себе поздно и на полу перед дверью, рядом с погасшей лампой, обнаружил спящую Лептину. Он нагнулся и молча заглянул ей в лицо, а потом осторожно взял на руки, положил на кровать и поцелуем коснулся ее губ. В этот вечер Кампаспа дожидалась зря.

Филипп вернулся через несколько дней и немедленно вызвал к себе Александра. Завидев сына, он сразу нетерпеливо обнял его:

– Клянусь всеми богами, ты прекрасно выглядишь. Как тебе понравилась поездка в Афины?

Он почувствовал, что объятия сына не очень крепки:

– В чем дело, парень? Или тебя размягчили эти афиняне? Или влюбился? Только ради Геракла не говори, что влюбился! Ха! Я подарил ему такую искусницу в этом деле, а он влюбился в... в кого? В прекрасную афинянку? Не говори, сам знаю: никто не сравнится с очаровательными афинянками. Ах, это здорово, я должен рассказать об этом Пармениону.

– Это не я влюбился, отец мой. Говорят, это ты влюбился.

Филипп тут же посерьезнел и большими шагами начал мерить комнату.

– Это все твоя мать. Это твоя мать! – воскликнул он. – Она разъярена и ревнует. Хочет настроить тебя против меня. Что, неправда?

– У тебя другая женщина, – ледяным тоном проговорил Александр.

– И что с того? Не первая и не последняя. Это просто цветок, она прекрасна, как солнце, прямо Афродита. Еще прекраснее! Я нашел ее голой у себя в объятиях, с грудями как две спелые груши, мягкую, с выщипанными на теле волосами, благоухающую, и она раздвинула для меня бедра. Что мне оставалось делать? Твоя мать меня ненавидит, я ей отвратителен, она плюет мне вслед каждый раз, когда видит. А эта девочка сладка как мед.

Он опустился в кресло и быстрым жестом накинул на колени плащ, что всегда было признаком ярости.

– Не надо мне рассказывать, кого тебе подсунули в постель, отец мой.

– Прекрати звать меня «отец мой»: мы одни!

– Но моя мать чувствует себя униженной, брошенной, и она озабочена.

– Понятно! – вскричал Филипп. – Все понятно! Она определенно старается настроить тебя против меня. И без всяких причин. Пошли, пошли со мной! Посмотришь, какой сюрприз я тебе приготовил, прежде чем ты испоганил мне день этими глупостями. Пошли!

Он увлек Александра за собой по лестнице, а потом вглубь коридора, где располагались мастерские, и распахнул дверь, словно вламываясь в помещение.

– Смотри!

Александр оказался посреди комнаты, залитой светом из большого бокового окна. К столу был прислонен глиняный диск с профилем, изображавшим его с лавровым венком на голове, как бога Аполлона.

– Нравится? – раздался голос из темного угла.

– Лисипп! – воскликнул Александр, резко обернувшись и обнимая мастера.

– Нравится? – спросил Филипп у него за спиной.

– Но что это?

– Это макет монеты, золотого статера Македонского царства, который будет чеканиться с завтрашнего дня, чтобы запечатлеть твою победу при Херонее и твое достоинство наследника трона. Он будет ходить по всему миру десятками тысяч экземпляров, – ответил монарх.

Александр пристыженно опустил голову.

Глава 27

Жест Филиппа и присутствие при дворе Лисиппа слегка разогнали тучи, омрачившие отношения между отцом и сыном, но очень скоро Александр лично убедился, насколько прочные узы связали отца с юной Эвридикой.

Однако неотложные политические дела отвлекали как царя, так и сына от придворной жизни.

Пришел ответ от царя персов Арзеса, и ответ этот был еще более пренебрежительным, чем письмо Филиппа. Евмен прочел его царю, как только получил от гонца.

Арзес, царь персов, Царь Царей, Свет Ариев и Владыка Четырех Сторон Света – македонянину Филиппу.

То, что сделал мой отец Артаксеркс, третий с таковым именем, сделано хорошо, а ты, будучи нашим подданным, должен платить дань, как платили твои предшественники.

Царь тут же позвал Александра и дал ему просмотреть послание.

– Все идет так, как я и предполагал: мой план воплощается в точности. Перс отказывается возместить ущерб, причиненный его отцом, а этого более чем достаточно, чтобы начать войну. Моя мечта сбывается. Я объединю всех греков в метрополии и восточных колониях. Я сохраню эллинскую культуру и буду повсюду ее защищать. Демосфен не понял моего намерения и сражался со мной, как с тираном, но посмотри вокруг! Греки свободны, и македонский гарнизон стоит лишь в акрополе предателей-фиванцев. Я охраняю аркадцев и мессенцев, я не раз отстаивал права Дельфийского святилища.

– Ты действительно хочешь идти в Азию? – спросил Александр, выделив среди всего отцовского хвастовства лишь это заявление.

Филипп взглянул ему в глаза:

– Да. И в Коринфе объявлю это союзникам. Я попрошу всех прислать воинские контингенты и военные корабли для предприятия, которое никому из греков не удалось довести до конца.

– И думаешь, они пойдут за тобой?

– Не сомневаюсь, – ответил Филипп. – Я объясню им, что цель похода – освобождение греческих городов в Азии от господства варваров. Они не смогут остаться в стороне.

– А это – истинная цель похода?

– У нас самое мощное в мире войско, Азия безгранична, и нет пределов славе человека, который ее завоюет, сын мой, – ответил царь.

Через несколько дней в Пеллу прибыл другой гость – Апеллес, которого многие считали величайшим художником во всем современном мире. Филипп позвал его, чтобы сделать свой портрет вместе с царицей – естественно, с должными поправками и приукрашиваниями, в официальном виде, чтобы повесить в святилище в Дельфах, – но Олимпиада отказалась позировать рядом с мужем, и Апеллесу пришлось наблюдать за ней издали, делая предварительные эскизы.

Конечный результат все равно привел Филиппа в восторг, и он попросил изобразить также и Александра, но юноша отказался.

– Я бы лучше хотел, чтобы ты изобразил мою подругу, – попросил царевич. – Обнаженной.

– Обнаженной? – переспросил Апеллес.

– Да. Мне не хватает ее красоты, когда я вдали от нее. Сделай ее портрет не очень большим, чтобы я мог носить его с собой, но чтобы она была очень похожа.

– Тебе покажется, что видишь ее во плоти, мой господин, – заверил его мастер.

Таким образом, Кампаспа, о которой говорили, что это прекраснейшая женщина Греции, стала позировать обнаженной во всей своей красе перед величайшим из художников.

Александру не терпелось полюбоваться результатом столь необычного сочетания, и каждый день он приходил посмотреть, как продвигается работа, но очень скоро заметил, что она почти не тронулась с места. Апеллес все время делал эскизы и уничтожал их, чтобы создать новые.

– Этот портрет напоминает мне ткань Пенелопы, – заметил юноша. – Что же не получается?

Апеллес не мог скрыть смущения. Он смотрел то на свою прекрасную модель, то на Александра.

– Что же не выходит? – снова спросил царевич.

– Дело в том... Дело в том, что я не могу вынести мысли о том, чтобы расстаться с такой красотой.

Александр в свою очередь посмотрел на Кампаспу и мастера и догадался, что в эти долгие свидания они занимались здесь не только живописью.

– Понятно, – сказал он.

Ему вспомнилась Лептина с вечно красными от слез глазами, и подумалось, что в будущем, если он захочет, у него не будет недостатка в непревзойденных красавицах. Он также задумался над тем, что с каждым днем Кампаспа становится все более дерзкой и ее претензии непрерывно растут. Тогда Александр подошел к Апеллесу и шепнул ему на ухо:

– У меня есть к тебе одно предложение. Ты мне оставишь портрет, а я тебе оставлю девушку. Само собой, если у нее нет возражений.

– О мой господин, – в смущении забормотал великий художник. – Как мне благодарить тебя? Я... я...

Молодой царевич похлопал его по плечу:

– Главное, чтобы вы были счастливы и портрет получился хорошо.

С этими словами он открыл дверь и вышел.

К концу лета Филипп и Александр отправились в Коринф, где их приняли за счет городской казны. Город был выбран не случайно: именно в Коринфе сто пятьдесят лет назад греки поклялись отразить персидское вторжение; и здесь же им предстояло дать новую клятву – объединить всех греков на континенте и островах для великого похода в Азию, предприятия, способного затмить воспетую Гомером Троянскую войну.

В страстном споре с делегатами Филипп напомнил им все фазы противостояния Европы и Азии, не пропустив и мифологические сюжеты; он вспомнил павших при Марафоне и Фермопилах, сожжение афинского акрополя и тамошних храмов. И хотя события, о которых он говорил, произошли несколько поколений назад, они оставались живы в народной культуре – отчасти потому, что Персия не прекращала вмешиваться во внутренние дела греческих государств.

Но куда больше этих выцветших воспоминаний о персидских вторжениях всех волновало решение Филиппа завоевать Персию, сознание, что его воле нет альтернативы и что его политические средства включают в себя и войну. У всех перед глазами все еще стояла печальная судьба Фив и их союзников.

В конце концов собрание доверило македонскому царю пост всеэллинского вождя для великого похода на Персию. Многие делегаты думали, что это всего лишь пропагандистская выходка. Они ошибались.

В эти дни Александр воспользовался случаем осмотреть Коринф. Вместе с Каллисфеном он поднимался на практически неприступный акрополь и любовался величественными храмами Аполлона и Посейдона, бога морей, покровителя города.

Особенно его поразил корабельный волок – особое приспособление, позволявшее кораблям проходить из Эгинского залива в Коринфский через разделяющий их перешеек, избегая долгого обходного пути вокруг Пелопоннеса с его изрезанными берегами и острыми скалами.

Он представлял собой деревянный желоб, который постоянно покрывали говяжьим жиром. Желоб этот выходил из Эгинского залива, поднимался к вершине перешейка и спускался оттуда на другую сторону, в Коринфский залив. Несколько быков затаскивали корабль по желобу на самую верхнюю точку, где он дожидался, пока прибудет другой корабль, который прицепляли к этому.

Дальше первый корабль скользил сверху вниз, своим весом поднимая второй наверх, в то время как тот замедлял движение первого. Потом второй корабль, оказавшись наверху, таким же образом вытягивал третий, а первый мог отплывать, и так далее.

– А никому не приходила в голову мысль – прорыть канал и соединить два залива? – спросил Александр у одного из коринфян.

– Если бы боги захотели создать море там, где сейчас суша, они бы сделали Пелопоннес островом, не правда ли? – ответил сопровождающий. – Помни, что случилось с Великим Царем персов во время его вторжения в Грецию: он перебросил через море мост, чтобы перевести свое войско через Проливы, и прорыл канал через полуостров у горы Афон, чтобы провести свой флот, но в наказание за свое высокомерие потерпел жестокое поражение на суше и на море.

– Это верно, – признал Александр. – В свое время отец показывал мне эту огромную канаву и рассказывал о той попытке Великого Царя. Потому-то мне и пришла в голову мысль о канале.

Царевичу также рассказали, что поблизости живет Диоген, выдающийся философ-киник, о котором ходили невероятные истории.

– Я знаю, – сказал Александр. – Аристотель излагал мне теории киников. Диоген полагает, что, только избавившись от всего излишнего, можно освободиться от всех желаний, а стало быть, и от всякого рода несчастий.

– Своеобразная теория, – вмешался Каллисфен. – Лишиться всего не ради того, чтобы достичь счастья, а чтобы избавиться от хлопот, – мне кажется, это довольно глупо. Просто перевод добра! Все равно что жечь дрова ради получения золы, не находишь?

– Пожалуй, – сказал Александр. – И все же мне бы хотелось познакомиться с ним. Это правда, что он живет в амфоре из-под оливкового масла?

– Истинная правда. Во время последнего конфликта, когда войска твоего отца вели осаду, всех горожан послали укреплять стену, и они деловито сновали взад-вперед. И вдруг Диоген начал укреплять свою амфору на косогоре, а потом скатил ее вниз и стал толкать обратно наверх. «Зачем ты это делаешь?» – спросили его. «Да ни за чем. Но остальные так суетятся, что мне показалось невежливым сидеть сложа руки». Вот что все говорят об этом человеке. Подумай только, все его имущество состояло из одной чашки, чтобы набирать воду из родника; но однажды он увидел маленького мальчика, пившего из пригоршни, – и выбросил свою чашку. Ты действительно хотел бы с ним встретиться?

– Да, очень, – ответил Александр.

– Ну, раз уж так хочется... – презрительно фыркнул Каллисфен. – Зрелище будет не из лучших. Знаешь, почему Диогена и его последователей прозвали киниками? Потому что, согласно его теории, ничто естественное не может быть непристойным, и потому они занимаются этим публично, как собаки.

– Верно, – подтвердил сопровождавший их коринфянин. – Пойдемте, он живет – если можно так выразиться – не очень далеко отсюда. Он обычно сидит на обочине дороги, где легко выпрашивать милостыню у прохожих.

Они прошли по дороге, ведущей от корабельного волока к святилищу Посейдона, и Александр первым издали заметил философа.

Это был старик лет семидесяти, совершенно голый; он прислонился спиной к большой глиняной амфоре, внутри которой виднелась соломенная подстилка и какая-то рванина вместо одеяла. «Подстилка Перитаса определенно богаче», – подумалось Александру. На земле сидела собачонка, маленькая дворняжка, вероятно питавшаяся с философом из одной миски и делившая с ним подстилку.

Диоген обхватил руками колени и откинул голову, прислонившись затылком к своему жалкому жилищу и подставив сморщенное тело последним лучам теплого летнего солнца. Он был почти совершенно лыс, но с затылка волосы опускались почти до половины спины. Худое, изборожденное резкими, глубокими морщинами лицо обрамляла редкая борода; скулы выпирали; глаза под широким светлым лбом ввалились.

Философ сидел совершенно неподвижно, опустив веки.

Александр остановился прямо перед философом и долго молча смотрел на него, в то время как тот ничем не выдавал, что замечает его присутствие, и ни на мгновение не открыл глаза.

Молодой царевич задавал себе вопрос, какие мысли текут под этим лбом, в этом мощном черепе на тонкой шее над хилым и изможденным телом. К чему пришел этот человек, проведя жизнь в исследованиях человеческой души, если теперь лежит голым в нищете у дороги, став объектом насмешек и жалости прохожих?

Эта гордая бедность, эта совершенная простота, это тело, желавшее встретить смерть нагим, как в момент рождения, взволновали Александра.

Хорошо бы рядом оказался Аристотель! Тогда Александр мог бы увидеть поединок этих двух выдающихся умов... Ему захотелось выразить старому философу свое восхищение. Но вместо этого вышла неловкая фраза:

– Здравствуй, Диоген. Перед тобой стоит Александр Македонский. Скажи мне, что тебе нужно, и я с радостью дам тебе это.

Старик открыл беззубый рот.

– Все, что угодно? – проскрипел он, так и не открыв глаза.

– Все, что угодно, – подтвердил Александр.

– Тогда отойди и не загораживай мне солнце.

Александр тут же отошел и присел сбоку на корточки, как проситель.

– Оставь нас наедине, – обратился он к Каллисфену. – Не знаю, скажет ли он мне что-либо, но если скажет, эти слова никто не сможет записать, друг мой. – (Каллисфен увидел, как у него загорелись глаза.) – Возможно, ты прав, возможно, это перевод добра, вроде сжигания дров ради продажи золы, но я готов отдать все, лишь бы узнать, что проплывает за этими закрытыми веками. И поверь мне: не будь я Александром, я бы хотел стать Диогеном.

Глава 28

Никто не знает, о чем они говорили, но Александр на всю жизнь запомнил эту встречу, и Диоген, возможно, тоже.

Два дня спустя Филипп со своей свитой отправился на север, в Македонию, и царевич поехал с ним.

Прибыв в Пеллу, царь начал подготовку к великому походу на Восток. Почти ежедневно он собирал военный совет, в котором принимали участие все македонские полководцы – Аттал, Клит Черный, Антипатр и Парменион, чтобы организовать военный призыв, экипировку и снабжение войск. Добрые отношения с Афинами гарантировали безопасность на море и перевозку войск в Азию македонским флотом и кораблями союзников.

Александр с головой погрузился в эту лихорадочную деятельность и, казалось, особенно не задумывался ни о беременности Эвридики, ни о тревогах своей матери, которая все слала сыну письма, когда он был в отъезде, или просила о личных встречах, пока он находился во дворце.

Олимпиада вела также интенсивную переписку со своим братом Александром Эпирским, чтобы обеспечить себе его поддержку: она, как никогда, чувствовала себя в своих палатах одинокой, отверженной и брошенной.

Царица думала лишь о своем печальном положении и говорила с приближенными только об этом. Будущее виделось ей в затворничестве, в полной изоляции. Она знала, что в тот момент, когда новая царица вступит в свои права, старую перестанут признавать на публичных приемах, и у нее не останется официальных случаев, чтобы принимать гостей и иностранные делегации, развлекать в своих палатах жен или подруг посетителей.

А особенно она боялась утратить свое личное влияние как мать наследника трона.

Александр не так тревожился – ведь он был окружен друзьями, каждый день демонстрировавшими ему свою преданность.

Кроме того, он пользовался глубоким и искренним уважением со стороны Пармениона и Антипатра, правой и левой руки царя, его отца, видевших его в деле как командира и как настоящего воина. Они знали, что, если власть перейдет в его руки, царство останется в надежных руках. Но на самом деле династическая ситуация была не такой уж спокойной: двоюродные братья Александра, Аминта и его родной брат Архелай, всегда могли получить поддержку в кругах знати, и только его сводный брат, недоумок Арридей, в данный момент не доставлял никакого беспокойства.

Дата женитьбы Филиппа официально была объявлена в начале зимы и, несмотря на то что все этого ожидали, явилась как гром среди ясного неба.

На всех произвела впечатление необычайная торжественность и пышность церемонии, которую хотел устроить царь.

Евмен, уже ставший главой царской администрации, сообщал Александру все подробности: имена приглашенных, расходы на наряды, яства и вина, приготовления, драгоценности новобрачной и ее сопровождения.

Александр старался не делиться с матерью этими известиями, чтобы не расстраивать ее еще больше, но Олимпиада везде имела глаза и уши и обо всем происходящем узнавала еще раньше сына.

Когда до великого дня оставалось уже совсем немного, царица получила от царя официальное приглашение принять участие в свадьбе, и такое же приглашение было направлено Александру. Оба понимали, что на самом деле это означает приказ, и мать с сыном безропотно приготовились принять участие в церемонии и последующем за ней пышном пиршестве.

Евмен проявлял чудеса, распределяя лежа и столы для приглашенных, чтобы избежать нежелательных контактов, которые неизбежно привели бы к ссорам и даже дракам. Вожди племен и македонские царевичи были более или менее отделены друг от друга, чтобы к тому времени, когда вино потечет рекой, так же не полилась бы и кровь из-за какого-нибудь неосторожного слова или неправильно понятого жеста.

Новая супруга, несмотря на заметные признаки беременности, была очаровательна в своем наряде со всеми атрибутами царицы. На голове у нее красовалась золотая диадема, а волосы были зачесаны назад валиком и заколоты золотыми шпильками с коралловой головкой. Ее затканый серебром пеплос украшала прекрасная вышивка, имитировавшая роспись по керамике, с изображением танцующих перед статуей Афродиты девушек. Голову невесты покрывала свадебная фата.

Александру в его роли наследника трона полагалось непосредственно участвовать в церемонии, а потом, во время пира, находиться недалеко от отца.

Олимпиада же с женщинами своей свиты, напротив, расположилась в противоположном конце обширного пиршественного зала. Рядом с матерью предпочла остаться царица Клеопатра, которая, как она сама признавалась, не очень хорошо ладила с Эвридикой – своей ровесницей.

Лежа расставили прямоугольником с четырех сторон, и только в глубине у правой стены оставили проход для поваров с блюдами, виночерпиев и слуг, вытиравших пол перед столами.

Флейтистки начали играть, и несколько танцовщиц закружились между столами посреди зала, внутри огромного пиршественного прямоугольника. Александр, не выпивший ни глотка вина, незаметно для матери не сводил с нее глаз. Олимпиада была прекрасна с надменным выражением на бледном лице и с ледяным взглядом; казалось, она выше всего этого гама, шума пьяных гостей, визга флейт. Оставленная супруга Филиппа была как статуя неумолимой богини мщения.

За все это время она не притронулась ни к еде, ни к вину, в то время как Филипп отдался всевозможной неводержанности, оказывая недвусмысленные знаки внимания молодой жене, которая отгородилась любезными улыбками, и находящимся рядом танцовщицам. Так же вели себя и прочие сотрапезники, особенно македоняне.

Настало время тостов, и, согласно обычаю, начал тесть. Агтал был не трезвее остальных: он качался на ногах и, подняв полный кубок, расплескал вино на расшитую подушку и облил соседей. Заплетающимся языком он произнес:

– Пью за царственную пару, за мужественность супруга и красоту супруги. Да даруют им боги законного наследника македонского трона!

Тост оказался самым неудачным, какой только можно было придумать: он озвучивал ходившие среди македонской знати толки о неверности царицы и кровно оскорблял наследника.

Олимпиада смертельно побледнела. Все онемели и повернулись к Александру, который, побагровев, вскочил на ноги, охваченный приступом бешенства.

– Слабоумный! – крикнул царевич. – Сын собаки! А я кто, по-твоему? Незаконный? Проглоти все, что только что сказал, или я зарежу тебя, как свинью! – и обнажил меч, чтобы привести свою угрозу в исполнение.

При этих словах пьяный Филипп, рассерженный тем, что Александр оскорбил его тестя и портит свадебный пир, тоже вытащил меч и бросился на сына. Зал наполнился криками, танцовщицы убежали, повара попрятались под столы, страхась готовой разразиться бури.

Но, перепрыгивая с ложа на ложе, чтобы добраться до сына, который бесстрастно ждал его, Филипп поскользнулся, с шумом рухнул на пол, стянул за собой скатерть с посудой и едой и остался лежать в луже красного вина. Он попытался встать, но снова поскользнулся и упал лицом вниз.

Александр приблизился к отцу с мечом в руке, и в зале повисла могильная тишина. Танцовщицы дрожали, забившись в угол. Агтал побледнел, как полотно, и из уголка его полуоткрытого рта потекла струйка слюны. Молодая жена закричала:

– Остановите его, именем богов, кто-нибудь, сделайте же что-нибудь!

– Вот он, посмотрите! – воскликнул Александр с презрительной улыбкой. – Этот человек хочет ринуться из Европы в Азию, а сам не может перескочить с одного ложа на другое, не оступившись!

Филипп ползал в вине и объедках, рыча:

– Убью! Убью!

Но Александр даже не моргнул.

– Хорошо, если тебе удастся хотя бы встать на ноги, – сказал он и обернулся к слугам. – Унесите его и вымойте.

В это время подошла Олимпиада.

– Пойдем отсюда, мама, – сказал Александр. – Ты права: здесь нам не место.

Глава 29

Александр вышел из дворца, ведя за руку мать; вслед неслись злобные крики Филиппа. Во дворике Александр спросил Олимпиаду:

– Хочешь поехать верхом или тебе приготовить повозку?

– Нет. Поеду верхом.

– Переоденься и будь у входа в свои палаты; я сейчас же за тобой зайду. Не забудь плащ и теплую одежду. Поедем в горы.

– Наконец-то! – воскликнула царица.

Александр побежал в стойло, взял Буцефала и сарматского гнедого коня с упряжью, потником и походной переметной сумой и вышел из конюшни, направляясь к южному углу дворца.

– Александр! Подожди! – раздался сзади крик.

– Гефестион! Иди назад, мой отец хватится тебя.

– Мне все равно, я тебя не брошу. Ты куда?

– В Эпир, к моему дяде.

– По какой дороге?

– По Беройской.

– Отправляйся. Я позже к вам присоединюсь.

– Хорошо. Привет прочим, и пусть Евмен позаботится о Перитасе.

– Будь спокоен, – заверил его Гефестион и убежал.

– Не меньше одной кости в день! – крикнул вслед Александр. – Для зубов!

Друг махнул рукой в знак того, что понял, и скрылся в конюшне.

Олимпиада была уже готова. Она собрала волосы в узел, надела кожаную безрукавку и иллирийские штаны; за спиной висели две переметные сумы с одеждой и запасами и мешочек с деньгами. Вслед за ней с плачем выбежала одна из служанок:

– Но, царица... Царица...

– Вернись в дом и закройся в комнате, – велела ей Олимпиада.

Александр дал ей повод лошади.

– Мама, где Клеопатра? Я не могу уехать, не попрощавшись с ней.

– Она послала служанку предупредить меня, что ждет тебя во двореике дома для женщин, но ты знаешь, что каждое потерянное мгновение может оказаться роковым.

– Я быстро, мама.

Он надел капюшон и побежал туда, где дожидалась сестра, бледная и дрожащая, все еще в праздничном наряде.

Увидев брата, Клеопатра со слезами обхватила руками его шею:

– Не уезжай, не уезжай. Я попрошу папу простить тебя, я брошусь к его ногам, и он не сможет сказать «нет».

– Где он сейчас?

– Его отнесли в его палаты.

– Пьяного?

Клеопатра кивнула.

– Нужно бежать, пока он не пришел в себя. Мне здесь уже не место, и нашей матери – тоже. Я напишу тебе при первой же возможности. Желаю тебе добра, сестренка.

Клеопатра снова разрыдалась, еще отчаяннее, чем прежде, и Александру пришлось силой вырваться из ее объятий.

– Когда я снова тебя увижу? – крикнула ему вслед девушка.

– Когда соблаговолят боги, – ответил Александр. – Но ты всегда будешь в моем сердце!

Он побежал на место встречи с матерью.

– Поехали! – воскликнул он и, взглянув на нее, улыбнулся. – Мама, ты прекрасна. Похожа на амазонку.

Олимпиада покачала головой:

– Мать всегда прекрасна в глазах сына. Но все равно спасибо, мальчик мой.

Она легко вскочила в седло и пришпорила коня. Александр тоже ударил пятками Буцефала, и они рванули в галоп.

Беглецы держались подальше от торных путей и свернули на проселочную дорогу, по которой Александр порой катался, когда жил в Миесе. До наступления темноты мать и сын успели без происшествий проделать немалый путь.

Пару раз они останавливались, чтобы дать передышку коням и напоить их, но под конец добрались до большого леса, покрывавшего Эордею и долину Галиакмона, где нашли убежище в пещере с журчащим родником, и Александр отпустил коней поpastись. Здесь мать и сын развели костер из хвороста, используя для добывания огня лук и деревянный стержень.

– Этому меня научил Аристотель, – объяснил Александр. – Трение порождает тепло.

– Тебе хорошо было в Миесе?

– Это были прекрасные годы, но такого рода жизнь не для меня.

Он навалил сухих листьев и валежника и, когда увидел поднимающийся дымок, начал раздувать огонь.

Появился слабый язычок пламени. Постепенно он начал разгораться, а Александр подбрасывал сухих листьев и хвороста.

Когда костер затрещал вовсю, юноша подложил сучьев потолще, а потом расстелил на земле плащ:

– Устраивайся поудобнее, мама. Сегодня я приготовлю ужин.

Олимпиада села и, как зачарованная, уставилась на пляшущее пламя, а сын открыл переметную суму, достал хлеба и подержал над огнем, чтобы поджарить. Потом отрезал ножом кусок сыра и протянул матери.

– Это лучший ужин за многие годы, – заметила Олимпиада, – и место прекраснее, чем любой дворец. Кажется, будто я снова девочка среди родных гор.

Александр самшитовой чашкой набрал воды из родника.

– Хотя бы это я сделал для тебя. Ты быстро соскучишься по политике, по своим связям, по интригам. Не веришь?

– Возможно. Но сейчас дай мне поспать. Последний раз я ночевала с тобой, когда ты едва научился ходить. А твой отец в те годы еще любил меня.

Они поговорили немного – вполголоса, слушая шум вечернего ветра в дубовых ветвях и потрескивание огня на их одиноком биваке, и наконец заснули, усталые после долгого, насыщенного переживаниями дня.

На обоих снизошла глубокая грусть: они остались изгнанниками, без крова и друзей. И оба с горечью ощущали разлуку с суровым, свирепым, деспотичным человеком, но способным, как никто другой, вызывать к себе любовь.

Среди ночи Александр открыл глаза, проснувшись от неясного звука, и увидел, что матери рядом нет. Он огляделся и неподалеку, у дороги, петляющей в свете луны меж вековых стволов, увидел какую-то тень. Это была Олимпиада. Она стояла, выпрямившись, перед огромным деревом и словно разговаривала с кем-то. Александр осторожно, ползком, приблизился, прячась за кустами, и услышал, как мать что-то бормочет на незнакомом языке, потом она замолкала, словно слушая ответ, а затем снова принималась за свое бормотание.

Таясь, Александр наблюдал за матерью из-за дуба, а она куда-то пошла по дороге, полосатой от длинных теней. Он последовал за ней, все так же скрываясь и не производя ни малейшего шума. Мать остановилась перед руинами древнего святилища, где стояла деревянная культовая статуя, едва узнаваемая, побитая временем и непогодами. На древнее изображение Диониса, бога буйного разгула и пьянства, падал неверный свет зажженной кем-то лампы – признак того, что святилище еще посещают.

Олимпиада легкой походкой, словно танцуя, приблизилась к статуе, протянула руку к ее основанию, и в пальцах у нее, как по волшебству, появилась тростниковая флейта, на которой она начала играть, разнося по ветру сочные вибрирующие ноты. Магическая мелодия вскоре заглушила ночные звуки леса, летя меж ветвей, едва колеблемых дыханием ветерка.

Прошло некоторое время, и на музыку кто-то откликнулся из леса таинственной песнью, которая терялась в шуме листвы, сливаясь то с отдаленным пением соловья, то с журчанием родника в гроте. Постепенно она становилась все более чистой и отчетливой.

Послышались звуки других тростниковых флейт – протяжные, отстраненные, словно положенные на музыку ветром.

Олимпиада положила свой инструмент на подножие статуи, сняла плащ и стала танцевать под ритм этой мелодии. Из леса вышли мужчины и женщины в звериных масках, с внешностью сатиров и менад. Некоторые дудели в камышовые дудки, другие принялись плясать вокруг идола и царицы, словно узнали в ней второе божество.

Пляска делалась все стремительнее, прибывали другие незнакомцы – с тимпанами и барабанами, задавая все более бешеный ритм. Никого было не узнать из-за темноты и масок, но тела мало-помалу обнажались, обвивая друг друга в танце, а потом они попадали на землю вокруг статуи в конвульсиях и судорогах диких совокуплений.

В этом хаосе звуков и фигур Олимпиада вдруг застыла, подобно деревянной статуе Диониса, сама – ночное божество. Голые мужчины в масках приблизились к ней в лунном свете ползком, как звери.

Александр, одновременно возбужденный и встревоженный этой сценой, схватился было за меч, когда, заметив что-то, замер за скрывавшим его стволом дерева. В этот момент из-под земли показалась огромная змея. Она подползла к статуе бога, а потом медленно обвилась вокруг ног матери.

Олимпиада не пошевелилась, ее тело одеревенело, глаза уставились в пустоту, – казалось, она не слышит и не видит происходящего вокруг. Еще одна змея выползла из-под земли, а потом еще одна и еще, и все, одна поверх другой, оплетали ноги царицы.

Самая большая из всех, первая, поднялась над другими; своими кольцами она охватила туловище Олимпиады и накрыла ее голову своей.

Бешеная музыка вдруг затихла, фигуры в масках отступили на края поляны, потрясенные и как будто испуганные этим сверхъестественным явлением. Потом змея распахнула пасть, высунула тонкий раздвоенный язык и издала тот самый звук, что Олимпиада извлекала из своей флейты: сочную текучую ноту, мрачную и вибрирующую, как голос ветра в дубовых ветвях.

Лампы одна за другой потухли, и в лунном свете Александр видел лишь поблескивавшую в полумраке чешую рептилий, а потом все исчезло. Он глубоко вздохнул и вытер со лба холодный пот, а когда чуть погодя снова взглянул на маленькое заброшенное святилище, то поляна была совершенно пустой и безмолвной, как будто здесь ничего не происходило.

Тут он почувствовал прикосновение к плечу и стремительно повернулся, схватившись за меч.

– Это я, сын, – сказала Олимпиада, удивленно глядя на него. – Я проснулась и увидела, что тебя нет. Что ты тут делаешь?

Александр протянул к ней руку, словно не веря своим глазам.

– Но что ты тут делал? – снова спросила царица.

Александр покачал головой, словно стряхивая сон или кошмар, и встретил глаза матери, еще более глубокие и черные, чем ночь.

– Ничего, – ответил он. – Вернемся назад.

На следующий день они встали, когда вода родника засверкала на солнце, и молча пустились в путь на запад. Как будто оба не решались заговорить.

И вдруг Александр обернулся к матери.

– О тебе рассказывают странные вещи, – сказал он.

– Какие? – не поворачиваясь, спросила Олимпиада.

– Говорят... Говорят, что ты участвуешь в тайных обрядах и ночных оргиях Диониса, что ты владеешь колдовством.

– И ты веришь?

– Не знаю.

Олимпиада не ответила, и долго они молча ехали шагом.

– Я видел тебя прошлой ночью, – снова нарушил молчание Александр.

– Что ты видел?

– Я видел, как ты звуком своей флейты созвала оргию и вызвала из-под земли змей.

Олимпиада обернулась и метнула на сына холодный взгляд, в ее глазах блеснул свет, как у появившейся прошлой ночью змеи.

– Ты воплотил мои сны и последовал за моим духом сквозь лес: бестелесный образ, как тень мертвых. Поскольку ты – часть меня и обладаешь божественной силой.

– Это был не сон, – прервал ее Александр. – Я уверен, что видел все это наяву.

– Бывают места и времена, в которых сон и реальность путаются; бывают люди, способные пересекать пределы реальности и уходить в края, населенные тайной. Когда-нибудь ты покинешь меня, и мне придется уйти из моего тела и улететь в ночь, чтобы видеть тебя, слышать твой голос, твоё дыхание; чтобы быть рядом с тобой, когда я буду нужна тебе.

Оба не проронили больше ни слова, пока солнце не поднялось высоко в небо. На Беройской дороге их встретил Гефестион. Александр спешился и побежал ему навстречу.

– Как тебе удалось нас найти? – спросил он.

– Твой Буцефал оставляет следы, как дикий бык. Это было нетрудно.

– Что нового?

– Ничего особенно нового сказать не могу. Я отбыл вскоре после вас. Но, наверное, царь так напился, что не стоял на ногах. Думаю, его помыли и уложили спать.

– Думаешь, он вышлет за нами погоню?

– Зачем?

– Он хотел убить меня.

– Он просто напился. А как только проснется, сразу спросит: «Где Александр?»

– Не знаю. Мы много наговорили друг другу. Это трудно забыть обоим. И даже если отец захочет забыть это, всегда найдется кто-нибудь, чтобы тут же напомнить.

– Все может быть.

– Ты сказал Евмену про собаку?

– Первым же делом.

– Бедный Перитас. Ему будет плохо без меня: он подумает, что я его бросил.

– Не только ему будет без тебя плохо, Александр. Я бы тоже не вынес твоего отсутствия – потому и решил отправиться за тобой.

Они пришпорили коней и догнали Олимпиаду.

– Приветствую мою царицу, – сказал Гефестион.

– Здравствуй, мой мальчик, – ответила Олимпиада.

И они вместе продолжили путь.

– Где Александр?

Филипп только что вылез из ванны, и женщины растирали ему плечи и спину льняным полотенцем.

Подошел адъютант:

– Его нет, государь.

– Вижу, что нет. Надо позвать.

– Я хотел сказать, что он уехал.

– Уехал? Куда?

– Никто не знает, государь.

– А! – крикнул Филипп, швырнув на пол простыню, и, голый, начал широкими шагами расхаживать по комнате. – Я хочу, чтобы он сейчас же попросил у меня прощения за свои слова! Он выставил меня посмешищем перед гостями и женой. Разыщите его и немедленно приведите ко мне! Я разобью ему морду в кровь, я изобью его до...

Адъютант побледнел и стоял, ничего не говоря.

– Ты слушаешь меня, ради Зевса?

– Я слушаю тебя, государь, но Александр отбыл вскоре после того, как вышел из пиршественного зала, а ты был слишком... слишком не расположен принимать меры в отношении...

– Ты хочешь сказать, что я слишком напился, чтобы отдавать приказы? – заорал ему в лицо Филипп.

– В действительности, государь, ты не приказывал, и...

– Позовите царицу! Быстро!

– Которую, государь? – спросил адъютант в еще большем смущении.

– Которую, несчастный? На что мне эта девчонка? Позови мне царицу, быстро!

– Царица Олимпиада отбыла вместе с Александром, государь.

Ругань монарха была слышна даже в караульном помещении в глубине двора. Чуть погодя по лестнице сбежал царский адъютант, раздавая приказы всем, кто попадался на пути. Попавшиеся вскакивали на коней и в полный карьер отбывали во всех направлениях.

В этот день одна за другой прибывали иностранные делегации, и Филиппу пришлось принимать их, приветствовать и благодарить за роскошные свадебные подарки. Эти обязанности заняли все утро и день.

К вечеру царь устал как собака и пребывал в отвратительном настроении. И дело было не только в неделе праздников и пиршеств, но и в чувстве одиночества – впервые оно навалилось на него так тяжело.

Он отправил Эвридику спать, а сам поднялся на крышу и в свете луны долго ходил туда-сюда по обширной террасе. Вдруг в западном крыле дворца послышался настойчивый лай, а потом нескончаемый захлебывающийся вой.

Перитас понял, что Александра нет, и выражал луне свое отчаяние.

Глава 30

Через неделю трое беглецов добрались до Эпира и явились к царю Александру.

Молодой монарх уже знал обо всем случившемся, так как его осведомители пользовались эффективной системой срочной передачи сообщений и им не приходилось пробираться окольными путями.

Царь лично вышел встретить гостей, долго и тепло обнимал старшую сестру и племянника, а под конец и Гефестиона, с которым успел довольно хорошо познакомиться, когда гостил при дворе Филиппа в Пелле.

В этот вечер они спали в охотничьем домике, а через пару дней утром с почетным эскортом отправились в царскую резиденцию в Бутроте. Приморский город был мифическим сердцем маленького царства Эпир. Согласно легенде, там родился Пирр, сын Ахилла, приведший с собой в рабство вдову Гектора Андромеху и троянского прорицателя Гелена. Пирр сделал Андромеху своей наложницей, а потом передал ее Гелену. Как от первого, так и от второго союза родились дети, которые поженились между собой и дали начало царской династии.

Таким образом, со стороны матери Александр Македонский происходил как от величайшего из греческих героев, так и от рода Приама, правившего в Азии. Об этом пели поэты, развлекавшие за ужином царя и его гостей, спокойно проживших у него несколько дней. Но эпирский царь не питал иллюзий: он прекрасно понимал, что скоро следует ждать новых визитов.

Первый последовал однажды утром, на рассвете, когда царь только что встал с постели. Это был всадник из личной охраны Филиппа, с ног до головы покрытый грязью: в последнее время в горах непрерывно шел дождь.

– Царь гнедается, – сообщил он, даже не приняв ванну. – Он ожидал, что на следующий день Александр явится с извинениями за оскорбительные слова, которые он произнес перед всеми гостями и царской супругой.

– Мой племянник утверждает, что царь бросился на него с мечом в руке и что Аттал назвал царевича незаконнорожденным. Филипп должен понять, что его сын, в жилах которого течет та же кровь, обладает той же гордостью, тем же достоинством и очень схожим характером.

– Царю не нужны объяснения; он желает, чтобы Александр немедленно явился в Пеллу молить о прощении.

– Насколько я его знаю, он не сделает этого.

– Тогда он должен подумать о последствиях.

Александр спал чутко и слышал стук копыт по булыжной мостовой у караульного помещения. Он вскочил, накинул плащ и услышал слова прибывшего от отца посланника, хотя не видел его самого.

– Какие последствия? – спросил молодой монарх.

– Его друзья, за исключением Евмена, который служит царю секретарем, и Филоты, сына генерала Пармениона, будут отправлены в ссылку как изменники и заговорщики.

– Я поговорю с моим племянником и сообщу тебе ответ.

– Я подожду твоего возвращения, чтобы тут же отправиться обратно.

– Но разве ты не хочешь умыться и поесть? В этом доме гостей всегда принимают с радушием и честью.

– Не могу. И так уже плохая погода задержала меня в пути, – объяснил македонский посланник.

Царь вышел из зала для приемов и в коридоре столкнулся с племянником:

– Слышал?

Александр кивнул.

– Что думаешь делать?

– Я не паду к ногам отца. Аттал меня публично оскорбил, и царю следовало вмешаться, чтобы защитить мое достоинство. Он же вместо этого бросился на меня с мечом.

– Но твои друзья дорого заплатят за это.

– Знаю, и меня это очень мучает. Но у меня нет выбора.

– Это твой окончательный ответ?

– Да.

Царь обнял его:

– Я на твоём месте сделал бы то же самое. Пойду сообщу посланцу Филиппа о твоём ответе.

– Нет, погоди. Я сделаю это лично.

Укутавшись в плащ, Александр вошел, как был, босой, в зал для приемов. Посланник сначала онемел от удивления, потом почтительно склонил голову:

– Да хранят тебя боги, Александр.

– И тебя тоже, добрый друг. Вот ответ царю, моему отцу. Скажи ему, что Александр не может просить прощения, не получив извинений от Аттала и заверений от царя, что царице Олимпиаде больше не придется испытывать унижений подобного рода и что ее ранг македонской царицы будет должным образом подтвержден.

– Это все?

– Все.

Посланник поклонился и направился к выходу.

– Скажи ему еще... Скажи еще, что...

– Что?

– Что желаю ему доброго здоровья.

– Я передам.

Вскоре послышалось конское ржание и торопливый топот копыт, который быстро затих вдали.

– Даже не поел и не отдохнул, – послышался за спиной Александра голос царя. – Похоже, Филиппу не терпится услышать твой ответ. Идем, я велел подать завтрак.

Они вышли в небольшое помещение в царских палатах, где были накрыты два стола и стояли два кресла. На столах лежали свежий хлеб, нарезанная кусками скумбрия и рыба-меч на вертеле.

– Я поставил тебя в трудное положение, – сказал Александр. – Ведь это мой отец возвел тебя на трон.

– Да, правда. Но за это время я повзрослел: я уже не тот юноша, каким был прежде. Я прикрываю тыл Филиппа в этой области, и уверяю тебя, это не простая задача. Среди самих иллирийцев беспокойно, побережье опустошают пираты, а на суше доносят о движении других

племен, которые с севера спускаются к Истру. Твой отец нуждается во мне. Кроме того, я должен охранять достоинство моей сестры Олимпиады.

Александр поел рыбы и отхлебнул легкого пенящегося вина, прибывшего с Ионических островов. Продолжая жевать корку хлеба, он подошел к выходящему на море окну и спросил:

– Где Итака?

Царь указал на юг:

– Остров Одиссея вон там, примерно день пути по морю. А прямо перед нами – Керкира, остров феаков, где герой гостил в царстве Алкиноя.

– Ее не видно?

– Итаку? Нет. Да там и смотреть нечего. Одни козы да свиньи.

– Возможно, но все равно я бы хотел туда съездить. Хорошо бы прибыть туда вечером, когда море меняет цвет, когда вода и берег темнеют, и испытать то же, что чувствовал Одиссей, вернувшись туда через много лет. Я бы мог... Я уверен, что смог бы пережить те же чувства.

– Если хочешь, я отвезу тебя. Как я уже сказал, это недалеко.

Александр как будто пропустил предложение мимо ушей и перевел взгляд на запад, где из-за гор поднималось солнце, начиная окрашивать розовым края керкирских вершин.

– Там, за горами, и еще дальше за морем – Италия, верно?

Царь словно мгновенно просветлел лицом:

– Да, Александр, там Италия и Великая Эллада. Города, основанные греками, невероятно богаты и могущественны: Тарент, Локры, Кротон, Фурии, Регий и многие, многие другие. Там простираются безграничные леса и бродят огромные стада зверей. Пшеничные поля, которые не охватить взглядом. Горы, чьи вершины покрыты снегом круглый год и которые вдруг извергают огонь и заставляют трястись землю. А еще дальше, за Италией, лежит Сицилия, самая цветущая и прекрасная земля из всех известных. Там стоят могучие Сиракузы и Акрагант, Гела и Селинунт. А еще дальше лежит Сардиния, а еще дальше – Испания, богатейшая страна мира, где неистощимые серебряные рудники, и железные, и оловянные.

– Сегодня ночью мне приснился сон, – сказал Александр.

– Какой сон?

– Мы были вместе, я и ты, верхом, на вершине горы Имар, самой высокой в твоём царстве. Я сидел на Буцефале, а ты на Керавне, своём боевом скакуне, и на нас обоих лился свет, потому что одно солнце заходило в море на западе, а другое в то же время восходило на востоке. Два солнца, понимаешь? Волнующее зрелище. А потом мы распрощались, потому что ты хотел попасть туда, где солнце заходило, а я – где восходило. Разве не чудесно? Александр – к восходящему солнцу и Александр – к заходящему! И прежде чем попрощаться, прежде чем погнать своих коней к огненным шарам, мы дали друг другу торжественный обет: что никогда не встретимся, не завершив нашего похода, и местом нашей встречи будет...

– Какое? – спросил царь, не сводя с него глаз.

Александр не ответил, но его взгляд заволокла беспокойная мимолетная тень.

– Какое место? – настаивал царь. – В каком месте мы должны были встретиться?

– Этого я не запомнил.

Глава 31

Александр отдавал себе отчет, что скоро его присутствие в Бутроте станет невыносимым, как для него самого, так и для Александра Эпирского, который продолжал получать настойчивые требования Филиппа выслать его сына в Пеллу, чтобы тот искупил вину, перед всем двором попросив у него прощения.

Молодой царевич уже принял решение уехать.

– Но куда? – спросил его царь.

– На север, где он не найдет меня.

– Ты не сможешь там жить. В тех землях господствуют дикие полукочевые племена, постоянно воюющие между собой. К тому же начинается зима. Там заснеженные горы – ты никогда не попадал в снега? Это самый страшный враг.

– Я не боюсь.

– Это я знаю.

– И потому уйду. Не тревожься за меня.

– Я не отпущу тебя, если ты не скажешь мне свой маршрут. Если ты мне понадобишься, я должен знать, где искать тебя.

– Я сверился с твоими картами. Поеду к озеру Лихнитис, на его западный берег, а оттуда по долине Дрилона вглубь материка.

– Когда хочешь отбыть?

– Завтра. Гефестион поедет со мной.

– Нет. Я отпущу вас не раньше чем через два дня. Я должен приготовить вам все к дороге. И дам выючного коня для поклажи. Когда продукты закончатся, можете продать коня и продолжить путь.

– Спасибо тебе, – сказал Александр.

– Я дам тебе также письма для иллирийских вождей в Хелидонии и Дардании. Они могут пригодиться. У меня есть друзья в тех краях.

– Надеюсь, когда-нибудь я смогу отплатить тебе за все.

– Не стоит говорить об этом. И не падай духом.

В тот же день царь спешно написал письмо и с самым быстрым из своих гонцов отправил его Каллисфену в Пеллу.

В день отъезда Александр пошел попрощаться с матерью, и она обняла его, плача горячими слезами и от всей души проклиная Филиппа.

– Не кляни его, мама, – попросил ее Александр. Ему было грустно.

– Почему? – крикнула Олимпиада. – Почему? Он унизил меня, ранил, вынудил нас отправиться в изгнание. А теперь тебе приходится бросить меня и бежать еще дальше, чтобы среди зимы скитаться в чужих краях. Желаю ему самой лютой смерти! Пусть испытает все те муки, которые навлек на меня!

Александр посмотрел на нее, и у него сжалось сердце. Его напугала эта ненависть матери, своей силой напоминавшая злобу героинь трагедий, столько раз виденных им на сцене: Клитемнестры, хватающей секиру, чтобы зарубить Агамемнона, или Медеи, убивающей собственных детей, чтобы больнее отомстить своему неверному мужу Язону.

В этот момент ему вспомнилась другая страшная история, которую в Пелле кто-то рассказывал ему про царицу: будто во время церемонии посвящения в культ Орфея Олимпиаду кормили человеческим мясом. Он видел в ее огромных, наполненных тьмой глазах такой отчаянный гнев, что поверил: эта женщина способна на все.

– Не кляни его, мама, – повторил он. – Возможно, это даже правильно, что я испытаю одиночество и изгнание, холод и голод. Это урок, которого не хватало среди тех, что хотел мне преподать отец. Возможно, теперь он хочет научить меня и этому. Возможно, этот последний урок никто, кроме него, не мог бы мне дать.

Александр с трудом освободился из ее объятий, вскочил на Буцефала и сильно ударил его пятками.

Жеребец заржал, взмахнув в воздухе передними копытами, и бросился в галоп, храпя раздутыми ноздрями. Гефестион поднял руку в прощальном жесте и тоже прищипорил своего коня, держа в поводу выючную лошадь.

Полными слез глазами Олимпиада смотрела им вслед, пока всадники не исчезли из виду, направляясь на север.

Письмо эпирского царя достигло Каллисфена через несколько дней. Племянник Аристотеля с нетерпением распечатал его и быстро прочел:

*Александр, царь молоссов – Каллисфену
Здравствуй!*

Надеюсь, что ты пребываешь в добром здравии. Жизнь моего племянника Александра протекает в Эпире безмятежно, вдали от военной жизни и ежедневных забот правительства. Дни он проводит, читая трагических поэтов, особенно Еврипида и, разумеется, Гомера в той редакции, что подарил ему в шкатулке его учитель и твой дядя Аристотель. Или же он декламирует их, аккомпанируя себе на цитре.

Иногда он выезжает на охоту...

Чем дальше Каллисфен читал послание, тем больше удивлялся его банальности и полной неуместности. Эпирский монарх не сообщал ничего важного или личного, он прислал совершенно пустое письмо. Но зачем?

Разочарованный, Каллисфен положил папирус на стол и стал расхаживать взад-вперед по комнате, стараясь понять, что может означать это письмо, когда вдруг, бросив взгляд на лист, увидел на внешних краях зарубки – едва заметные царапины. Посмотрев внимательнее, он понял, что они аккуратно сделаны ножницами.

Каллисфен хлопнул себя по лбу:

– Как же я сразу не сообразил! Ведь это же шифр пересекающихся многоугольников.

Он знал один шифр, о котором рассказывал ему Аристотель, и сам научил этой хитрости эпирского царя, думая, что это может когда-нибудь пригодиться.

Каллисфен взял линейку и начал соединять все зарубки согласно определенному правилу, а потом отметил все точки пересечения. К каждой стороне внутреннего многоугольника он построил перпендикуляры и получил другие пересечения.

На каждое пересечение пришлось по слову, и Каллисфен переписал их одно за другим в заданной последовательности. Простой и гениальный способ для отправки тайных сообщений.

Закончив, он немедленно сжег письмо и побежал к Евмену. Каллисфен нашел грека, когда тот, зарывшись в свои карточки, рассчитывал налоги и прикидывал расходы, необходимые для обеспечения дополнительных четырех батальонов фаланги.

– Мне нужны кое-какие сведения, – сказал Каллисфен и стал шептать ему что-то на ухо.

– Они уже три дня как отбыли, – ответил Евмен, отрываясь от своих карточек.

– Да, но куда они отправились?

– Не знаю.

– Прекрасно знаешь.

– Кому нужны эти сведения?

– Мне.

– Тогда не знаю.

Каллисфен подошел к нему и еще что-то шепнул на ухо, потом добавил:

– Можешь послать ему сообщение?

– Сколько времени дашь мне на это?

– Не больше двух дней.

– Это невозможно.

– Тогда я сам это сделаю.

Евмен покачал головой:

– Дай сюда. Что ты хочешь сделать?

Александр и Гефестион взобрались на Аргиринскую горную гряду, вершины которой уже запорошило снегом, а потом спустились в долину реки Аой, что золотой лентой горела на дне ярко-зеленой впадины. Лесистые склоны гор с приближением осени начали менять цвет. По небу плыли длинные вереницы журавлей, с жалобной песней покидавших свои гнезда и улетающих далеко-далеко, к самой стране пигмеев.

Два дня Александр и Гефестион спускались по долине реки Аой, что текла на север, а потом перебрались через Апис и направились вверх по его течению. Оставив позади земли, подвластные Александру Эпирскому, они углубились в Иллирию.

Здесьнее население ютилось в маленьких деревушках, за стенами из сложенных без раствора камней, кормясь скотоводством, а порой и разбоем. Но Александр и Гефестион в варварских штанах и плащах из греческой шерсти – жутких с виду, но хорошо защищавших от дождя – очень напоминали своих, и на них не обращали здесь никакого внимания.

Когда двое всадников начали подниматься к внутренним грядам, пошел снег, и заметно похолодало. Кони, выпуская из ноздрей облака пара, еле брели по обледенелой дороге, так что Александру и Гефестиону приходилось спешиваться, по мере сил помогая животным перебираться по обрывистым склонам.

Иногда, взойдя на какой-нибудь перевал, юноши останавливались и оглядывались назад, на равнину, чистота которой нарушалась лишь их только что оставленными следами.

На ночь им приходилось искать убежища, где можно развести костер, чтобы высушить промокший хлеб и немного отдохнуть на расстеленных плащах. И часто, прежде чем уснуть, они долго смотрели на полыхающий огонь и большие чистые кружащиеся снежинки или заворуженно слушали волчий вой, эхом отдававшийся в безлюдных долинах.

Они были еще очень молоды и помнили о недавнем отрочестве, и в эти моменты их охватывало чувство глубокой тоски. Порой они натягивали на плечи плащи и крепко обнимались в темноте; и в этих безграничных просторах пустыни им вспоминались их детские тела и те ночи, когда они маленькими перебирались друг к другу в постель, напуганные кошмарами или воем кричавшего под пытками осужденного.

И леденящий мрак, и безнадежное будущее заставляли их искать тепла друг у друга, искать забвения в своей хрупкой и одновременно могучей наготе, в своем гордом и отчаянном уединении.

Ледяной, мертвенно-бледный рассвет возвращал их к реальности, и жестокий голод толкал на поиски пищи.

Увидев в снегу следы зверей, они останавливались поставить капкан на скудную добычу: кролика или горную куропатку, которых пожирали прямо сырыми, выпив кровь. Иной раз приходилось уходить ни с чем, голодными и окоченевшими от пронизывающего холода. И их кони тоже подвергались лишениям, питаясь лишь сухой травой, которую добывали из-под снега копытами.

В конце концов после долгих дней сурового похода, изнуренные холодом и голодом, они увидели в бледном свете зимнего неба блеск – это была замерзшая поверхность озера Лихнитис. Беглецы шагом пустились к его южному берегу, надеясь до наступления темноты добраться до деревни с тем же названием и, возможно, переночевать в тепле у огня.

– Видишь на горизонте этот дым? – спросил друга Александр. – Наверняка внизу должна быть деревня. Там коням дадут сена, а нас накормят и позволят растянуться на соломе.

– Это слишком здорово, чтобы мечтать, – ответил Гефестион. – Ты в самом деле думаешь, что возможны такие чудеса?

– О да! А возможно, нам дадут и женщин. Как-то раз я слышал от отца, что варвары на материке предлагают их путникам в знак гостеприимства.

Снова повалил снег, и кони с трудом шли, проваливаясь на каждом шагу; ледяной ветер до костей пронизывал поношенную одежду. Вдруг Гефестион натянул поводья:

– О боги! Смотри!

Александр откинул капюшон и всмотрелся в метель – путь преграждал отряд из нескольких человек; они неподвижно сидели на конях, в заснеженных капюшонах и с дротиками в руках.

– Думаешь, они поджидают нас? – спросил царевич, хватаясь за меч.

– Полагаю, да. Но мы это скоро узнаем, – ответил Гефестион, в свою очередь хватаясь за меч и прищипывая коня.

– Боюсь, придется пробиваться, – заметил Александр.

– И я боюсь того же, – вполголоса ответил Гефестион.

– Что-то не хочется отказываться от горячей пищи, постели и разведенного огня. Да и от красивой девушки тоже. А тебе?

– Пожалуй.

– По моей команде?

– Хорошо.

Но пока они готовились броситься в атаку, тишину долины нарушил крик:

– Турма Александра приветствует своего командира!

– Птолемей!

– Я!

– Пердикка!

– Я!

– Леоннат!

– Я!

– Кратер!

– Я!

– Лисимах!

– Я!

– Селевк!

– Я!

Последнее эхо затихло над замерзшим озером, и Александр со слезами на глазах уставился на шестерых всадников, застывших под снегопадом, потом обернулся к Гефестиону и, не веря, покачал головой:

– Великий Зевс! Это наши ребята!

Глава 32

Через три месяца после свадьбы Эвридика родила девочку, которую нарекли Европой, и вскоре снова забеременела. Филипп не мог надолго отдаться радостям отцовства как из-за назревающих политических событий, так и из-за своего непостоянства. Да и со здоровьем возникли проблемы: он так толком и не залечил раненный в бою левый глаз и теперь совсем им не видел.

В эту зиму царю нанес визит его осведомитель Евмолп из города Солы, пересекший море в ужасную погоду, поскольку известия не терпели отлагательств. Привыкший к мягкому климату, здесь он посинел от холода, и царь усадил его поближе к огню и велел слугам подать гостю вина покрепче и послаще, чтобы тот легче ворочал окоченевшим языком.

– Ну, какие известия ты мне привез, друг мой?

– Богиня Тихэ на твоей стороне, царь. Послушай, что случилось при персидском дворе: как ты и представлял, новый монарх Арзес очень скоро понял, кто во дворце истинный хозяин, и, не в силах терпеть этого, попытался отравить Багоя.

– Того кастрата?

– Его самого. Но Багой ожидал подобного: он раскрыл заговор и принял собственные меры. Он подсыпал царю яда первым. После чего перерезал всех его сыновей.

– Великие боги! Этот мерин ядовитее скорпиона.

– Воистину так. Однако в результате прямая наследственная линия оказалась прервана. Одних убил Артаксеркс Третий, других Багой, и не осталось ни одного прямого наследника.

– И что же теперь?

– И вот Багой выудил кого-то из побочной ветви и посадил его на трон под именем Дария Третьего.

– Кто же такой этот Дарий Третий?

– Его дедом был Остан, брат Артаксеркса Второго. Ему сорок пять лет, и он любит как женщин, так и мальчиков.

– Ну, эта подробность имеет лишь относительную ценность, – заметил Филипп. – Нет ли у тебя более интересных сведений?

– До того как его сделали царем, он был сатрапом Армении.

– Провинция не из легких. Должно быть, упрямый тип.

– Лучше сказать: грубый. Кажется, он собственноручно убил на поединке одного мятежника из племени кадузлов.

Филипп провел рукой по бороде.

– Похоже, этот скопец нашел орешек себе по зубам.

– Да, – кивнул Евмолп. – Похоже, Дарий намеревается взять под полный контроль Провинции и вновь установить свое прямое правление во всех греческих городах Малой Азии. Даже ходят слухи, что он хочет формально подчинить себе македонскую корону, но меня это не очень заботит. Как противник Дарий, несомненно, тебе не чета: едва слышав твой рык, он спрячется под кровать.

– Это мы увидим, – заметил Филипп.

– Тебе нужно что-нибудь еще, государь?

– Ты хорошо поработал, но теперь будет труднее. Ступай к Евмену и получи награду. Возьми денег еще, если понадобится заплатить осведомителям. Ничто из происходящего при дворе Дария не должно от нас ускользнуть.

Евмолп с благодарностями удалился, не чая часа, когда снова окажется в тепле своего приморского города.

Через несколько дней монарх собрал в царской оружейной палате военный совет. Явились Парменион, Антипатр, Клит Черный и царский тесть Аттал.

– Ни одно слово из того, что я вам скажу, не должно выйти за пределы этих стен, – начал Филипп. – Царь персов Арзес убит, и вместо него на трон возведен его родственник, названный Дарием Третьим; кажется, этот человек не лишен достоинств, но ему придется потратить немало времени, чтобы укрепить свою власть. И стало быть, пришло время действовать: Аттал и Парменион во главе пятнадцатитысячного войска как можно скорее отправляются в Азию, занимают восточный берег нашего моря и от моего имени провозглашают освобождение греческих городов от персидского господства. Тем временем я завершаю вербовку солдат, чтобы присоединиться к вам и начать вторжение.

Остальное время совет посвятил разбору деталей и решению вопросов по обеспечению тыла, а также политических и военных аспектов операции. Но больше всего поразил присутствующих тот усталый тон, которым говорил царь, отсутствие энтузиазма и пыла, к которым все привыкли. И Парменион, прежде чем уйти, подошел к нему:

– Что-то не так, государь? Может быть, ты не совсем здоров?

Провожая своего стратега к выходу, Филипп положил руку ему на плечо:

– Нет, старина, нет. Все хорошо.

Филипп лгал: отсутствие Александра, которому в первый момент он не придал большого значения, с каждым днем все более угнетало его. Пока юноша оставался в Эпире с матерью и дядей, Филипп заботился лишь о том, чтобы вернуть его и заставить публично проявить покорность, но отказ сына, а затем и его бегство на север вызвали в царе бешенство, сменившееся тревогой и унынием.

Если кто-то пытался выступить в роли посредника между царем и его сыном, Филипп приходил в ярость, вспоминая нанесенное ему оскорбление; если никто не говорил с ним об этом, он мучился отсутствием известий. Македонский царь повсюду напускал своих шпионов; он посылал гонцов к вождям северных племен, чтобы те непрерывно сообщали о передвижениях Александра и Гефестиона. Ему удалось узнать, что отряд сына увеличился на шесть воинов, прибывших из Фессалии, Акарнании и Афамании, и было нетрудно догадаться, кто эти шестеро.

Турма Александра была почти полностью укомплектована заново, и не проходило дня, чтобы Филипп не порекомендовал Пармениону не спускать глаз со своего сына, чтобы и тот не отправился в эту банду горемык, бесцельно блуждающую в иллирийских снегах. Филипп с подозрением поглядывал даже на Евмена, словно ожидая, что он тоже с минуты на минуту бросит свои таблички, предпочтя им опасные приключения.

Порой Филипп в полном одиночестве переезжал в древнюю столицу Эги. Там он часами стоял, глядя на чистейшие снежинки, на погруженные в тишину леса голубые ели, на маленькую долину, откуда произошла его династия, и думал об Александре и его друзьях, скитающихся где-то по заледенелым северным краям.

Он будто воочию видел, как они ковыляют в метелях на своих вязнущих по брюхо в снегу конях, под ветром, треплющим их изодранные плащи, покрытые коркой льда. Он переводил взгляд на огромный каменный очаг, на крепкие дубовые поленья, пышущие жаром в древних стенах тронного зала, и представлял себе этих юношей, наваливающих гнилой валежник в случайном приюте, усталых, изможденных, не спящих всю ночь, опираясь на копье, когда волчий вой раздается слишком близко.

Стали приходиться еще более тревожные сообщения. Александру и его спутникам не только удалось ценой тяжелейших лишений перенести зиму – их приняли как союзников некоторые племенные вожди, жившие вблизи македонских границ. Изгнанники порой принимали участие в междоусобных распрях диких племен, выслуживая на поле брани договор о дружбе с ними, а иногда даже подчиняли себе мелких вождей. Рано или поздно это начнет представлять собой угрозу македонскому престолу.

Нечто в этом юноше неодолимо очаровывало всех, кто общался с ним: мужчин, женщин и даже животных. Как объяснить тот факт, что Александру с первой же попытки удалось всколотить на того демона, позже названного Буцефалом, и приручить его, как ягненка?

А как объяснить, что Перитас, зверь, способный одним движением челюстей перегрызть кабанью берцовую кость, томился без еды, часами пролеживая на дороге, по которой скрылся его хозяин?

А Лептина, эта девчонка, вытащенная из кошмара Пангея, – она каждый день приготавливала Александру ванну и стелила постель, словно он должен с минуты на минуту приехать. И ни с кем не разговаривала.

Филиппа также начали тревожить отношения с Эпирским царством, подрываемые Олимпиадой. Она все еще оставалась там, рядом с молодым монархом, ее братом. Злоба могла толкнуть царицу на все, лишь бы насолить мужу, расстроить его планы, как политические, так и семейные. Эпирский царь Александр оставался Филиппу другом, но определенно он искренне переживал за своего племянника, изгнанного и скитающегося в землях варваров. Требовалось привязать его к трону в Пелле более крепкими обязательствами и отрезать царицу с ее вредо-

носным влиянием. Это было единственным решением, а времени для его исполнения почти не оставалось.

Однажды Филипп послал за своей дочерью Клеопатрой – последней представительницей его первой семьи.

Царевна была во всем блеске своих восемнадцати лет, с огромными зелеными глазами, длинными, отливающими медью волосами и телом олимпийской богини. И не было ни одного знатного македонянина, кто не мечтал бы получить ее в жены.

– Пришло время выдать тебя замуж, доченька, – сказал царь.

Клеопатра повесила голову:

– Наверное, ты уже выбрал мне мужа.

– Да, – подтвердил Филипп. – Это будет Александр Эпирский, брат твоей матери.

Девушка ничего не сказала, но было видно, что она не так уж огорчена решением отца. Ее дядя молод, красив и доблестен, его уважают подданные, а характером он напоминает ее брата Александра.

– Ты ничего не скажешь? – спросил царь. – Может быть, ты ожидала кого-нибудь другого?

– Нет, отец мой. Я прекрасно знаю, что должна следовать твоему выбору, и потому никогда не думала ни о ком, чтобы не перечить тебе. Лишь одно я хотела бы спросить у тебя.

– Говори, дочь моя.

– Мой брат Александр будет приглашен на свадьбу?

Филипп резко отвернулся, словно от удара.

– Твой брат больше для меня не существует, – проговорил он ледяным тоном.

Клеопатра разразилась слезами:

– Но почему, отец? Почему?

– Ты сама знаешь почему. Ты была там. Ты видела, как он унизил меня на глазах у представителей всех греческих городов, перед моими стратегами и вельможами.

– Отец, он же...

– Не смей защищать его! – закричал царь. – Я послал его учиться к Аристотелю, я пригласил Лисиппа изваять его образ, я отчеканил монету с его изображением. Ты понимаешь, что это значит? Нет, дочь моя, оскорбление и неблагодарность были слишком велики, слишком велики...

Клеопатра рыдала, закрыв лицо руками, и Филипп хотел было подойти к ней, но, не желая еще больше расстраиваться, остался на месте.

– Отец... – снова попыталась заговорить девушка.

– Не защищай его, сказано тебе!

– А я буду! Я тоже была там в тот день и видела, как моя мать побледнела, глядя на тебя, когда ты, пьяный, положил руки на грудь своей молодой жене и гладил ее живот. И Александр видел это, а он любит свою мать. Может быть, он должен вышвырнуть ее из своей жизни, как ты?

Филипп в ярости воздел руки к небу.

– Это все Олимпиада! Это она настроила тебя против меня! Что, не так? – взревел он, побагровев от гнева. – Вы все против меня, все!

Клеопатра упала к его ногам и обняла колени:

– Это неправда, отец, неправда, мы лишь хотим, чтобы ты опомнился. Конечно, Александр был опрометчив. – (При этих словах Филипп как будто немного успокоился.) – Но как ты не понимаешь? Даже не пытаешься понять! Как бы ты поступил на его месте? Если бы кто-то публично назвал тебя незаконнорожденным? Ты бы не вступился за честь своей матери? Не этому ли ты всегда учил своего сына? А теперь, когда он стал похож на тебя, когда повел себя так, как ты хотел от него, ты от него отказываешься. Ты хотел Ахилла! – продолжала

Клеопатра, подняв мокрое от слез лицо. – Ты хотел Ахилла и получил его. Гнев Александра – это гнев Ахилла, отец!

– Если его гнев – гнев Ахилла, то мой – гнев Зевса!

– Но он тебя любит, любит и страдает, я знаю, – вновь зарыдала Клеопатра, заставив отца попятиться.

Филипп, сжав губы, молча посмотрел на нее и повернулся, чтобы уйти.

– Готовься, – сказал он из дверей. – Свадьба состоится через шесть месяцев.

И вышел.

Евмен видел, как царь с мрачным лицом вошел к себе, но сделал вид, будто ничего не замечает, и проследовал мимо с охапкой свитков.

Но потом, когда дверь закрылась, вернулся и приложил к ней ухо. Царь плакал.

Глава 33

Евмен тихо удалился и направился в свою комнату, расположенную в глубине царского архива. Там он уселся за стол, подперев голову руками, и долго в задумчивости сидел так. А потом принял решение.

Он изъясил из архива один кошелек, оправил плащ на плечах, провел рукой по волосам и, снова выйдя в коридор, приблизился к кабинету царя.

Набрав в грудь воздуха, Евмен постучал.

– Кто там?

– Евмен.

– Входи.

Секретарь закрыл за собой дверь. Филипп не поднял головы, как будто изучая лежащий перед ним документ.

– Государь, поступило одно предложение на брак.

Царь рывком поднял голову. На лице его был шрам, а уцелевший глаз покраснел от усталости, гнева и слез.

– Какое именно? – спросил Филипп.

– Персидский сатрап, а также царь Карики Пиксодар предлагает руку своей дочери для царевича из твоего царского дома.

– Он прислал это не в добрый час. Я не веду переговоров с персами.

– Государь, я полагаю, что можно договориться. Пиксодар не совсем перс, он от имени Великого Царя правит прибрежной провинцией в Малой Азии и контролирует Галикарнасскую крепость. Если ты готовишься форсировать Проливы, то можешь сделать важный стратегический выбор. Особенно сейчас, когда персидский трон еще не в надежных руках.

– Возможно, ты не так уж не прав. Мое войско отправляется через несколько дней.

– Есть еще один резон.

– Ты бы кого выбрал?

– Ну, я думал...

– Арридей. Вот кого мы на ней женим. Мой сын Арридей – полудурок, он не сможет натворить больших бед. А если на ложе он ее не удовлетворит, я сам позабочусь о женошке. Как она?

Евмен вытащил из кошелька и положил на стол маленький портретик – определенно работу греческого художника – и показал его Филиппу.

– Кажется, очень мила, но не следует доверяться портрету: когда видишь их живьем, иногда случаются такие сюрпризы...

– Так что мне делать?

– Напиши, что я тронут и польщен его просьбой и что выбрал для девушки доблестного царевича Арридея, молодого, храброго в битве, человека высоких чувств и обладающего всеми прочими достоинствами. Потом принеси мне письмо на подпись.

– Хорошее решение, государь. Я все исполню немедленно. – Он направился к двери, но остановился, как будто вспомнил что-то важное. – Можно задать тебе один вопрос, мой государь?

Филипп с подозрением посмотрел на него:

– О чем это?

– Кто будет командовать войском, которое ты отправляешь в Азию?

– Аттал и Парменион.

– Прекрасно. Парменион – великий воин, а Аттал...

Филипп недоверчиво уставился на него.

– Я хочу сказать, что удаление Аттала могло бы послужить...

– Еще одно слово, и я вырву тебе язык.

Однако Евмен продолжил:

– Пора вызвать твоего сына, государь. По многим здравым причинам.

– Молчи! – закричал Филипп.

– Во-первых, из политических соображений: как ты убедишь греков, что нужно жить в мире между собой, в общем союзе, если не можешь сохранить мир в собственной семье?

– Молчи! – проревел царь, стукнув большим кулаком по столу.

Евмен почувствовал, как сердце в груди замерло, и понял, что его смертный час уже пришел. Однако ситуация сложилась отчаянная, так что стоит умереть мужчиной, решил Евмен и потому продолжил:

– Во-вторых, из личных соображений: все испытывают такую же страшную тоску по этому юноше, как и ты, государь.

– Еще одно слово, и я заточу тебя в тюрьму.

– И Александр тоже страшно страдает от всего этого.

– Стража! – взревел Филипп. – Стража!

– Уверяю тебя. И царица Клеопатра только и делает, что плачет.

Лязгая оружием, вошла стража.

– У меня есть письмо от Александра, который сообщает...

Стражники схватили его сзади за руки.

Александр – Евмену

Здравствуй!

Филипп сделал им знак подождать.

Я рад тому, что ты рассказываешь о моем отце: что он бодр, пребывает в добром здравии и готовит великий поход на варваров в Азию.

Царь сделал стражникам знак, чтобы ушли.

Но в то же время известие, полученное от тебя, глубоко меня печалит.

Евмен остановился и внимательно посмотрел на своего собеседника. Царь пребывал в смятении, его охватило волнение, а его единственный глаз усталого циклопа мерцал под наморщенным лбом, как уголек.

– Дальше, – сказал он.

Я всегда мечтал принять участие в этом грандиозном деле и сразиться рядом с ним, чтобы он увидел, как я всю мою жизнь старался сравняться с ним в доблести и величии.

К сожалению, обстоятельства вынудили меня совершить непоправимый поступок, и ярость вывела меня за границы, которые сын не должен переходить в отношениях к отцу никогда.

Но определенно в этом была воля какого-то бога, ибо, когда мужчина теряет контроль над собой, выполняется предначертанное.

Друзья мои пребывают в здравии, но, как и я, очень грустят от разлуки с родиной и любимыми людьми. К их числу, мой добрый Евмен, относись и ты. Помогай царю, как только можешь, в чем мне, к несчастью, отказано. Оставайся в добром духе.

Евмен положил письмо и взглянул на Филиппа – тот закрыл лицо руками.

– Я позволил себе... – чуть погодя проговорил секретарь.

Царь вскинул голову:

– Что еще ты себе позволил?

– Подготовить письмо...

– Великий Зевс, я убью этого грека, задушю собственными руками!

В это время Евмен чувствовал себя как капитан корабля, который долго боролся с волнами посреди бушующего моря и уже с порванным парусом и пробоиной в борту оказался вблизи порта – и вот просит измученный экипаж сделать последнее усилие. Он глубоко вздохнул и, вытащив из сумки другой лист, начал читать под недоуменным взглядом царя:

Филипп, царь македонян – Александру

Здравствуй!

То, что произошло в день моей свадьбы, стало для меня причиной безграничной горести, и я решил, несмотря на мою привязанность к тебе, что ты навеки удалишься с моих глаз. Но время – хороший врач и умеет успокаивать самую тяжелую боль.

Я долго думал о случившемся и, полагая, что умудренные годами и имеющие богатый жизненный опыт должны подавать пример молодым, часто подверженным страстям, решил положить конец изгнанию, на которое осудил тебя.

Это прощение касается и твоих друзей, которые нанесли мне тяжкое оскорбление, решив последовать за тобой.

В данном случае отцовская милость возобладала над суровой справедливостью монарха. Взамен прошу от тебя всего лишь объявить о своем сожалении за то оскорбление, которое мне пришлось перенести, и заверить меня в том, что твоя сыновняя любовь не позволит тебе снова создать подобную ситуацию.

Береги себя.

Евмен с открытым ртом неподвижно застыл посреди комнаты, не зная, чего ожидать в следующий момент. Филипп молчал, но было ясно: он пытается скрыть охватившие его чувства. Царь повернулся к секретарю слепым, неспособным плакать глазом.

– Что-то тебе не нравится, государь? – наконец набрался мужества спросить Евмен.

– Я не сумел бы написать лучше.

– В таком случае, если ты согласишься подписать...

Филипп протянул руку, взял тростинку и обмакнул ее в чернильницу, но потом задержал руку под тревожным взглядом грека.

– Что-то не так, государь?

– Нет-нет, – проговорил царь, ставя свою подпись.

Однако после этого он подвинул лист и проскрипел пером в нижнем углу. Евмен взял послание, посыпал золой, сдул ее и, поклонившись, быстро и легко, пока царь не передумал, направился к двери.

– Минутку, – окликнул его Филипп.

Передумал.

Евмен остановился:

– Что угодно, государь?

– Куда ты отправишь это письмо?

– Ну, я позволил себе поддерживать кое-какие контакты, чтобы получать некоторые сведения...

Филипп покачал головой:

– Шпион. Вот кому я плачу за работу в моей администрации. Рано или поздно я задушу этого грека. Клянусь Зевсом, вот этими самыми руками!

Евмен снова поклонился и покинул комнату. Пока он спешил в свой кабинет, его взгляд упал на несколько слов, которые царь приписал ниже подписи:

Если откажешься, я тебя убью.

Но мне не хватает тебя.

Отец

Глава 34

Аттал и Парменион высадились в Азии, не встретив сопротивления, и греческие города на восточном побережье приняли их как освободителей, воздвигнув статуи македонского царя и устроив пышные пиршества.

На этот раз Филипп с энтузиазмом встретил известия от своих гонцов: момент для его похода в Азию не мог быть благоприятнее. Персидская держава все еще испытывала трудности из-за недавнего династического кризиса, в то время как македонянин имел мощное войско, не знающее себе равных в мире по доблести, верности, сплоченности и решительности; Филипп располагал стратегами высочайшего уровня, искусными в военном искусстве; у него был наследник трона, воспитанный на идеалах гомеровских героев и философской рассудительности, царевич гордый и неукротимый.

Пришла пора отправиться в последний поход, самый дерзкий во всей его жизни. Решение принято, и все подготовлено: Александр будет возвращен, узы с царством Эпир укрепятся незабываемой свадьбой Клеопатры, после чего Филипп со своими воинскими частями присоединится к тем, что уже стоят у Проливов, – для решительного броска.

И все-таки, когда все уже было подготовлено и как будто складывалось наилучшим образом, когда Александр сообщил, что приедет в Пеллу и с большой помпой прибудет на свадьбу своей сестры, царя не покидало странное беспокойство, не дававшее ему заснуть по ночам.

Однажды, в начале весны, Филипп велел сказать Евмену, чтобы тот составил ему компанию во время верховой прогулки: нужно поговорить. Это было необычно, но секретарь напялил фракийские штаны, скифский камзол, сапоги и широкополую шляпу, взял достаточно старую и спокойную кобылу и явился в назначенное место. Филипп искоса посмотрел на него:

– Куда это ты собрался, на завоевание Скифии?

– Так мне посоветовал мой слуга, государь.

– Это и видно. Ну, поехали.

Царь пустил своего скакуна в галоп, и они стали удаляться по дороге, ведущей из города.

Крестьяне уже вышли в поле на прополку пшеницы и проса и подрезку виноградных лоз.

– Посмотри вокруг! – воскликнул Филипп, переводя коня на шаг. – Посмотри вокруг! Прошло всего одно поколение, а горский народ, народ полуварваров-пастухов, преобразился – теперь это нация земледельцев, живущих в городах и деревнях под эффективным и упорядоченным управлением. Я позволил им гордиться принадлежностью к этой стране. Я выковал их, как металл в горне, сделал из них непобедимых воинов. А Александр насмеялся надо мной за то, что я немного выпил на пиру; он говорил, что мне не под силу даже перескочить с ложа на ложе...

– Не думай больше об этом, государь. Вы оба пострадали: Александр поступил не так, как должно, но и был сурово наказан. А ты – великий монарх, самый великий из всех на земле, и он знает это и гордится этим, клянусь тебе.

Филипп замолчал. Когда они подъехали к чистому холодному ручью, который питали снега, тающие на горных вершинах, царь спешился и сел на камень, ожидая Евмена.

– Я уезжаю, – объявил он секретарю.

– Уезжаешь? Куда?

– Александр не вернется еще дней двадцать, а я хочу съездить в Дельфы.

– Тебе лучше держаться отсюда подальше, государь: они втянут тебя в новую священную войну.

– Пока я жив, в Греции не будет новых войн, ни священных, ни нечестивых. Я еду не на совет святилища. Я еду в само святилище.

– В святилище? – ошеломленно повторил Евмен. – Но, государь, оно принадлежит тебе. Оракул скажет все, что ты захочешь.

– Ты так думаешь?

Начинало припекать. Евмен снял камзол, обмакнул в воду платок и обтер лоб.

– Я тебя не понимаю. Именно ты задаешь мне такой вопрос! Ты же сам видел, как совет манипулирует оракулом по своему усмотрению, как заставляет бога говорить то, что устраивает определенный военный или политический союз...

– Верно. И все же богу иногда удается сказать правду, несмотря на наглость лживых людей, призванных служить ему. Я уверен в этом. – Филипп оперся локтями о колени и опустил голову, слушая журчание ручья.

У Евмена не нашлось слов. Что хотел сказать царь? Человек, переживший все крайности, знакомый и с подкупом, и с двурушничеством, видевший, как человеческая злоба разворачивается во всевозможных зверствах. Чего этому человеку, покрытому видимыми и невидимыми шрамами, нужно в Дельфах?

– Ты знаешь, что написано на фасаде святилища? – спросил царь.

– Знаю, государь. Там написано: «Познай самого себя».

– А знаешь, кто написал эти слова?

– Бог?

Филипп кивнул.

– Понятно, – сказал Евмен, ничего не понимая.

– Я отправляюсь завтра. Инструкции и царскую печать я оставил Антипатру. Приведи в порядок палаты Александра, искупай его собаку, вычисти стойло Буцефала. Пусть его доспехи засияют. И проследи, чтобы Лептина, как обычно, приготовила моему сыну постель и ванну. Все должно быть точно так же, как было до его отъезда. Но никакого праздника, никаких пиров. Нечего праздновать: мы оба отягощены горем.

Евмен согласно кивнул:

– Езжай спокойно, государь: все будет исполнено, как ты просишь, и наилучшим образом.

– Знаю, – пробормотал Филипп. Он похлопал секретаря по плечу, вскочил на коня и скрылся из виду.

На следующий день на рассвете Филипп с небольшим эскортом направился на юг, сначала через македонскую равнину, а потом через Фессалию. К Дельфам царь приехал из Фокиды после шести дней пути. Город, как обычно, заполняли паломники.

Они прибывали сюда со всего света, даже с Сицилии и Адриатического моря, где на одином острове посреди моря возвышается город Спина. Вдоль дороги, ведущей в святилище, стояли маленькие храмы, посвященные Аполлону. Разные греческие города строили в Дельфах свои храмы, украшали их лепкой и часто ставили перед входом или сбоку поразительные скульптурные группы из бронзы или раскрашенного мрамора.

Встречались здесь также десятки лавок, наперебой торгующих особым товаром: животными для принесения в жертву, бронзовыми или глиняными подобиями стоящей в храме культовой статуи и других местных шедевров.

Возле святилища располагался гигантский треножник бога с огромным бронзовым котлом, который поддерживали три изогнувшихся змеи, тоже из бронзы, отлитой из оружия, взятого афинянами у персов в сражении при Платее.

Филипп встал в очередь просителей, накинув на голову капюшон плаща, но от жрецов Аполлона ничто не ускользнуло. Очень скоро из уст в уста, от рабов до высших служителей культа, скрывающихся в самых дальних, тайных помещениях храма, пронесся слух.

– Здесь находится царь македонян, верховный глава совета святилища, – объявил, запыхавшись, молодой служка.

– Ты уверен в том, что говоришь? – спросил жрец, отвечавший в этот день за проведение службы и за оракулы.

– Трудно перепутать Филиппа Македонского с кем-то другим.

– Чего ему нужно?

– Он стоит в очереди с просителями, желающими получить ответ бога.

Жрец вздохнул.

– Невероятно. Почему было не предупредить кого-нибудь из нас? Мы не можем вот так, вдруг, дать ответ столь могущественной персоне... Живо! – приказал он. – Вывесьте знаки совета святилища и немедленно приведите Филиппа ко мне. Победитель в священной войне, верховный глава совета имеет абсолютный приоритет.

Юноша исчез за боковой дверью. Жрец облачился в одежды для богослужений и повязал голову священной повязкой, оставив ниспадающие на плечи концы, после чего вошел в храм.

Перед ним восседал на троне бог Аполлон с лицом и руками из слоновой кости, в серебряном плющевом венке на голове, с перламутровыми глазами. Огромная статуя имела удивленное выражение лица с рассеянным замершим взглядом, приоткрытыми губами и загадочной, несколько насмешливой улыбкой. На жаровне у его ног курился фимиам, и дым поднимался голубоватым облаком к отверстию меж стропил, сквозь которое виднелся краешек неба.

Из дверей, рассекая темноту, проникал пучок света; он лизал золоченые капители колонн и заставлял сверкать мириады пылинок, висящих в неподвижном тяжелом воздухе.

Вдруг в дверном проеме четко обрисовалась мощная фигура, и тень от нее протянулась почти к ногам жреца. Фигура, прихрамывая, двинулась к статуе, и в тишине святилища эхом разнесся стук жестких подошв.

Жрец узнал македонского царя.

– Чего тебе угодно? – спросил он почтительно.

Филипп поднял глаза на статую и встретил ее бесстрастный взгляд, взиравший на него сверху.

– Хочу задать вопрос богу.

– И каков же твой вопрос?

Филипп уперся взглядом своего единственного глаза прямо ему в душу, если таковая у него имелась:

– Свой вопрос я задам непосредственно пифии. Проводи меня к ней.

Жрец в замешательстве потупился, удивленный этой просьбой, но не смог найти причины отказать:

– Ты уверен, что хочешь непосредственно предстать перед голосом Аполлона? Немногие решаются на это. Он может оказаться резче звука боевой трубы, он терзает своим тоном...

– Я выдержу, – категорично оборвал его Филипп. – Проводи меня к пифии.

– Как хочешь, – сказал жрец.

Он подошел к висящему на колонне бронзовому тимпану и ударил по нему жезлом. Серебряный звук, отражаясь от стен, заиграл в помещении эхом и донесся до целлы и самого уединенного и тайного места в храме – адитона. Когда звон затих, жрец проговорил:

– Следуй за мной, – и повел царя за собой.

Они обошли пьедестал статуи и остановились перед бронзовой плитой, закрывавшей заднюю стену целлы. Проведя по ней жезлом, жрец извлек мрачный звон, быстро заглохший в невидимом подземном пространстве. Без единого звука громадная плита повернулась вокруг своей оси и открыла уходящую под землю узкую лесенку.

– Никто за годы жизни нынешнего поколения не входил сюда, – не оборачиваясь, проговорил жрец.

Филипп с трудом спускался по крутым неровным ступеням, пока не оказался в центре подземелья, скудно освещенного несколькими лампами. В этот момент от стены, совершенно терявшейся в темноте, отделилась растрепанная фигура, до пят укутанная в красные одежды. Ее лицо покрывала пепельная бледность, а жирно накрашенные глаза пугливо бегали, как у загнанного зверя. Жрицу поддерживали двое служителей, которые чуть ли не волоком подтащили ее к скамье, сделанной в форме треножника, и тихо опустили на сиденье.

Потом с трудом открыли каменный люк в полу, под которым распахнулась бездна, и оттуда поднялись клубы ядовитого дыма.

– Это хазма гес, – сказал жрец дрожащим голосом, на этот раз в непритворном страхе. – Порождение ночи, последняя горловина первородного хаоса. Никто не знает, где он кончается, и никто из спустившихся туда не возвращается. – Он взял булыжник со скалистого дна пещеры и бросил его в эту дыру. Но никакого звука так и не послышалось. – Теперь бог готов войти в тело пифии, вселиться в него. Смотри.

Провидица с трудом вдохнула поднимавшиеся из бездны испарения и содрогнулась, словно охваченная резкими спазмами, а потом, закатив глаза, осела на сиденье треножника. Ее руки и ноги безжизненно повисли. Потом она вдруг начала лихорадочно что-то бормотать, издавая хрип, который становился все более резким, пока не превратился в змеиное шипение. Один из служителей положил ей на грудь руку и многозначительно посмотрел на жреца.

– Теперь можешь задать богу свои вопросы, царь Филипп. Теперь бог здесь, – смиренным голосом проговорил жрец.

Филипп подошел вплотную к пифии, так что едва не коснулся ее рукой:

– О бог, в моем доме готовится торжественный ритуал, и я собираюсь отомстить за оскорбление, которое варвары некогда нанесли храмам на нашей земле. Но у меня на сердце тяжесть, и по ночам меня преследуют кошмары. Каков же ответ на мое беспокойство?

Пифия издала протяжный стон, потом медленно приподнялась, опершись обеими руками о край сиденья, и заговорила странным металлическим дрожащим голосом:

Бык увенчан,
конец близок,
жертвователю готов.

И снова обвисла, безжизненная, как труп.

Филипп какое-то время молча смотрел на нее, потом подошел к лестнице и скрылся в падавшем сверху бледном свете.

Глава 35

Глубокой ночью галопом примчался всадник. Спрыгнув со взмыленного коня у караульного помещения, он бросил поводья одному из щитоносцев.

Спавший вполглаза Евмен тут же вскочил с постели, накинул плащ, взял лампу и поспешно спустился по лестнице, чтобы встретить гонца.

– Заходи, – велел он, едва завидев, как прибывший подходит к портику, и повел его в оружейную палату. – Где теперь царь? – спросил царский секретарь, пока спутник, все еще тяжело дыша, шел за ним.

– Через день, не больше, будет здесь. Я потерял время по известной тебе причине.

– Ладно-ладно, – оборвал его Евмен, отпирая ключом обитую железом дверцу. – Входи, здесь нам никто не помешает.

Они беседовали в большом грязном зале, помещении для хранения и починки оружия. В стороне, вокруг наковальни, имелось несколько табуретов. Евмен подвинул один собеседнику, а сам сел на другой.

– Что тебе удалось разузнать?

– Это было непросто и стоило немало. Пришлось подкупить одного из служителей, имевшего доступ в адитон.

– И?..

– Царь Филипп нагрянул неожиданно, почти тайно. Он стоял в очереди вместе с другими просителями, пока его не узнали и не впустили в святилище. Когда жрецы поняли, что он хочет поговорить с оракулом, они попытались узнать вопрос, чтобы подготовить соответствующий ответ.

– Это обычная практика.

– Да. Но царь отказался: он попросил непосредственного разговора с пифией и велел отвести его в адитон.

Евмен закрыл лицо руками:

– О великий Зевс!

– У жреца не было времени сообщить об этом совету. Пришлось выполнить просьбу. Поэтому Филиппа проводили в адитон, и, когда пифия вошла в транс, он задал ей свой вопрос.

– Ты уверен в этом?

– Абсолютно.

– И каков же был ответ?

– Бык увенчан, конец близок, жертвователи готовы.

– И больше ничего? – помрачнев, спросил Евмен.

Гонец покачал головой.

Евмен вынул из кармана плаща кошелек с деньгами и передал собеседнику:

– Тут столько, сколько я обещал, хотя не сомневаюсь, что остаток после взятки служителя ты взял себе.

– Но я...

– Ладно-ладно, я знаю, как делаются такие дела. Только запомни: если проронишь хоть звук об этом деле, если тебе придет искушение поговорить об этом с кем-нибудь, я тебя разыщу, где бы ты ни был, и ты пожалеешь о том, что родился на свет.

Гонец взял деньги, клянясь самыми страшными клятвами, что не скажет никому ни слова, – и с этим ушел.

Евмен остался один в большом помещении, пустом и холодном, и при свете лампы долго размышлял, какое доброе истолкование предложить царю. Потом вернулся к себе в спальню, но так и не смог заснуть.

Филипп прибыл во дворец на следующий день, ближе к вечеру, и Евмен, как обычно, первым же делом явился к нему под предлогом утверждения кое-каких документов.

– Могу я спросить о результате твоей поездки, государь? – спросил он, передавая царю один за другим папирусные листы.

Филипп оторвался от бумаг и повернулся к нему:

– Ставлю десять талантов серебром против кучи собачьего дерьма, что тебе уже все известно.

– Известно, государь? О нет-нет, я не так догадлив. Нет. О таких деликатных вещах не шутят.

Филипп протянул левую руку за следующим документом и приложил к нему печать.

– Бык увенчан, конец близок, жертвователю готов.

– Таков ответ, государь? Но это же прекрасно, великолепно! Как раз когда ты собираешься пойти в Азию! Новый Великий Царь персов уже коронован, ведь таков символ Персеполиса, их столицы? Бык, крылатый бык. Нет сомнений, бык – это он. Стало быть, и его конец близок, поскольку жертвователю готов. Ты и есть тот жертвователю, который его разобьет. Оракул предсказал твою неминуемую победу над Персидской державой. Вот, государь, хочешь услышать, что я думаю? Это слишком хорошо, чтобы быть правдой: боюсь, эти подхалимы-жрецы придумали тебе такой ответ нарочно. Но все равно прекрасное предсказание, разве нет?

– Они ничего не придумывали. Я прибыл неожиданно, схватил жреца за шкуру, заставил его открыть адитон и увидел пифию. Она была не в себе и с закаченными глазами и пеной у рта вдыхала дым из хазмы.

Евмен слушал и кивал:

– Нечего сказать, молниеносная операция, достойная тебя. Если ответ настоящий, то это еще лучше.

– Ага.

– Александр прибудет через пару дней.

– Хорошо.

– Ты встретишь его у старой границы?

– Нет, подожду здесь.

– Можно пойти нам, мне и Каллисфену?

– Да, конечно.

– Можно взять также Филоту с дюжиной стражников? Всего лишь небольшой почетный эскорт.

Филипп согласился.

– Хорошо, государь. Тогда, если у тебя больше ничего ко мне нет, я бы удалился, – сказал Евмен и, собрав свои документы, двинулся к выходу.

– А ты знаешь, как меня звали мои солдаты в молодости, когда я покрывал двух женщин за одну ночь?

Евмен обернулся и встретил его твердый взгляд.

– Меня звали Бык.

Евмен не нашелся что ответить. Торопливо поклонившись, он добрался до двери и вышел.

На Беройской дороге, где проходила древняя граница царства Аминты I, собрался маленький приветственный комитет, и Евмен сделал знак остальным остановиться у галиакмонского брода, так как Александр со спутниками наверняка должен был пройти там.

Все спешили и пустили коней попастись на лугу; некоторые вытащили фляжки, чтобы утолить жажду, другие, пользуясь моментом, вынули из переметных сум хлеб, сыр, оливки и сушеные фиги и уселись на землю перекусить. Одного из стражников послали на вершину холма, чтобы дал сигнал, когда появится Александр.

Прошло несколько часов, и солнце начало клониться к вершинам Пинда, но так ничего и не произошло.

– Это опасная дорога, поверьте мне, – все повторял Каллисфен. – Тут кишат разбойники. Не удивлюсь, если...

– О, разбойники! – воскликнул Филота. – Эти парни едят разбойников на завтрак. Они провели зиму в горах Иллирии, а ты знаешь, что это значит?

Но Евмен посмотрел на холм и, увидев стражника, размахивавшего красным флагом, шепотом сообщил:

– Едут!

Вскоре дозорный пустил в их сторону стрелу, которая воткнулась в землю неподалеку.

– Все, – сказал секретарь. – Недостающих нет. – Он проговорил это, словно сам не верил своим словам.

– Эскорт! По коням! – скомандовал Филота, и все двенадцать всадников вскочили на коней и выстроились с копьями в руках.

Евмен и Каллисфен пешком пошли по дороге, а в это время на седловине холма показалась турма Александра.

Все восемь бок о бок двигались по дороге, и солнечные лучи, бившие им в спину, озарили их пурпурным светом на фоне золотистого облака. Светящаяся пыль создавала странный эффект: казалось, всадники скачут над землей и приближаются из какого-то другого времени, с края земли, из далекой волшебной страны.

Во весь опор они устремились по броду, словно каждое мгновение, еще отделявшее их от родины, было уже невыносимо. Конские копыта поднимали радужную пену на фоне последних лучей огромного огненного шара.

Евмен прикрыл глаза рукавом и шумно засопел носом. Его голос дрожал:

– О небесные боги, это они... Это они.

Еще одна великолепная фигура с длинными золотистыми волосами, в доспехах из красной меди, на бешеном жеребце, под копытами которого тряслась земля, ринулась в кипящую пеной воду и, изменив направление движения, оторвалась от группы.

Филота крикнул:

– Эскорт, построиться!

И двенадцать воинов выровнялись в ряд, подняв голову, выпрямив спину и направив вверх острие копья.

Евмен не мог сдержать чувств.

– Александр... – твердил он сквозь слезы. – Александр вернулся.

Глава 36

Евмен и Каллисфен проводили Александра до самого порога царского кабинета, и Евмен постучал. Услышав голос Филиппа, приглашавший сына войти, он положил руку на плечо друга и в некотором замешательстве сказал:

– Если твой отец упомянет о письме, которое ты мне якобы написал, не удивляйся. Я позволил себе сделать первый шаг к примирению от твоего имени, иначе ты бы так и блуждал в горах среди снегов.

Александр недоуменно посмотрел на него, наконец поняв, что же произошло, но сейчас ему не оставалось ничего другого, как только войти.

Увидев перед собой отца, Александр заметил, как тот постарел. Хотя прошло меньше года, казалось, что морщины, избородившие лоб, стали еще глубже, а виски раньше времени побелели.

Александр заговорил первым:

– Я рад видеть тебя в добром здравии, отец мой.

– И я тоже, – ответил Филипп. – Ты, кажется, возмужал. Хорошо, что ты вернулся. С твоими друзьями все в порядке?

– Да, все в порядке.

– Сядь.

Александр повиновался. Царь взял кувшин и два кубка:

– Немного вина?

– Да, спасибо.

Когда Филипп приблизился, Александр инстинктивно встал и, оказавшись лицом к лицу с отцом, увидел, что одного глаза у него нет.

– Пью за твое здоровье, отец, и за твое предприятие – покорение Азии. Я знаю о великом предсказании Дельфийского бога.

Филипп кивнул и отхлебнул вина.

– Как поживает твоя мать?

– Последний раз, когда мы с ней виделись, с ней было все хорошо.

– Она придет на бракосочетание Клеопатры?

– Надеюсь.

– Я тоже.

Они стояли, молча глядя друг на друга, и оба испытывали острое желание отдаться порыву чувств, но испытанное потрясение закалило обоих. Хотя момент ярости остался в прошлом, он тем не менее продолжал мучительным образом жить, и оба знали, что в той ситуации они могли поднять друг на друга руку.

– Иди поздоровайся с Клеопатрой, – вдруг сказал Филипп, прервав молчание. – Она очень тяжело переживала твое отсутствие.

Александр поклонился в знак согласия и вышел.

Евмен и Каллисфен отошли вглубь коридора, ожидая услышать из-за двери взрывы гнева или радости. Неестественная тишина поставила их в тупик.

– Ты что об этом думаешь? – спросил Каллисфен.

– Царь мне сказал: «Никаких празднеств, никаких пиршеств. Нечего праздновать: мы отягощены горем». Так он мне сказал.

Александр прошел по дворцу, как во сне. По пути все улыбались и кивали, но никто не решился подойти и заговорить.

Вдруг во дворе раздался громкий лай, и в портик неистово ворвался Перитас. Он прыгнул хозяину на грудь, едва не сбив его с ног, и, непрерывно лая, принялся ликовать.

Юноша был тронут любовью этого существа и таким открытым и восторженным ее проявлением. Он долго ласкал пса, чесал за ушами и старался успокоить. Ему вспомнился Арго, пес Одиссея, – единственный, кто узнал своего возвратившегося через много лет хозяина, – и он почувствовал на глазах слезы.

Едва завидев его на пороге своей комнаты, сестра бросилась ему на шею.

– Девочка... – прошептал Александр, прижимая ее к себе.

– Я так плакала. Так плакала, – всхлипывала она.

– А теперь хватит. Я вернулся и к тому же голоден. Надеюсь, что ты пригласишь меня на ужин.

– Конечно! – воскликнула Клеопатра, вытирая слезы и шмыгая носом. – Заходи, заходи.

Она усадила его и тут же распорядилась приготовить трапезу и принести таз, чтобы брат мог вымыть руки и ноги.

– А мама придет на мою свадьбу? – спросила девушка, когда он возлег для ужина.

– Надеюсь, что да. Сочетаются ее дочь с ее братом – этого нельзя пропустить. И возможно, наш отец будет даже рад ее присутствию.

Клеопатра как будто успокоилась. Брат и сестра начали беседовать о том, что случилось за прошедший год, пока они находились так далеко друг от друга. Царевна подсакивала каждый раз, когда брат рассказывал о каком-нибудь особенно ярком приключении или о рискованных погонях по диким ущельям гор Иллирии.

Время от времени Александр прерывал свой рассказ. Ему хотелось узнать о Клеопатре побольше: как она будет одета на свадьбе, как будет жить в Бутротском дворце. Иной раз он просто с легкой улыбкой молча смотрел на сестру, по обыкновению склонив голову налево.

– Бедняга Пердикка, – сказал он, словно пораженный внезапной мыслью. – Он самозабвенно влюблен в тебя и, когда узнает о твоём бракосочетании, утонет в горе.

– Мне жаль. Он отважный юноша.

– Не просто отважный. Когда-нибудь он станет одним из лучших македонских полководцев, если я хоть немного научился разбираться в людях. Но ничего не поделаешь: у каждого из нас своя судьба.

– О да, – кивнула Клеопатра.

В разговоре брата и сестры, встретившихся после долгой разлуки, вдруг возникла долгая пауза: каждый прислушивался к голосу своих чувств.

– Я верю, что ты будешь счастлива со своим мужем, – вновь заговорил Александр. – Он человек умный и мужественный и умеет мечтать. Ты будешь для него цветком в росе, улыбкой весны, оправленной золотом жемчужиной.

Клеопатра посмотрела на него загоревшимися глазами:

– Такой ты меня видишь, брат?

– Да. И такой тебя увидит он, я уверен.

Александр поцеловал ее в щеку и ушел.

Было уже поздно, когда он впервые вернулся в свои палаты после годового отсутствия. В воздухе ощущался аромат стоявших повсюду цветов и запах ванны.

Зажженные лампы распространяли теплый, уютный свет, рядом с ванной в полном порядке лежали его скребок, расческа и бритва, а на табурете сидела Лептина в коротком хитоне.

Едва завидев Александра, она подбежала к нему, бросилась к его ногам и, обняв колени, покрыла их поцелуями и слезами.

– Ты не поможешь мне принять ванну? – спросил он.

– Да, да, конечно, мой господин. Сейчас.

Она раздела его и дала погрузиться в обширную ванну, потом начала нежно обтирать губкой. Вымыла его мягкие шелковистые волосы, вытерла их и полила голову драгоценным маслом, прибывшим из далекой Аравии.

Когда Александр выбрался из ванны, девушка накрыла его плечи простыней и уложила его в постель. Потом разделась сама и долго растирала его, чтобы размять, но не умащала благовониями, поскольку ничто не было так прекрасно и желанно, как собственный запах его кожи. Увидев, что царевич расслабился и закрыл глаза, девушка легла рядом, голая и теплая, и покрыла поцелуями все его тело.

Глава 37

К концу весны, незадолго до назначенной свадьбы Клеопатры и Александра Эпирского, Эвридика родила мальчика, и это событие охладило дальнейшие отношения царевича с отцом.

Усугубились непонимание и раскол, омраченные решением Филиппа держать подальше от двора близких друзей сына, особенно Гефестиона, Пердикку, Птолемея и Селевка.

Филота, находившийся в это время в Азии, после возвращения Александра стал проявлять к нему довольно прохладные чувства. Он начал прямо-таки вызывающе встречаться с его

двоюродным братом Аминтой, который был наследником трона до рождения у Олимпиады сына.

Все это в соединении с утраченными дружескими отношениями при дворе и острым чувством изоляции не могло не усилить в Александре опасной неуверенности, толкавшей его на неловкие инициативы и неоправданные поступки.

Известие о том, что Филипп предложил в жены его сводному брату, слабоумному Арридею, дочь сатрапа Карики, дало дополнительный повод для подозрений. Наконец после долгих размышлений, боясь, что этот выбор каким-то образом связан с походом в Азию, Александр послал к Пиксодару посланника с предложением своей руки, но царь, узнав об этом через своих осведомителей, пришел в ярость и был вынужден расстроить весь план матримониального союза, уже скомпрометированного.

Недоброе известие принес Евмен.

– Да как тебе пришло в голову вытворить такое? – воскликнул он. – Почему ты ничего не сообщил мне, почему не посоветовался со мной? Ведь я бы сказал тебе, что...

– Что бы ты мне сказал? – раздраженно перебил его Александр. – Ты делаешь лишь то, что тебе велит мой отец! Не говоришь со мной, держишь меня в полном неведении обо всем!

– Ты не в себе, – возразил Евмен. – Но как ты мог такое подумать – что Филипп разменяет по мелочам своего наследника трона, женив его на дочери слуги своего врага, персидского царя?

– Я уже не знаю, наследник ли я Филиппа. Он мне этого не говорит. Проводит все время со своей новой женой и ребенком, которого она ему родила. И вы тоже меня бросили. Все вы боитесь быть со мной, думая, что теперь не я буду наследником трона! Посмотри вокруг: сколько сыновей у моего отца? Кто-нибудь решит поддержать Аминту, – в конце концов, он был наследником, когда я еще не родился. Филота, например, проводит с ним больше времени, чем со мной. А Аттал разве не заявил, что его дочь родит законного наследника? И вот, родился мальчик.

Евмен ничего не сказал. Он смотрел на Александра, меряя комнату широкими шагами и ожидая, когда тот успокоится. Наконец он остановился, повернулся спиной к окну и сказал:

– Тебе нужно встретиться с отцом, даже если сейчас он готов тебя задушить. Кстати, он не так уж не прав.

– Видишь? Ты на его стороне!

– Брось! Прекрати так со мной говорить! В ваших семейных распрях я всегда принимал твою сторону. Я старался помирить вас потому, что считаю твоего отца великим человеком, и потому, что люблю тебя, проклятого упряма! Давай вспомни какой-нибудь случай, когда я сделал что-нибудь, хоть что-нибудь против тебя, вспомни хоть одну неприятность, которую я причинил тебе за все эти годы, что мы знакомы! Ну, скажи, я жду.

Александр не ответил. Он сложил руки на груди и отвернулся, чтобы друг не увидел выступивших на глазах слез. Юноша весь кипел злобой, сознавая, что гнев отца все так же пугает его, как в раннем детстве.

– Ты должен встретиться с ним. Сейчас же. Сейчас, когда он в ярости на тебя за то, что ты натворил. Покажи ему, что не боишься, что ты мужчина, что ты достоин когда-нибудь воссесть на трон. Признай свои ошибки и попроси прощения. Вот это и будет настоящее мужество.

– Хорошо, – согласился Александр. – Но помни, что один раз Филипп уже бросился на меня с мечом.

– Он был пьян.

– А теперь он как?

– Ты несправедлив к нему. Он сделал для тебя невозможное. Тебе известно, сколько он вложил в тебя? Скажи, известно? Я-то знаю это, потому что веду расчеты и слежу за его архивом.

– И знать не хочу.

– Не меньше ста талантов, по самым скромным подсчетам: четверть богатств такого города, как Афины, во время его наивысшего расцвета.

– Не хочу знать!

– Он потерял глаз в бою и остался изуродованным до конца своих дней. Он построил для тебя величайшую державу, какая только существовала к западу от Проливов, и теперь предлагает тебе Азию, а ты препятствуешь его планам, попрекаешь за маленькие удовольствия, которые человек его возраста еще может получить от жизни. Пойди к нему, Александр, и поговори с ним, пока он сам не пришел к тебе.

– Хорошо! Я встречусь с ним. – И царевич вышел, хлопнув дверью.

Евмен бросился за ним по коридору:

– погоди! погоди, говорю тебе!

– Что еще?

– Дай сначала мне поговорить с ним.

Александр пропустил Евмена вперед и смотрел вслед, качая головой, а тот устремился в восточное крыло дворца.

Там он постучал в дверь и подождал ответа.

– В чем дело? – с мрачным лицом спросил Филипп, когда вошел секретарь.

– Александр хочет поговорить с тобой.

– О чем?

– Государь, твой сын сожалеет о своем поступке, но просит понять его: он чувствует одиночество, покинутость. Он не видит твоего доверия, твоей любви. Ты не можешь его простить? По сути дела, он почти ребенок. Он думает, что ты его бросил, и это его пугает.

Евмен, ожидавший взрыва неконтролируемого гнева, удивился, увидев, что царь сохраняет необычное спокойствие. Это поразило его.

– Ты здоров, государь?

– Здоров, здоров. Пусть войдет.

Евмен вышел и наткнулся на Александра, который, побледнев, дожидался за дверью.

– Твой отец очень переживает, – заявил секретарь. – Возможно, он еще более одинок, чем ты. Помни это.

Царевич шагнул через порог.

– Зачем ты это сделал? – спросил Филипп.

– Я...

– Зачем? – проревел он снова.

– Потому что чувствовал, что ты принимаешь решения и строишь свои планы без меня, потому что я один и никто мне не помогает, никто ничего не советует. Я хотел утвердить свое достоинство.

– Предложив руку дочери слуги персидского царя?

«Слова Евмена», – подумал Александр.

– Но почему ты не поговорил со мной? – продолжал Филипп более спокойным тоном. – Почему было не поговорить с отцом?

– Ты предпочел мне слабоумного Арридея.

– Именно! – снова вскричал Филипп, стукнув кулаком по столу. – И тебе это ни о чем не сказало? Так-то Аристотель учил тебя рассуждать?

Александр хранил молчание, а царь встал и начал, хромая, ковылять туда-сюда по комнате.

– И так страшно я тебе навредил? – наконец спросил царевич.

– Нет, – ответил Филипп. – Хотя это и могло бы оказаться полезным – породниться с персидским сатрапом, когда я готовлюсь пойти на Азию. Но на все есть свое лекарство.

– Я сожалею о случившемся. Больше такого не повторится. И надеюсь, ты сообщишь мне, каково будет мое место на свадьбе Клеопатры.

– Твое место? Оно будет таким, как и положено наследнику трона, сын мой. Ступай к Евмену. Он все знает. Он продумал церемонию до последних мелочей.

При этих словах Александр страшно покраснел. Ему захотелось обнять отца, как в былое время, когда он уезжал в Миезу, но не удалось перебороть смущения, которое испытывал в его присутствии с того дня, когда их отношения испортились. И все же царевич посмотрел на отца со взволнованным и опечаленным видом, и Филипп понял его.

– А теперь оставь меня, – сказал царь. – Убирайся, мне не до тебя.

– Входи, – сказал Евмен. – Ты обязан увидеть, на что способен твой друг. Эта свадьба станет шедевром всей моей жизни. Царь прогнал всех церемониймейстеров и камергеров и взвалил на меня всю ответственность за организацию. А теперь, – объявил он, распахивая дверь и вводя Александра, – посмотри на наряды!

Царевич оказался в одном из внутренних оружейных складов, почти полностью освобожденном от оружия, чтобы дать место огромному деревянному настилу на козлах, где в масштабе был изображен весь комплекс царского дворца в Эгах с храмами и театром.

Макеты были без крыши, позволяя заглянуть внутрь, где глиняные раскрашенные фигурки изображали различных персонажей, принимающих участие в торжественной церемонии.

Евмен взял со стола указку.

– Вот, – объяснил он, указывая на большой зал под портиком с колоннами. – Здесь состоится бракосочетание. Отсюда начнется грандиозное торжественное шествие. Это будет необычайное зрелище. После церемонии приближенные дамы проводят новобрачную в спальню – для ритуального омовения и причесывания. Тем временем состоится шествие: впереди пронесут статуи двенадцати олимпийских богов; за ними пройдут служители и рядом с ними проследует статуя твоего отца, символизируя его религиозные чувства и его божественную миссию – защищать всех греков. В центре пойдет сам царь в белом плаще и венце из золотых дубовых листьев. Чуть впереди и справа от монарха шествуешь ты в своем достоинстве наследника трона, а слева – новобрачный Александр Эпирский. Вы направитесь в театр – вот сюда. Гости и иностранные делегации при первых лучах рассвета займут места и до появления участников процессии будут развлекаться спектаклем и декламацией знаменитых актеров, специально прибывших из Афин и Сикиона. Среди них будет сам Фессал, которым, говорят, ты очень восхищаешься.

Александр расправил на плечах белоснежный плащ и обменялся быстрым взглядом со своим дядей. Оба шествовали чуть впереди Филиппа, сопровождаемого телохранителями. Царь был в красном хитоне с золотой узорчатой каймой из овалов и пальметты, в роскошном белом плаще, со скипетром из слоновой кости в руке и золотым венцом из дубовых листьев на голове – в точности как статуя, уменьшенную модель которой Евмен показывал Александру в оружейной.

Царские сапожники подобрали ему пару котурнов, как у актера-трагика; скрытые краем одежды, они были разной толщины, чтобы выровнять прихрамывающую походку и усилить внушительность фигуры.

Евмен разместился на деревянных подмостках, воздвигнутых на возвышении среди зрительских мест, и цветными флажками подавал сигналы церемониймейстеру, чтобы координировать грандиозное шествие.

Справа виднелся громадный полукруг, битком набитый народом – казалось невероятным, чтобы на таком тесном пространстве уместилось столько людей, – а дальше, на границе

видимости, Евмен различил голову процессии со статуями, чудесно изваянными самыми великими скульпторами; статуи были облачены в настоящие наряды, и на голове у них сверкали золотые венки, а рядом двигались священные птицы: орел Зевса, сова Афины, павлин Геры, тоже выполненные с удивительным реализмом, – казалось, они вот-вот взмоют в воздух.

За ними ступали жрецы со священными повязками на головах и кадилами в руках, а за ними – хор прелестнейших обнаженных мальчиков, распеваящих свадебные гимны и аккомпанирующих себе на флейтах и тимпанах. Монарх находился позади всех; чуть впереди шли его сын и шурин-зять, а замыкали шествие шесть царских телохранителей.

Это было великолепное зрелище, а солнце, светившее в этот день чрезвычайно ярко, делало его еще великолепнее. Голова процессии уже входила в полукруг, и статуи богов одна за другой двигались мимо оркестры и выстраивались в ряд перед проскением.

Когда процессия втянулась в арку сбоку от сцены, часть ее скрылась из глаз Евмена и оставалась невидимой до тех пор, пока снова не показалась на солнечном свете, уже внутри театра.

В облаке фимиама проплыли жрецы, за ними – мальчики, танцующие и распеваящие эпиталамы Гименею в честь новобрачной. Евмен видел, как они исчезли под аркой и появились с другой стороны под восхищенные возгласы публики.

Теперь под арку заходили Александр Македонский и Александр Эпирский, а за ними – царь Филипп. Как и было предусмотрено сценарием, перед самым входом в арку монарх велел своему эскорту отойти, так как не хотел предстать перед греками в окружении солдат, как тиран.

Евмен видел, как в театре под ликующие аплодисменты появились двое царственных юношей, и тут же царь также скрылся в тени арки. Теперь в хвосте процессии оставалась только вереница телохранителей. Евмен бросил на них рассеянный взгляд – и тотчас присмотрелся повнимательнее: одного не хватало!

Как раз в этот момент в залитом солнцем театре появился Филипп. Догадавшись, что сейчас произойдет, Евмен закричал во все горло, но не смог перекрыть шума толпы. Все случилось мгновенно: недостающий телохранитель вдруг выскочил из тени с коротким кинжалом в руке, бросился на монарха, вонзил ему в бок клинок по самую рукоятку и бросился прочь.

По замешательству на лицах присутствующих Александр понял, что произошло что-то страшное; он обернулся через мгновение после того, как отец получил удар, и увидел, как лицо его побледнело, наподобие маски из слоновой кости на лицах богов. Он видел, как Филипп закачался, держась за бок. На белоснежный плащ хлынула кровь.

Какой-то человек стремительно убегал к дороге, за которой раскинулись широкие луга. Александр бросился к отцу, который опустился на колени. Александр Эпирский, пробегая мимо, крикнул:

– Держите этого человека!

Александр успел подхватить царя, прежде чем тот упал в пыль, и прижать к себе. Кровь пропитывала одежду и обагряла руки царевича.

– Отец! – кричал он сквозь рыдания, прижимая его к себе крепче. – Отец, нет!

И Филипп ощутил на своих обескровленных щеках его жгучие слезы.

Небо над ним взорвалось мириадами светящихся точек, а потом вдруг разом погасло. В этот момент он снова увидел, как стоит посреди погруженной в полумрак комнаты, прижимая к груди новорожденного младенца. Он почувствовал мягкую кожу ребенка на своей колючей щеке, прикосновение нежных детских губ к изборожденному шрамами плечу, вдохнул сильный запах пиерских роз... прежде чем погрузился во мрак и безмолвие.

Глава 38

Беглец во всю прыть бежал к деревьям, где его поджидали какие-то люди, несомненно сообщники, которые тоже бросились бежать, как только заметили погоню.

Оставшись один, убийца обернулся и понял, что попался. Александр Эпирский настигал его с мечом в руке, крича:

– Хватайте живым! Хватайте живым!

Убийца снова пустился бежать со всех ног и, подбежав к коню, вскочил было на него, но зацепился за лозу и грохнулся на землю. Он успел подняться, однако стражники были уже рядом и, обрушив на беглеца десятки ударов, убили его на месте.

Увидев происшедшее, эпирский царь закричал вне себя:

– Идиоты! Вам было сказано: хватайте живым!

– Но он был вооружен, государь, и пытался сопротивляться.

– Гонитесь за прочими! – велел царь. – Гонитесь за прочими и задержите их!

Тем временем подоспел Александр, весь в крови Филиппа.

Он посмотрел на убийцу, потом на эпирского царя и заявил:

– Я его знаю. Его звали Павсаний, это один из телохранителей отца. Разденьте его, прибейте к столбу у входа в театр и оставьте гнить там, пока не останутся одни кости.

Между тем вокруг трупа собралась толпа: зеваки, царские стражники, военные и иностранные гости.

Александр вместе с зятем тут же вернулся в быстро опустевший театр, где нашел свою сестру Клеопатру; все еще в свадебном наряде, она безудержно рыдала над бездыханным телом отца. Поодаль Евмен с мокрыми глазами, прижав руку ко рту, качал головой, словно все еще не мог поверить в происшедшее. Царица Олимпиада, которую ожидали с утра, так и не прибыла.

Александр приказал трубить сбор всем находящимся поблизости боевым частям, распорядился унести тело отца и подготовить его к погребению, велел проводить Клеопатру в ее палаты и принести ему и его зятю доспехи.

– Евмен! – крикнул царевич другу, выводя того из оцепенения. – Отыщи царскую печать и принеси мне. И быстро пошли эстафету, чтобы сообщить Гефестиону, Пердикке, Селевку и прочим: пусть ждут меня в Пелле до исхода завтрашнего вечера.

Принесли доспехи. Оба Александра облачились в панцири и поножи, опоясались мечами и в сопровождении сводного отряда направились сквозь толпу – занимать дворец. Все присутствующие члены царской семьи были взяты под надзор и отправлены по домам, за исключением Аминты, который тоже надел доспехи и явился под командование Александра:

– Можешь рассчитывать на меня и мою преданность. Я не хочу, чтобы пролилась новая кровь.

– Благодарю тебя, – ответил Александр. – Я не забуду этого поступка.

Городские ворота заняли дозоры щитоносцев и конные отряды. Филота по собственной инициативе прибыл во дворец и поступил под командование Александра.

Во второй половине дня Александр, вместе с эпирским царем и своим двоюродным братом Аминтой, в доспехах, царском плаще и диадеме, выступил перед собранным войском. Его обращение прозвучало громко и ясно.

Командиры приказали трубить в трубы, а воины прокричали приветствие:

– Да здравствует Александр, царь македонян!

Потом, по другому сигналу, они долго били копьями в щиты, наполнив дворцовые портики оглушительным грохотом.

Александр приказал приготовить Буцефала и готовиться к отъезду. Он подозвал Евмена и Каллисфена, тоже присутствовавших на церемонии.

– Евмен, ты займись телом моего отца. Пусть его омоют и набальзамируют, чтобы сохранить до торжественного погребения. Погребение тоже организуй сам и встреть мою мать, она должна вот-вот приехать. Потом вызови архитектора – пусть начинает работу по сооружению царской гробницы. Каллисфен, ты останься здесь и займись исполнителем преступления. Разущи его друзей и сообщников, разузнай о его передвижениях в последние часы, допроси стражников, убивших его вопреки приказу моего зятя. Если понадобится, примени пытки.

Евмен вышел вперед и протянул Александру маленький ларец:

– Царская печать, государь.

Александр взял из ларца перстень и надел на палец.

– Ты любишь меня, Евмен? Ты верен мне?

– Конечно, государь.

– Тогда зови меня по-прежнему Александром.

Он вышел на площадь, вскочил на Буцефала и, оставив Эги на Филоту, вместе с зятем отправился в Пеллу, чтобы воссесть на трон Филиппа и показать придворной знати, кто их новый монарх.

К этому времени театр уже совершенно опустел. Остались лишь статуи богов, в сумятице едва не сброшенные с пьедесталов, и статуя Филиппа, меланхолично смотрящая перед собой в меркнувшем свете заката, как забытое божество.

Вдруг, с наступлением темноты, словно из ничего материализовалась какая-то фигура: человек с накрытой плащом головой вышел на пустынную арену и долго рассматривал пятна крови на земле, потом отвернулся и прошел под арку сбоку от сцены.

Его внимание привлек металлический предмет, окровавленный и почти невидный в песке. Человек наклонился и стал рассматривать его маленькими серыми, чрезвычайно подвижными глазами, потом подобрал и спрятал в складках плаща.

Он вышел на открытое место и остановился перед столбом с прибитым телом убийцы, которое уже окутал мрак. За спиной послышался голос:

– Дядя Аристотель, не ожидал увидеть тебя здесь.

– Каллисфен. День, предназначенный для радости, закончился так печально.

– Александр надеялся обнять тебя, но цепь событий...

– Знаю. Мне тоже очень жаль. Где он теперь?

– Во главе войска скачет в Пеллу. Хочет предотвратить всякую возможность переворота со стороны определенных группировок среди знати. Но как ты, почему ты здесь? Это не веселый спектакль.

– Цареубийство – всегда критическая точка в развитии событий человеческой жизни. И в каком-то смысле сбылось предсказание Дельфийского оракула: «Бык увенчан, конец близок, жертвователю готов». – И, повернувшись к трупу Павсания, философ проговорил: – Вот он, жертвователю! Он и сам не думал, что таков будет эпилог этого пророчества!

– Александр попросил меня расследовать это преступление. Попытаться раскрыть, кто мог стоять за убийством его отца. – Издалека, из закоулков дворца, доносилось заунывное пение плакальщиц. – Все кажется таким бессмысленным...

– Здесь и таится ключ к разгадке преступления, – сказал Аристотель, – в этой бессмысленности. Какой убийца выбрал бы такую пошлую форму убийства – в театре, словно это сцена из трагедии, сыгранная на самом деле, с настоящей кровью и... – он вытащил из складок плаща металлический предмет, – настоящим мечом. А точнее сказать, кельтским кинжалом.

– Необычное оружие... Но вижу, ты уже начал свое расследование.

– Любопытство – ключ к познанию. Что нам известно о нем? – спросил Аристотель, снова указывая на труп.

– Не много. Его звали Павсаний, он родом из Линкестиды. В стражу он был зачислен из-за своих физических данных.

– К сожалению, он больше ничего не сможет сказать, и это определенно было частью плана. Ты допросил убивших его солдат?

– Одного-двух, но ничего особенного не узнал. Все утверждают, что не слышали приказа Александра не убивать его. В ярости за смерть господина, ослепленные злобой, они закололи преступника, а он даже не пробовал сопротивляться.

– Возможно. Но с той же степенью вероятности это может оказаться неправдой. А где эпирский царь?

– Отбыл вместе с Александром в Пеллу.

– Стало быть, отказался от брачной ночи с молодой женой.

– По двум причинам, и обе они понятны: чтобы поддержать шурина в критический момент наследования и из уважения к трауру Клеопатры.

Аристотель приложил палец к губам, чтобы племянник замолчал. Вдали послышался стук копыт скачущей галопом лошади. Звук приближался.

– Пошли, – сказал философ. – Скроемся отсюда. Не зная, что за ними наблюдают, люди держатся свободнее.

Судя по стуку копыт, галоп сменился шагом, а потом звук совсем затих. Какая-то фигура в черном плаще соскочила на землю, подошла к прибитому к столбу труп и откинула капюшон, открыв длинные волнистые волосы.

– Небесные боги, да ведь это Олимпиада! – прошептал на ухо дяде Каллисфен.

Царица приблизилась к мертвецу, что-то вытащила из складок своего плаща и поднялась на цыпочки. Когда она удалилась обратно к своему эскорту, на шее Павсания остался венок из цветов.

– О Зевс! – воскликнул Каллисфен. – Но теперь...

– Теперь ясно, ты хочешь сказать? – покачал головой Аристотель. – Ничего подобного. Если бы это царица подослала убийцу, не кажется ли тебе, что она бы не позволила себе такого жеста на глазах у своего эскорта, к тому же прекрасно отдавая себе отчет в том, что кто-то, вероятно, присматривает за трупом Павсания?

– Но если это так, то она может вести себя таким абсурдным образом именно для того, чтобы натолкнуть меня на заключение, которое ее оправдает.

– Верно, но в любом случае лучше попытаться понять причины, толкнувшие человека на преступление, чем ломать голову над тем, кто и что думает о том, что подумают окружающие, – заметил Аристотель. – Разыщи какую-нибудь лампу или факел. Пойдем осмотрим место, где убили Павсания.

– Но не лучше ли дожждаться дневного света?

– Прежде чем рассветет, еще многое может случиться. Я подожду тебя там.

И философ направился к рощице дубов и вязов, где состоялась расправа над цареубийцей.

Глава 39

Гефестион, Птолемей, Селевк и Пердикка, все четверо в доспехах, усталые и взмокшие, прибыли с наступлением ночи. Они поручили своих коней прислуге, а сами поднялись по дворцовой лестнице в зал советов, где их дожидался Александр.

Леоннат и Лисимах не смогли прибыть до следующего дня, так как находились в Ларисе, в Фессалии.

Стража провела их в комнату, где уже находились Александр, Филота, стратег Антипатр, Александр Эпирский, Аминта и несколько командиров фаланги и конницы гетайров. Все, включая царя, были в доспехах и держали перед собой на столе мечи и шлемы – признак того, что ситуация все еще оставалась критической.

Александр, взволнованный, встал им навстречу:

– Друзья мои, наконец-то все мы снова вместе!

За всех ответил Гефестион:

– Мы в отчаянии от смерти Филиппа и глубоко скорбим. То, что он отправил нас в изгнание, сейчас никак не влияет на наши чувства. Мы запомнили его как великого государя, доблестного воина и мудрого правителя. Для нас он был как отец, суровый и строгий, но также и великодушный, способный на благородные порывы. Мы оплакиваем его с искренней скорбью. Это страшное событие, но теперь тебе предстоит собрать его наследство, и мы признаем тебя его преемником и нашим царем.

Сказав все это, он подошел и расцеловал Александра в обе щеки; остальные проделали то же. Потом они приветствовали царя Александра Эпирского и остальных присутствующих и заняли свои места за столом.

Александр продолжил свою речь:

– Известие о смерти Филиппа разнеслось повсюду в считанные дни, так как убийство произошло на глазах у тысяч людей и вызвало ряд труднопредсказуемых откликов. Мы должны действовать с такой же быстротой, чтобы не допустить ничего, что могло бы ослабить государство или разрушить что-либо созданное моим отцом. Мой план таков: нужно собрать сведения о состоянии северных границ, о реакции наших недавних союзников – афинян и фиванцев и... – он бросил многозначительный взгляд на Филоту, – о намерениях военачальников, командующих нашим экспедиционным корпусом в Азии, – Аттала и Пармениона. Поскольку они располагают пятнадцатитысячным войском, стоит заняться этим немедленно.

– Что ты думаешь делать? – спросил Филота с некоторым опасением.

– Я не хочу ставить кого-то из вас в затруднительное положение: я направлю сообщение одному греку по имени Гекатей, который служит нам в районе Проливов, командуя небольшим отрядом. Я также решил освободить Аттала от командования, и вы несомненно понимаете почему.

Никто не высказал возражений: все живо хранили в памяти сцену, случившуюся год назад на свадьбе Филиппа.

– Надеюсь, – говорил Александр, – что ситуация скоро прояснится. Кто-то, возможно, подумает, что после смерти царя Филиппа можно что-то из сделанного обратить вспять. Нам предстоит убедить таковых в их заблуждении. Только после этого мы сможем продолжить дело моего отца.

Александр замолчал, и в этот момент все осознали, что время замерло и в этом помещении готовится будущее, которого никто не представляет. Юноша, прошедший у Филиппа годы суровой школы, теперь сидел на троне Аргеадов. Разрушительная мощь, которую доселе он видел лишь в героях поэм, теперь находилась в его руках.

Александр передал командование частями фаланги и гетайров своим друзьям, царский дворец оставил на Гефестиона, а сам вместе с царем Эпира отправился в Эги, где его отец все еще ожидал погребения и где следовало выполнить множество неприятных обязанностей.

На полпути им повстречался гонец от Евмена со срочным донесением.

– Какая удача, что я встретил тебя, государь! – воскликнул он, протягивая запечатанный свиток. – Евмен хотел, чтобы ты прочел это немедленно.

Александр взял донесение и пробежал глазами по лаконичным фразам:

Евмен – Александру, царю македонян

Здравствуй!

Сын Эвридики обнаружен в колыбели мертвым, и я опасюсь за жизнь его матери.

Царица Олимпиада прибыла во дворец в ту ночь, когда ты уехал.

Необходимо твое присутствие здесь.

Береги себя.

– Моя мать прибыла вскоре после нашего отъезда. Ты знал об этом? – спросил Александр своего зятя.

Эпирский царь покачал головой:

– Нет, она мне ничего не говорила, когда я покидал Бутрот. Я не думал, что она действительно собирается присутствовать на церемонии. Для нее это было бы еще одно оскорбление. Она думала, что таким образом Филипп полностью ее устраняет, так как после женитьбы я и без нее гарантировал безопасность его западных границ. Не могу представить себе, почему она решила приехать в Эги.

– Как бы то ни было, теперь она там и уже предприняла серьезные шаги. Поспешим же, пока не случилось чего-нибудь непоправимого, – сказал Александр и пустил Буцефала в галоп.

Они прибыли на следующий вечер, к заходу солнца, и еще издали услышали во дворце душераздирающие крики. На пороге их встретил Евмен:

– Она кричит так уже два дня. Говорит, что это твоя мать убила ребенка. И не хочет расставаться с мертвым тельцем. Но уже прошло время, и ты понимаешь...

– Где она?

– В южном крыле. Пошли.

Александр сделал знак своим телохранителям следовать за собой и пошел через дворец, где повсюду стояли вооруженные солдаты. Среди них было много эпирцев из эскорта его зятя.

– Кто их сюда поставил?

– Царица, твоя мать, – запыхавшись, ответил Евмен, шагавший чуть позади Александра.

Рыдания становились все громче. Временами они вдруг сменялись хриплыми криками или продолжительными всхлипываниями.

Подойдя к двери, Александр без колебаний открыл ее. Увиденное ужаснуло его. В углу со спутанными волосами, с красными распухшими глазами и остановившимся взглядом лежала Эвридика. К груди она прижимала бесчувственное тело ребенка. Голова и ручки малыша запрокинулись назад, и синюшный цвет их говорил, что уже началось разложение.

Одежды на матери были разодраны, волосы запачканы кровью, лицо, руки и ноги покрыты синяками. Во всей комнате стоял тошнотворный запах пота, мочи и разложения.

Закрыв глаза, Александр на мгновение вызвал в памяти образ Эвридики во всем ее величии, когда она восседала рядом с царем, его отцом, – любимая, заласканная, вызывающая у всех зависть, – и ощутил, как его охватывает ужас, а в груди и жилах на шее закипает ярость.

Он повернулся к Евмену и спросил с еле скрываемой злобой:

– Кто это сделал?

Друг молча потупился.

Александр снова прорычал:

– Кто это сделал?

– Не знаю.

– Немедленно вызови кого-нибудь, пусть займутся ею. Вызови моего врача Филиппа, пусть позаботится о ней, пусть приготовит что-нибудь успокоительное.

Он двинулся прочь, но Евмен задержал его:

– Она не хочет расставаться со своим ребенком. Что делать?

Александр остановился и повернулся к молодой женщине, которая, как испуганный зверь, еще глубже забилась в угол.

Он тихо подошел к ней, опустил на колени и заглянул ей в глаза, слегка склонив голову набок, чтобы смягчить силу своего взгляда. Потом протянул руку и нежно погладил ее по щеке.

Эвридика закрыла глаза, прислонила голову к стене и издала долгий горестный вздох.

Александр протянул руки и прошептал:

– Дай его мне, Эвридика, дай мне малыша. Он устал, разве ты не видишь? Нужно положить его поспать.

Две крупных слезы медленно скатились по щекам молодой женщины до уголков ее губ.

– Поспать... – пробормотала она и разжала руки.

Александр осторожно взял малыша, словно тот в самом деле уснул, и вышел в коридор.

Евмен между тем привел какую-то женщину из прислуги.

– Я возьму его, государь, – тихо сказала она.

Александр передал ей трупик:

– Положи его рядом с моим отцом.

– Зачем? – крикнул Александр, распахивая дверь. – Зачем?

Царица Олимпиада встала и пылающим взглядом уставилась на него:

– Ты посмел войти ко мне при оружии?

– Я – царь македонян! – вскричал Александр. – И вхожу куда захочу! Зачем ты убила ребенка, зачем так варварски обошлась с его матерью? Кто тебе велел это сделать?

– Ты – царь македонян именно потому, что этот ребенок мертв, – бесстрастно ответила Олимпиада. – Может быть, ты не хотел этого? Ты забыл, как страдал, когда испугался потерять милость Филиппа? Забыл, что говорил Атталу в день свадьбы твоего отца?

– Не забыл, но я не убиваю младенцев и не зверствую над беззащитными женщинами.

– У царя нет выбора. Царь может быть только один, и не существует никакого закона, утверждающего, кто именно должен наследовать трон. Группа знати могла бы взять малыша под свою опеку и править от его имени до его совершеннолетия. Что бы ты делал в таком случае?

– Я бы стал сражаться за трон!

– И сколько бы крови пролил при этом? Ответь! Сколько вдов ты заставил бы плакать по погибшим, сколько матерей и сыновей погибли бы преждевременно, сколько полей было бы выжжено, сколько сел и городов предано огню и мечу? Держава, построенная твоим отцом, пришла бы в упадок!

Александр овладел собой, лицо его помрачнело, словно побоище, предотвращенное преступлением его матери, вдруг отяготило его и чужое горе навалилось на его душу.

– Значит, это судьба, – ответил он. – Такова судьба мужчины – допускать зверства, болезни, страдания и смерть, прежде чем кануть в ничто. Но в его силах, в его власти и в его воле при каждой возможности действовать благородно и проявлять милость. Это единственное достоинство даруется ему, пока он существует, и это единственный свет перед мраком бесконечной ночи...

Глава 40

На следующий день Евмен объявил Александру, что гробница для его отца готова и что можно устраивать погребение. На самом деле в невероятно сжатые сроки была завершена лишь первая часть огромного склепа. Предусматривалось впоследствии строительство еще одного помещения – для всяких ценных предметов, чтобы сопроводить великого владыку в потусторонний мир.

Пышно разодетого, в венке из золотых дубовых листьев, солдаты положили Филиппа на костер, и два батальона фаланги и эскадрон верховых гетайров отдали ему почести.

Погребальный костер залили чистым вином, прах и кости завернули в пурпурно-золотую ткань в форме македонской хламиды и положили в массивный золотой гроб на ножках в виде львиных лап, со звездой Аргеадов на крышке.

Внутри гробницы поместили панцирь из железа, кожи и золота, который царь надевал при осаде Потидеи, пару бронзовых поножей, золотой колчан, покрытый позолотой парадный деревянный щит, украшенный в центре вырезанной по слоновой кости вакхической сценой. Его оружие – меч и наконечник копья – бросили в огонь на алтаре, а потом, согласно ритуалу, согнули, чтобы никто больше не мог ими воспользоваться.

Александр возложил собственные дары: великолепный массивный серебряный кувшин с ручкой, украшенной бородатой головой сатира, и серебряный кубок чудесной красоты, с двумя ручками, легкий, почти невесомый.

Вход в гробницу закрыли огромной мраморной двустворчатой дверью меж двух дорических полуколонн, воспроизводивших вход в царский дворец в Эгах, а византийскому художнику было поручено расписать архитрав великолепной сценой охоты.

Царицы Олимпиады не было на похоронном ритуале, она не хотела возлагать никаких даров на погребальный костер или в гробницу мужа. Не хотела она и встречаться с Эвридикой.

Когда солдаты закрыли мраморные двери, Александр заплакал: он любил отца и чувствовал, что за этими створками навсегда похоронена его юность.

Эвридика отказывалась от пищи и осталась умирать от голода вместе с маленькой Европой, отвергая любые снадобья врача Филиппа.

Для нее Александр тоже возвел великолепную гробницу и велел поставить внутри мраморный трон, которым отец пользовался, когда под дубами в Эгах вершил правосудие, – прекрасный, украшенный золотыми грифонами и сфинксами, с великолепным изображением квадриги лошадей на спинке. Выполнив свои обязанности, с душой, полной печали, Александр вернулся в Пеллу.

Антипатр был военачальником из старой гвардии Филиппа, преданным трону и заслуживающим полного доверия. Александр поручил ему проследить за миссией Гекатея в Азии, под боком у Пармениона и Аттала, и с нетерпением ждал ее исхода.

Он знал, что северные варвары, трибаллы и иллирийцы, недавно покоренные отцом, могут в любой момент восстать, и понимал, что греки приняли условия Коринфского мира только вследствие разгрома при Херонее и что все его враги, и прежде всего Демосфен, еще живы и всюду действуют. Но следовало принимать во внимание и то, что Аттал и Парменион контролируют Проливы и стоят во главе экспедиционного корпуса силой до пятнадцати тысяч воинов.

И мало того, пришло известие, что персидские агенты установили контакты с афинянами из антимакедонской партии и предложили им серьезную финансовую помощь золотом для разжигания возмущений.

Существовало множество факторов нестабильности, и если бы все эти угрозы проявились одновременно, новый монарх мог не устоять.

Первый ответ на его запросы пришел к началу осени: Антипатр просил у царя немедленной аудиенции, и Александр принял его в бывшем кабинете своего отца. Старый полководец, хотя и был солдатом с головы до кончиков ногтей, не любил демонстрировать свое положение и обычно одевался, как простой горожанин. Это говорило о его уравновешенности и уверенности в себе.

– Государь, – сказал он, войдя, – вот какое сообщение пришло из Азии: Аттал отказался сложить полномочия и вернуться в Пеллу; он оказал вооруженное сопротивление и был убит. Парменион заверяет тебя в своей преданности.

– Антипатр, я хотел бы знать, что ты действительно думаешь о Парменионе. Тебе известно, что его сын Филота здесь, во дворце. В некотором смысле его можно считать моим заложником. Не в этом ли, по-твоему, кроется причина его заверений в верности?

– Нет, – без колебаний ответил старый стратег. – Я хорошо знаю Пармениона. Он привязан к тебе и всегда тебя любил, еще когда ты был маленьким и залезал на колени к отцу во время военных советов в царской оружейной палате.

Александр вдруг вспомнился стишок, который он распевал каждый раз, увидев седые волосы Пармениона:

Старый солдат на войну торопился,
А сам-то на землю, на землю свалился!

И он ощутил глубокую грусть, задумавшись о том, как драматически власть изменяет отношения между людьми.

Антипатр продолжил:

– Но если у тебя остаются сомнения, есть лишь один способ развеять их.

– Послать к нему Филоту.

– Именно, учитывая, что два других его сына, Никанор и Гектор, уже с ним.

– Так я и поступлю. Пошлю к нему Филоту с письмом, вызывающим его в Пеллу. Он нужен мне: боюсь, что грядет буря.

– Это решение кажется мне очень мудрым, государь. Парменион выше всего ценит преданность.

– Какие новости с севера?

– Плохие. Трибаллы восстали и сожгли несколько наших пограничных гарнизонов.

– Что мне посоветуешь?

– Я направил им предупреждение. Если не одумаются, ударь по ним изо всех сил.

– Разумеется. А что на юге?

– Ничего хорошего. Антимакедонская партия понемногу усиливается повсюду, вплоть до Фессалии. Ты очень молод, и кое-кто считает...

– Говори, не стесняясь.

– Что ты неопытный юноша и тебе не удастся удержать установленную Филиппом гегемонию.

– Они пожалеют об этом.

– И еще одно.

– Говори.

– Твой двоюродный брат Архелай...

– Продолжай, – помрачнев, подбодрил его Александр.

– Он стал жертвой несчастного случая на охоте.

– Умер?

Антипатр кивнул.

– Когда мой отец захватил трон, то оставил жизнь как ему, так и Аминте, хотя на тот момент оба могли претендовать на власть.

– Это был всего лишь несчастный случай на охоте, государь, – бесстрастно повторил Антипатр.

– А где Аминта?

– Внизу, в караульном помещении.

– Не хочу, чтобы с ним что-то случилось: после убийства моего отца он был рядом со мной.

Антипатр кивнул в знак того, что понял, и направился к двери.

Александр встал и подошел к большой Аристотелевой карте, которую давно хотел установить в своем кабинете. О востоке и западе можно было не беспокоиться: они находились под надзором Александра Эпирского и Пармениона, всегда проявлявших верность. Но север

и юг представляли собой большую угрозу. Следует как можно скорее и как можно решительнее нанести удар, не оставив никаких сомнений в том, что в Македонии есть монарх не менее сильный, чем Филипп.

Молодой царь вышел на галерею и устремил взгляд на горы, где когда-то скитался в изгнании. С приближением осени леса начинали менять цвет, и скоро следовало ждать снега – до весны в этой части страны все будет спокойно. В настоящий момент следует опасаться фессалийцев и фиванцев. Александр задумался о плане действий в ожидании возвращения из Азии Филоты и Пармениона.

Через несколько дней он снова собрал военный совет.

– Я войду в Фессалию с готовым к войне войском и подтвержу свои полномочия тагоса, принадлежавшие отцу, а потом продвинусь к самым стенам Фив, – объявил он. – Фессалийцам следует понять, кто их новый господин, а фиванцы пусть до смерти перепугаются: они должны осознать, что в любой момент я могу напасть на них.

– Есть одна сложность, – вмешался Гефестион. – Справа и слева от реки фессалийцы перегородили Темпейскую долину укреплениями. Проход заблокирован.

Александр подошел к Аристотелевой карте и указал на гору Осса, обрывавшуюся в море.

– Знаю, – сказал он. – Но мы пройдем вот здесь.

– Но как? – спросил Птолемей. – Кажется, ни у кого из нас нет крыльев.

– Зато у нас есть кувалды и зубила, – ответил Александр. – Мы высечем в скале ступени. Пусть придут пятьсот горняков Пангея, самые лучшие. Хорошенько накормите их, оденьте, обуейте и пообещайте свободу, если закончат работу за десять дней. Пусть работают посменно без перерыва, со стороны моря. Фессалийцы не должны их видеть.

– Ты это серьезно? – спросил Селевк.

– Я никогда не шучу на военных советах. Действуйте.

Все присутствующие озадаченно переглянулись. Было очевидно, что Александра не останавливает ничто: никакое препятствие, никакое человеческое или божественное вмешательство.

Глава 41

«Лестница Александра» была готова через шесть дней, и под покровом темноты ударные части щитоносцев беспрепятственно прошли через Фессалийскую равнину.

Через несколько часов конный гонец принес фессалийскому военачальнику известие об этом, но без каких-либо объяснений, потому что на данный момент никто объяснить этого не мог.

– Ты хочешь сказать мне, что у нас в тылу македонское войско во главе с самим царем?

– Именно так.

– И как, по-твоему, оно там оказалось?

– Это неизвестно, но македоняне там, и их много.

– Сколько?

– От трех до пяти тысяч, и они хорошо вооружены и экипированы. И у них есть кони. Не много, но есть.

– Это невозможно. По морю прохода нет, а по горам – тем более.

Военачальник, некто Харидем, не успел договорить, как один из его солдат сообщил, что вдоль реки по направлению к укреплениям поднимаются два батальона фаланги и конный эскадрон гетайров. Это означало, что до вечера фессалийцы окажутся зажаты между двумя армиями. Чуть погодя еще один из его воинов сообщил, что македонский командир по имени Кратер хочет начать переговоры.

– Скажи ему, что сейчас приду, – велел Харидем и вышел через боковые ворота на встречу с македонянином.

– Меня зовут Кратер, – представился тот, – и я прошу тебя освободить проход. Мы не хотим причинять вам никакого вреда. Просто мы двигаемся на соединение с нашим царем, который у вас в тылу и идет в Ларису, где намеревается собрать совет Фессалийского союза.

– У нас особенно и нет выбора, – заметил Харидем.

– Да, выбора нет, – подтвердил Кратер.

– Хорошо, договорились. Но можно узнать одну вещь?

– Если в моих силах ответить, я отвечу, – очень официально объявил Кратер.

– Ради всех богов, каким образом ваша пехота оказалась у меня в тылу?

– Мы высекли ступени в склоне горы Осса.

– Ступени?

– Да. Мы сделали проход, чтобы поддерживать контакты с нашими союзниками-фессалийцами.

Побледневшему Харидему ничего не оставалось, кроме как пропустить македонян.

Через два дня Александр вошел в Ларису, собрал совет Фессалийского союза и заставил его подтвердить свою пожизненную должность тагоса.

Потом он дождался подхода остальных частей и, пройдя через Беотию, эффектно выстроил под стенами Фив огромное войско.

– Я не хочу кровопролития, – заявил он. – Но они должны перепугаться до смерти. Позаботься об этом, Птолемей.

И Птолемей выстроил войско, как во время битвы при Херонее, и провел его мимо городских стен. Он попросил Александра надеть те же доспехи, что были на его отце, и приготовил огромный военный барабан на колесах, который тащила четверка коней.

Барабанный бой отчетливо слышался за городскими стенами, где несколько дней назад фиванцы пытались напасть на македонский гарнизон в Кадмейской цитадели. Воспоминания о недавнем трауре и страх перед грозной армией немного охладили пыл самых ярых смутьянов, но не угасили ненависти и желания сбросить македонское иго.

– Хватит? – спросил Александр Гефестиона, когда войска маршировали мимо стен Фив.

– Пока хватит. Но не строй иллюзий. А что ты будешь делать с другими городами, где нападают на наши гарнизоны?

– Ничего. Я хочу стать для греков предводителем, а не тираном. Они должны понять, что я им не враг. Что их враг – за морем, что это перс, отказавшийся дать свободу греческим городам в Азии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.